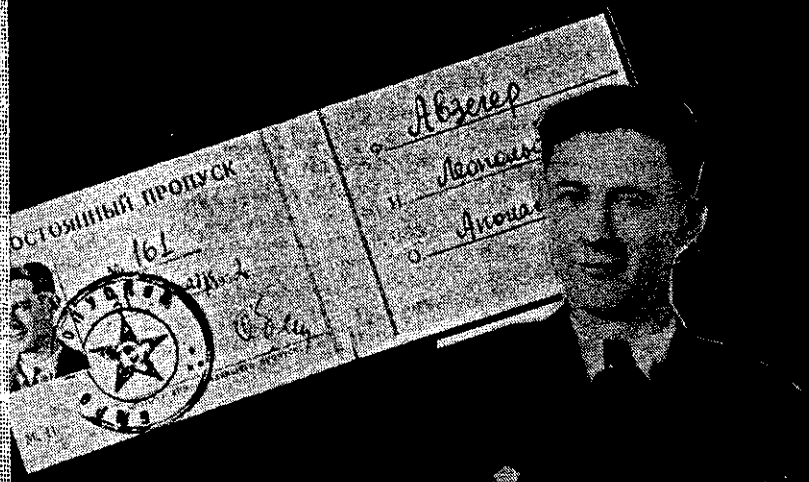
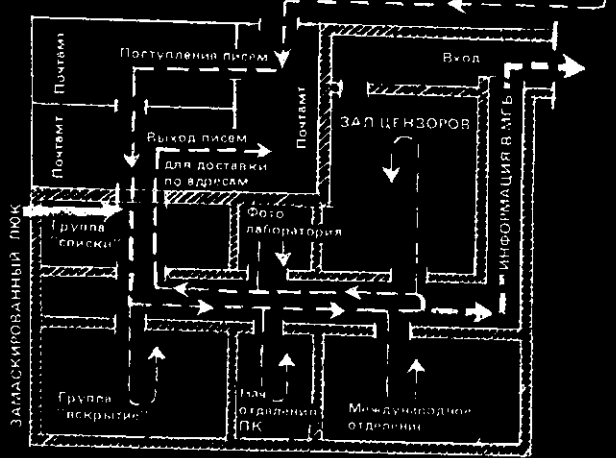
UNIVERSITY
OF VIRGINIA
CHARLOTTESVILLE
LIBRARIES



еопольд
авзегер

ЧЕРНЫЙ КАБИНЕТ

План размещения почтамта и отделения ПК в г. Чита



леопольд
авзегер

ЧЕРНЫЙ КАБИНЕТ

Записки тайного цензора МГБ

"Хокен"
Тель-Авив

Художественное оформление Э. Розенберг
Редактор Г. Челак
Корректор Х. Гершкович

©

Все права издания сохраняются за автором

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9
В плену ложных идеалов 15
Военная цензура 34
Тайная советская цензура 66
"Украинская группа" 131
"Международное отделение" 158
Специальные сообщения 169
Цензура писем продолжается 171
"Чистая совесть" чекистов 181
Нет, мне не больно! 217
Неизбежный финал 224

"Русское чудо" продолжается. После смерти трех престарелых генсеков молодой М. С. Горбачев энергично приступил к демократизации "самой демократической в мире" страны социализма. Вот уже и критика руководящих деятелей разрешается (в тех же масштабах, что и при И. В. Сталине, то есть исключая Политбюро ЦК КПСС), и личная инициатива поощряется (куда более ограниченная, чем во времена ленинского НЭПа), и выборность руководства предприятий, цехов, колхозов, совхозов вводится...

Какие еще последуют шаги? Свобода слова, печати, совести, собраний, демонстраций, забастовок? Право создания других политических партий, противостоящих коммунистической? Право граждан СССР на эмиграцию и заграничные путешествия? Отмена цензуры печати и художественного творчества, а также письменной корреспонденции граждан? Будут предоставлены другие права и свободы, как то: справедливое судопроизводство, отмена паспортного режима с позорной обязательной пропиской, народам СССР предоставят подлинное право на самоопределение вплоть до отделения от СССР? Будет прекращена интервенция в Афганистане, будет покончено с грубым вмешательством во внутренние дела "братских"

стран? Будут возвращены захваченные в разные времена территории Китаю, Японии, Румынии, Финляндии и другим соседям?

Поживем — увидим.

А пока ознакомимся с предлагаемой книгой — еще одной в длинной цепи документальных произведений, показывающих звериный оскал знакомой нам системы. Ее автор анализирует, в основном, один-единственный "узкий" вопрос о цензуре почтовой корреспонденции в СССР. Бывший советский военный цензор, затем "негласный" сотрудник МГБ, трудившийся на ниве тайной цензуры внутренней и международной переписки советских граждан, он несомненно является пионером в деле раскрытия тайн одного из самых сокровенных подразделений коммунистического режима. Рассказывая о "делах давно минувших дней", он ясно дает понять, что если за истекшие десятилетия что-то изменилось в советской цензуре, то лишь в сторону расширения ее полномочий и возможностей за счет совершенствования технологии, методов и средств. Те, кто хотя бы немного знакомы с коммунистической идеологией и практикой, несомненно согласятся с его выводами.

В силу неожиданной новизны излагаемых фактов книга читается с неослабевающим интересом и в тысячный раз убеждает маловеров: коммунизм и демократия — несовместимые понятия, а, значит, все усилия нынешнего руководства страны Советов придать своему режиму человеческое лицо — либо добрые намерения идеалистов, которыми "вымощена дорога в ад", либо, что более вероятно, еще одна попытка с негодными средствами ввести в заблуждение собственный народ и международное общественное мнение с единственной целью — еще на десять или тридцать лет оттянуть неизбежный крах.

Григорий ЧЕЛАК

Тайна переписки охраняется законом.
(Конституция СССР, ст. 128)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Граница на замке... Тысячи и тысячи километров вспаханных полос, запретных зон, высоких оград из проволочной сетки, увенчанных добротной, давным-давно испытанной на фронтах и в тылу колючей проволокой; тысячи застав, наблюдательных вышек, десятки тысяч пограничников и сторожевых собак; совершеннейшая электронная аппаратура, всевозможное оружие, боеприпасы... Не жалеют в Советском Союзе сил и средств для охраны рубежей могущественнейшей в мире державы. Ее соседи — братские социалистические страны — Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Корея, Китай? Или соседи иные — полуфеодальные, капиталистические — Турция, Иран, Финляндия, Япония?

Полвека назад еще можно было говорить об опасностях извне, подстерегающих СССР. Ныне это смешно. Вот почему закрытые на замок границы Советского Союза наводят на мысль о том, что великое тоталитарное государство не столько страхует себя от внешних врагов, сколько "обе-

регает" своих подданных-рабов от внешнего "тлетворного влияния", от попыток променять социалистический рай на капиталистический ад.

Чуткая ко всем и всяческим изворотам народная молва откликается на любые ухищрения политиканов от марксизма. Ярче, полнее всего советское общественное мнение высказывается в единственном виде творчества, который не может быть взят под жесткий контроль партийных органов, — анекдотах. Вот один из множества таких анекдотов, отвечающих затронутой теме.

Беседуют двое. Один спрашивает: "Что бы ты сделал, если бы вдруг открыли все границы и всем желающим разрешили бы эмигрировать?" Другой, не задумываясь, отвечает: "Залез бы на дерево". "На дерево? Но почему?" — следует недоуменный вопрос. "Чтоб не задавили", — резонный ответ.

Пуще всего на свете "ум, честь и совесть нашей эпохи" — КПСС боится правды. Правды о том, что творилось и творится в стране, правды о нищенской жизни трудящихся в СССР в сравнении с жизнью тружеников Запада, правды о советском тоталитаризме и великих демократиях свободного мира.

Но правда, что птица, границ не знает. С первых же дней торжества большевистского террора в России она пробивалась сквозь железный занавес, опущенный коммунистами-ленинцами на советских границах. Верить ей не желали. Прекраснодушные политиканы, левые всех оттенков больше прислушивались к демагогическим панегирикам коммунистических пропагандистов, славивших счастливую жизнь братских народов в стране победившего социализма. Грубый произвол, жестокий террор, полнейшее беззаконие свирепствовали на одной шестой части суши, об этом вопили газеты и радио западных стран, но широкая мировая общественность оставалась равнодушной к

судьбам миллионов, томившихся за колючей проволокой, зверски замученных, расстрелянных, умиравших от голода, холода и болезней. Наступил 1953-й год. В Советском Союзе произошли некоторые изменения, которые привели к новой — третьей эмиграции. Сотни тысяч бывших советских граждан оказались на Западе, среди них немало писателей, журналистов, деятелей искусства, ученых, религиозных деятелей. Они, живые свидетели "коммунистического чуда", заговорили во весь голос. Их страстные речи, пламенные статьи, глубоко аргументированные художественные и публицистические работы оставить без внимания, казалось бы, невозможно. И в самом деле, наиболее честные, передовые общественные и политические деятели Запада пересмотрели свое отношение к СССР, переосмыслили прошлое и решительно высказались против коммунистического империализма, против "светлого будущего", уготованного миру кремлевскими фюрерами. И все же, даже сейчас, после того, как мир узнал об архипелаге ГУЛаг, о полунищенской жизни в колхозах и совхозах, о серятине буден советских рабочих и служащих, об антигуманной борьбе КПСС и КГБ с инакомыслящими, о психушках и дикой травле верующих, — даже сейчас мировое общественное мнение, по сути дела, продолжает дремать и благодушествовать. Стыдно сказать, но здесь, в Израиле, мне не раз задавали удивительный вопрос: "Скажите, неужели это правда, — то, что описал Солженицын в "Архипелаге ГУЛаг"?

Поистине, имеющий уши да слышит... Боюсь, многие прекраснодушные караси-идеалисты опомнятся лишь тогда, когда окажутся в пасти щуки.

Очень многое известно ныне о Советском Союзе. Но много тайн еще хранят сейфы коммунистической охранки. Будут ли когда-нибудь открыты для исследователей архивы самой одиозной орга-

низации на Земле — КГБ? Сомнительно. Что ж, тем более обязаны мы, побывавшие в пасти щуки и чудом из нее вырвавшиеся, способствовать разоблачению бесчеловечного режима, открывать глаза карасям-идеалистам на истинный характер щучьей пропаганды в омуте "самого прогрессивного" коммунистического мира, как, впрочем, и далеко за пределами этого омута.

Одну из тайн партии и ее цепного пса — КГБ, о которой до сих пор, по-моему, никто еще не писал, я и собираюсь открыть, осветить в своих воспоминаниях. Это тайна о работе советских органов госбезопасности в области цензуры почтовой корреспонденции. В течение семи лет я принимал непосредственное участие в этой "благородной работе". Понятно, она мне знакома в мельчайших деталях, стало быть, я вправе выразить надежду, что все, описанное мною, не вызовет у читателей сомнений.

Думается, мало кто сталкивался с вопросами проверки почтовой корреспонденции. Даже искушенные советские люди, из-за отсутствия информации по данному вопросу, не могут иметь какого-либо четкого представления о характере этого тайного контроля, хотя многие из них, несомненно, догадывались о его существовании. В силу ряда обстоятельств я стал сотрудником советских органов госбезопасности: работал вначале военным цензором, а затем тайным цензором внутренней и международной корреспонденции. Был уволен во время массовой чистки, когда органы безопасности приняли решение окончательно избавиться от сотрудников-евреев.

Долгое время я хранил молчание об этом периоде своей жизни. Были у меня на то чисто личные причины. Когда-то я обязался никому никогда не рассказывать о своей работе в органах. Дело, однако, не в этой клятве, которую я ни-

когда не считал священной, ибо глупо безмерно соблюдать клятву, данную клятвопреступникам. Главная причина моего молчания более проста: "болтливостью" я мог нанести ущерб людям, которых любил или уважал. В своей слепой ярости КГБ может дойти до самых невероятных акций против ни в чем не повинных людей — уж это-то я отлично усвоил за время своей службы в славных рядах чекистов.

Ныне в Советском Союзе нет больше людей, которым мои мемуары могли бы причинить вред. Стало быть, я могу безбоязненно рассказать все, что знаю, все, о чем, я убежден, не имею морального права умалчивать.

Хочу предварить тему несколькими общими замечаниями.

Существование негласной цензуры писем в Советском Союзе тщательно скрывалось и скрывается не только от мировой общественности, но и от советского народа. Справедливости ради следует отдать должное органам: вот уже 50 лет в СССР свирепствует тайная цензура, однако до сих пор им удается держать в тайне специфику секретной деятельности "черного кабинета". Впрочем, выше я уже отмечал, что правда не знает границ: гэбэ в последние десятилетия допускает промах за промахом, а в наше бурное время любой, даже самый незначительный просчет ведет к серьезным последствиям, скрыть которые невозможно. Так мир узнал о преступлениях Сталина и его сатрапов, о движении инакомыслящих в СССР, о "психушках", о зверствах советских оккупационных войск в Афганистане...

Настало время приоткрыть завесу тайны деятельности "черного кабинета" в Советском Союзе, до сих пор так тщательно скрываемой от мировой общественности, упорно опровергаемой советскими официальными органами, политическими и общест-

венными деятелями страны. Насколько мне известно, предшественников у меня нет. Мой труд пока — первое и единственное описание структуры, методов и форм деятельности негласной цензуры почтовой корреспонденции. Многие подробности выветрились из моей памяти, но основное помнится в деталях, ибо семь лет — это добрый кусочек жизни, да какой! Ни слова вымысла в моих мемуарах нет, все факты достоверны, даже почти все имена соответствуют действительности. Моя цель — довести до сведения широкой общественности правду о работе по перлюстрации писем в СССР, рассказать — где и как это делается, кто ею занимается и кто за нее несет главную ответственность.

В Советском Союзе об этой работе не принято ни говорить, ни писать. Тема перлюстрации, подобно строжайшей военной тайне, находится под запретом. Еще бы! Ведь едва ли можно представить себе нечто более отвратительное, чем систематическая проверка корреспонденции собственных граждан, свидетельствующая о полном недоверии к их политической, моральной благонадежности. Стыдно КПСС и КГБ открыто признать факт вопиющего нарушения собственной конституции, своих международных обязательств...

Я полностью отдаю себе отчет в том, что мои воспоминания бросают тень на мою биографию. Что поделаешь!? Как говорится, из песни слова не выкинешь. Во имя правды, справедливости приходится порой поступаться даже собственным душевным покоем. Лучше сделать это поздно, чем никогда. Ну а пресловутый камень пускай первым бросит в меня тот, кто сам, живя в условиях жестокого тоталитаризма, сумел сохранить в полной неприкосновенности чистую совесть и незапятнанный мундир.

В ПЛЕНУ ЛОЖНЫХ ИДЕАЛОВ

В 1956 году, перед выездом из СССР в Польшу, я должен был явиться в Дрогобычский горком партии и сдать там свой партийный билет. Этот билет я получил в 1944 году на фронте. В то время я был молодым идеалистом, верил в прогрессивность социалистического общества, не сомневался в подлинности дружбы народов СССР, в неизбежности наступления коммунизма на Земле. В основе моего мировоззрения лежала мечта о счастливом будущем в СССР, где власть принадлежит народу, где все равны перед законом, где каждому воздается по труду, а в недалеком будущем будет воздаваться по потребностям. Не было у меня никаких сомнений в справедливости, демократичности социалистического строя, который должен принести счастье всем гражданам без исключения.

Покидая страну, я уже отлично знал, что мои юношеские идеалы были эфемерными. То было время разоблачения так называемого культа личности Сталина, а вместе с ним и лживости коммунистических идеалов. На своей шкуре я испытал произвол властей, на тысячах примеров убедился в беззаконии, царящем в огромной стране, в отсутствии всяких демократических свобод. Вместо

пресловутой дружбы народов я видел великорусский шовинизм, национальную рознь, разгул антисемитизма, отнюдь не "бытового", а государственного, планомерного и упорного, рассчитанного на то, чтобы по возможности быстрее уничтожить все еврейское, а тех, кто этому станет сопротивляться, истребить физически. Я понимал уже и то, что единственным виновником бесчисленных преступлений, совершенных в стране, являлась правящая коммунистическая партия Советского Союза, поэтому не считал уже честью быть ее членом и был рад возможности избавиться от своего позорного партийного билета.

Так вот, когда я отдал свой партийный билет и все было кончено, секретарь горкома "товарищ" Козлов, выполняя, как ему казалось, свой партийный долг, решил сказать мне несколько напутственных слов. Он поведал буквально следующее: "Я надеюсь, товарищ Авзегер, что, находясь за пределами нашей родины, вы не станете клеветать на Советский Союз, а, наоборот, будете защищать нашу страну от нападков ее врагов. Я хотел бы, чтобы вы говорили правду, только правду о Советском Союзе, так, как этому учила нас с вами наша славная коммунистическая партия".

Крепко запомнил я эти вещие слова и решил следовать завету "товарища" Козлова. Правду вы хотите? Так получайте ее, дорогие "товарищи", хватайте ее пригоршнями, лопатами, ковшами экскаваторов! Хлебайте ее, ешьте, жрите, подавитесь ею!

Какая ирония судьбы! Трубят на всех перекрестках о правде те, кто люто ее ненавидят, чья власть целиком зиждется на самой беспардонной лжи, чье существование без этой лжи просто представить себе невозможно. Распинаются о правде те, что изгнали из родной страны автора правдивого "Архипелага ГУЛаг", преследовали святого

правдолюбца академика, бросают в тюрьмы, лагеря, психушки всякого, кто осмелится вымолвить хоть одно слово той самой правды... Иезуитское лицемерие — детская игра по сравнению с придуманными КПСС играми, для которых, кажется, и слов-то в русском языке еще не придумано. Язык, как известно из славных работ основоположников марксизма-ленинизма, в числе которых в свое время был и "великий ученый", знавший толк во всех науках, И. В. Сталин, всегда отстает от жизни, не поспевает за ней, плетется в хвосте. Давайте назовем это явление старческим маразмом разлагающейся партии, которой, будем надеяться, недолго уже дано отравлять атмосферу миазмами своего распада.

Если эта книга попадет в руки работников органов безопасности страны Советов или высокопоставленных партийных чиновников, мои мемуары, сомнений в том нет, будут квалифицированы как "злостная клевета на светлую советскую действительность". Правда честных людей для них — клевета, их клевета — чистейшая правда. Все смешалось, перепуталось в головах господ-коммунистов, и свою путаницу они беспардонно навязывают несчастному, забитому, живущему в вечной нужде советскому народу, благо покорен он и молчалив, терпелив и вынослив, как ни один народ на свете. Но всякому терпению приходит конец, и тогда...

Правда все-таки одна, и она проложит себе дорогу и к очерствевшим, задубевшим сердцам советских людей. Любая попытка помочь ускорению этого процесса — дело чести людей доброй воли в пределах СССР и за его рубежами.

Я родился, провел свои детские и юношеские годы в упомянутом уже городе Дрогобыче, расположенном в так называемой Западной Украине, то есть на территории, принадлежавшей до 1939

года Польше. Мои родители были верующими евреями и соблюдали все традиции. Дома у нас разговаривали только на языке идиш. Как и другие дети ортодоксальных евреев, в детстве я посещал хедер, и никому даже в голову тогда не могло прийти, что в будущем я, мальчик из приличной еврейской семьи, стану членом коммунистической партии, партии безбожников, отрицающих религию, ничего на свете не признающих, кроме своих узко партийных догм.

У жизни, однако, свои законы. Они-то и определили мое мировоззрение на ближайшие пятнадцать лет.

Дело в том, что в Польше к концу тридцатых годов свирепствовал жуткий антисемитизм. Естественной реакцией на него явилась мечта еврейского населения о свободе, равноправии и справедливости. Поскольку в самой Речи Посполитой евреи изверились в светлом будущем для себя и своих детей, часть из них примкнула к сионистскому движению, поставив себе цель содействовать возрождению еврейского государства в Палестине с тем, чтобы тотчас же или со временем переселиться на землю предков. Такие евреи активно участвовали в деятельности различных сионистских организаций.

Вместе с тем было немало евреев, которых сионистские идеалы не волновали, не притягивали. Угроза со стороны западного соседа, близость соседа восточного, сулившего небывалые свободы всем, кто примет его веру, определяли тяготение части еврейской молодежи к идеалам социалистическим.

Каюсь, я был в числе последних. Для меня и многих мне подобных, только Советский Союз представлялся страной, где возможно правильное решение еврейского вопроса. Вот почему наши взоры были устремлены в сторону первой в мире

социалистической страны. Мы видели себя борцами за светлое будущее, против всякого угнетения и насилия, рыцарями без страха и упрека, осиянными нимбом святости и героизма. Простые, доступные идеалы коммунистов — мир, братство, равенство, дружба народов — казались нам квинтэссенцией земной мудрости, легко достижимым, недалеким будущим всего человечества.

Выплескивая сейчас на многотерпеливый лист бумаги всю эту коммунистическую тарабарщину, я грустно улыбаюсь. Но от стыда не краснею. Кто в молодости не заблуждался? А ведь, в отличие от многих, очень многих нынешних коммунистических руководителей, я тогда, в тридцать девятом, и много лет спустя свято верил в то, что делал. Да и можно ли отрицать привлекательность лозунгов коммунистов для незрелых юнцов вроде меня, не способных еще к самостоятельному мышлению, зато способных на слепую, безоглядную веру в такие простые, такие, казалось бы, легко осуществимые идеи?! Ведь и сейчас, после всего, что было, миллионы людей во всем мире все еще продолжают верить в некое счастье, которое, по их глубокому убеждению, способны им дать только коммунисты. И не секрет, что сила коммунистов как раз в том и состоит, что они, в отличие от других партий, выдвигают, не задумываясь, демагогические, но явно способные увлечь массы лозунги.

Короче говоря, я был революционным романтиком и, как множество моих сверстников-евреев, не сумел устоять перед привлекательностью большевизма, потому что евреи, будучи нацией угнетенных, всегда жили в надежде на приход Мессии-избавителя. Поскольку Мессия не очень-то спешил выполнить возложенную на него Господом миссию, мудрено ли было уверовать в лжемессию — компартию?

Наверное, у евреев это в крови — мечтать о справедливости для всех людей на земле, прежде всего без различия национальной принадлежности. К этому их побуждало бесправное положение в странах рассеяния, таких, как Польша, Румыния, Венгрия, даже цивилизованные Австрия, Чехословакия, Франция. Сознательно или бессознательно, именно мечта о равноправии с другими народами приводила евреев в ряды коммунистических партий, во многих из которых они составляли большинство. А ведь коммунисты прежде всего били именно по этой больной струне.

В 1939 году гитлеровская Германия напала на Польшу. На основании "дружеского пакта", подписанного Молотовым и Риббентропом, Красная Армия заняла Западную Украину. Для еврейского населения этого региона приход Советов не был бедствием. Напротив, в свете оккупации Австрии, Чехословакии и западных областей Польши гитлеровскими войсками со всеми вытекающими отсюда для евреев последствиями, советский "аншлюс" можно даже считать прогрессивным явлением, несмотря на его предательский по отношению к растерзанной Польше характер.

Во всяком случае именно так это событие и было расценено евреями, в частности, лично мною. В родном Дрогобыче я с радостью встретил "освободителей", в награду за верность быстро получил от них работу по специальности, после чего активно включился в общественную жизнь и одним из первых в городе вступил в комсомол. Все это во многом определило мою дальнейшую судьбу.

Всего около двух лет длилось обретенное "счастье". В сорок первом последовало нападение гитлеровской Германии на Советский Союз, и с первого же дня войны мой родной Дрогобыч оказался под угрозой захвата. Как активный комсомолец, я не хотел эвакуироваться. Весьма смутно представляя себе грозившую всем евреям опасность, я мечтал о героических подвигах во славу социалистической родины и желал лишь одного: чтоб меня как добровольца зачислили в ряды Красной Армии, чтоб послали на фронт, где я с оружием в руках смогу сражаться с ненавистным нацизмом. К моему великому удивлению, просьба моя не была удовлетворена. Вообще в военкомате царила полная неразбериха, многочисленных добровольцев даже на прием к военкому не допускали, а советовали эвакуироваться в восточные области страны, где их, якобы, обязательно зачислят в доблестную Красную Армию. Именно тогда я и столкнулся с первым проявлением недоверия властей к собственным гражданам, но не понял этого, как не понял и много позже, после множества других подобных случаев.

Очень скоро стало известно, что Советский Союз вообще не был подготовлен к войне — нехватало вооружения, обмундирования, командного состава. Я вынужден был эвакуироваться и только в начале 1943 года был мобилизован. Я благодарен судьбе, что мне выпала честь с оружием в руках бороться против ненавистного врага — немецких нацистов. Я принимал участие в боях за освобождение Украины, Румынии, Венгрии, Австрии и Чехословакии. Все время с оружием в руках находился на передовой. За отвагу и особые заслуги в боях был неоднократно награжден орденами и медалями Советского Союза. Свое участие в войне описывать не стану, тема это особая, но вкратце остановлюсь на освобождении столицы Чехословакии.

Тот день мне не забыть. Он вошел в историю как день победы над немецким фашизмом. До

конца дней своих буду помнить, как чехи и словаки встречали нас, своих освободителей. Их радость, их счастье, их улыбки и приветствия были искренними, и я горд тем, что был одним из освободителей Праги. Там, на улицах многострадального города, я вместе с товарищами по оружию, вместе с толпами пражан праздновал великую победу. Не обращая внимания на наш внешний вид, незнакомые люди обнимали и целовали нас, своих избавителей от гитлеровского кошмара. Нас принимали как братьев, веря в наше бескорыстие, в нашу готовность к жертвам во имя интернационализма, великого братства народов. Народ Чехословакии верил нам, и даже самые мрачные пессимисты не могли тогда предсказать, что всего через два десятилетия с хвостиком армия-освободительница вторгнется в страну уже в роли поработительницы, силой оружия ликвидирует законное правительство с его социализмом с "человеческим лицом", а на его место поставит новое, марионеточное, верное кремлевским диктаторам, что "братья" явятся в роли оккупантов и будут встречены с ненавистью и презрением тем самым народом, которому когда-то принесли на броне своих танков избавление.

Страшные годы войны миновали. Союзники вынудили фашистских варваров капитулировать. Так закончилась гитлеровская авантюра в Европе. Ликвидация очага агрессии на Дальнем Востоке теперь стала делом времени. Советский Союз, "верный своему союзническому долгу", а на самом деле мечтавший об экспансии на восток и на юг, объявил войну империалистической Японии. С Запада на Восток были поспешно переброшены воинские соединения, имевшие богатейший боевой опыт, в том числе и весь наш Второй Украинский фронт. Сначала в Монголии, потом в Манчжурии я принимал участие в боях, освобождал Мукден, Порт-Артур и другие города.

После установления окончательного мира на всей планете наши воинские соединения были отведены в Забайкальский военный округ. В пустые, заброшенные казармы вновь прибыли солдаты. Я очутился в глухомани, где кроме воинских частей живой души не было. Зима в тех краях длинная и суровая. Мороз доходит до 50 градусов ниже нуля, поэтому в казармах стоял пронизывающий холод. Кормили солдат — хуже некуда, к тому же безжалостно гоняли на строевые и боевые учения, требуя железную воинскую дисциплину. Уставное требование о "безоговорочном выполнении всех приказов командира" превращало солдат в некие живые механизмы, хуже, — в скотину, послушно следующую за пастухом. Вот там-то я и познал весь ужас будней нашей армии, по сравнению с которым фронтовая вольница казалась раем. Не знаю, чем бы кончилась моя мирная воинская служба, если бы не внезапный коренной перелом в моей жизни, перелом, о котором я не думал, не гадал. Бывают же в жизни чудеса! Впрочем, едва ли можно считать чудом некую случайность, изменившую всю мою жизнь, которую, как я теперь хорошо понимаю, даже счастливой назвать никак нельзя.

В начале февраля 1946 года в наше подразделение прибыли из Читы два офицера, в распоряжение которых была немедленно отведена отдельная комната в штабе батальона. По их обмундированию трудно было определить, к какому роду войск они принадлежат, но по манерам, выправке чувствовалось, что они кадровые военные. Когда меня, после нескольких других бойцов, пригласили на беседу в их кабинет, я догадался по вопросам, которые мне задавали, что офицеры эти принадлежат к советской разведке. Вели они себя совершенно непринужденно, по-дружески, непрестанно шутили,

давая мне понять, что и я должен себя чувствовать свободно, так как наша беседа как бы нас уравнивает, исключая всякое деление на чины-звания, а, стало быть, и воинскую субординацию. Но дружба дружбой, а служба службой. Миссию свою они выполняли неукоснительно: как бы между прочим задавали мне множество вопросов, касающихся в основном моей биографии, — где и когда я родился, живы ли родители, чем занимаются родственники, нет ли родичей за границей... Особенно они интересовались моим образованием, еще больше — знанием языков. В самом конце беседы поинтересовались, согласен ли я переехать в Читу, где находится штаб Забайкальского военного округа, для дальнейшего прохождения воинской службы. При этом они, разумеется, не упомянули, в каком именно подразделении мне предстоит служить, чем заниматься. Согласно армейским порядкам, на перевод военнослужащего в другое подразделение не требуется его согласия. У меня же явно испрашивали согласия, причем без обиняков намекали на то, что в новой моей роли мне будут созданы куда лучшие условия, чем те, которые приняты в нашем подразделении. Чем только не соблазняли неискушенного паренька двое демонов-искусителей! Обещали мне, например, что вскоре после переезда в Читу я смогу взять отпуск и совершить путешествие к себе на родину, в Дрогобыч, разумеется, сулили хорошее питание, даже заработок...

Я не устоял перед великим соблазном, ибо терять мне, как говорится, кроме своих цепей, было нечего — мне осточертели и холод в казарме, и отвратительное питание, и изолированность части от внешнего мира, и солдатская муштра. Я принял их предложение. После чего они тут же попросили меня никому не рассказывать о нашей встрече и о нашем разговоре и пообещали очень скоро прислать из Читы вызов на мое имя.

Следует сказать несколько слов об этих офицерах, с которыми впоследствии я сошелся довольно близко. Оба они были сотрудниками органов госбезопасности: старший лейтенант Сергей Иванов работал в должности инспектора отдела кадров читинского областного управления МГБ; лейтенант Петр Черненко занимал должность руководителя национальной группы отделения военной цензуры № 115. С Петром Черненко у меня сложились особенно теплые, дружеские отношения, длившиеся несколько лет, пока мы оба работали в одном и том же отделе и жили по соседству. По вечерам он, бывало, заглядывал ко мне, я частенько навещал его, мы дружили семьями, вместе встречали праздники, выпивали, беседовали на самые разнообразные темы. Но вот что характерно: хотя наши жены тоже работали в органах и, подобно нам, многое знали, во многое были посвящены, мы, казалось бы, неразлучные друзья, о работе ни разу даже не заикнулись в этих дружеских беседах. В той среде, куда я попал, говорить о работе было категорически запрещено.

Именно Петр Черненко встретил меня на читинском вокзале, куда я прибыл для "дальнейшего прохождения воинской службы". Он-то и повел меня в читинское областное управление МГБ, где мне предстояло оформить прием на работу, — в то время (может, и ныне) большое четырехэтажное здание, целиком отданное на откуп дальневосточным чекистам. Как я вскоре убедился, это здание по тем временам было самым большим и самым лучшим в городе.

Для меня был заказан пропуск в отдел кадров, находившийся на втором этаже. Рядом с отделом кадров помещались финансовый отдел и бухгалтерия. В тот первый день я заметил также, что на первом этаже располагался обширный

отдел "А", то есть архивный, а также огромный зал для проведения партийных собраний, торжественных заседаний, приемов, лекций и разнообразных других мероприятий. Именно тогда, в первый же день знакомства с новой моей работой, я понял, как солидно, основательно поставлено дело в МГБ. С внутренним трепетом я убедился в том, что это исключительное учреждение, на которое партия и правительство не жалеют средств, что структура, организация этого учреждения близки к совершенству, а авторитет его и влияние — к безграничности.

Дальнейшее знакомство с ним только утверждало меня в первоначальном мнении. Вскоре я более детально узнал внутреннюю структуру читинского управления МГБ. Оказались в нем и другие отделы, таинственные названия которых сами по себе внушали к ним почтение и даже у невиннейшего человека вызывали неудержимое желание как можно дальше от них держаться. Были оперативные отделы: пятый (внутренний), четвертый и отдел "Р" (глушение радиопередач) занимали третий этаж; на четвертом этаже помещался самый главный, второй, отдел (международный), здесь же находились кабинеты начальника управления, его заместителей и секретаря партячейки. Самыми оперативными отделами считались второй и пятый — внутренняя и международная агентура. Каждый из этих отделов состоял из нескольких гласных отделений и Бог весть скольких негласных, раскинутых в разных районах города и так строго законспирированных, что об их существовании знали только посвященные, а о местонахождении — лишь единицы.

В тот же день, на том же пути к отделу кадров управления, уже при входе в вестибюль я обратил внимание на царившую в этом учреждении тишину. Здесь не слышно было никаких разговоров, даже шаги проходящих людей заглушались ковровой дорожкой... Я подметил, как изредка выходят из своих кабинетов сотрудники — все чисто, хорошо одетые в ладную офицерскую форму или гражданскую одежду. В сравнении с солдатами, даже с офицерами нашей части они казались людьми из другого мира.

Долго ждать приема мне не пришлось. Инспектор Иванов, тот самый, который со мной уже беседовал, любезно пригласил меня к себе в кабинет, где кроме него было еще два инспектора. На его большом письменном столе лежала заранее приготовленная папка. Он ее раскрыл и извлек кипу анкет, которые мне предстояло четким почерком заполнить. Без преувеличений, в течение полных двух дней я сидел и, обливаясь потом, заполнял эти объемистые вопросники. Вопросы были самые разнообразные, многие из них разделялись на подвопросы, не дававшие возможности скрыть хоть одну-единственную неприятную деталь биографии. Среди прочего, к примеру, надо было сообщить имя и отчество дедушек и бабушек, девичьи фамилии бабушек, перечислить всех их сестер и братьев, даже если твои родители никогда с ними связей не поддерживали; следовало перечислить всех близких родственников, дать подробнейшие сведения о своем социальном происхождении, о роде занятий родителей и т. д. и т. п. Упаси Господь хотя бы на один вопрос ответить наивным "не знаю".

У каждого человека найдется какая-то мелочишка, которую ему хотелось бы скрыть от нескромных людей. Скажите, как бы вы, например, отвечали на такие щекотливые вопросики, как: "Были ли ваши родственники в оппозиции к советской власти?", "У кого из них были колебания в проведении генеральной линии партии?" Понятно, что у любого польского еврея имелись роди-

чи, которые, мягко говоря, недолюбливали большевиков, а уж колеблющимися, пожалуй, вполне можно было считать всех, за исключением разве меня, грешного. Как же быть в такой ситуации? Доносить на близких, ставя тем самым под угрозу их жизнь, или юлить, то есть лгать по мелочам? Волей-неволей приходилось изворачиваться, кое-какие факты подтасовывать. Думаю, не я один "виноват" в этом перед советскими органами, но даже сам бывший глава КГБ, а затем генсек политбюро ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов, не говоря уже о его "великих" предшественниках Ягоде, Ежове, Берии, Шелепине и других. Все это делалось, несмотря на строжайшее предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний, пардон, сведений.

Наконец, проклятые анкеты были заполнены и сданы. Тут же, в моем присутствии, инспектор отдела кадров тщательно их проверил. Видимо, их смотрело затем всякое высокое начальство. Не думаю, что мои маленькие ухищрения остались совершенно не замеченными высокими чинами. Скорее всего они, эти чины, прекрасно знали, что и "солнце не без пятен", но им приходилось мириться с невинной ложью своих неофитов, не то они остались бы без сотрудников.

Через несколько дней мне объявили, что я зачислен на работу в отдел "В" в должности цензора военной цензуры № 115, с месячным испытательным сроком. Тут же, немедленно, мне предложили подписать обязательство в том, что я обещаю никогда, нигде и никому, ни при каких условиях и обстоятельствах не разглашать то, что видел, слышал или узнал во время своей работы в органах. Я обязывался также никогда не упоминать об этой своей работе в своих дневниках, письмах, воспоминаниях и т. д.

Сколько таких "подписок о неразглашении"

я давал за время своей работы в органах! Все их содержание, весь их смысл сводился, собственно, к одному-единственному обещанию: молчать! Молчать, молчать и молчать, навсегда похоронить в тайниках души то, что знаешь, а если нарушишь этот завет...

Советская пропаганда постоянно твердит о том, что важнейшая задача, которая стояла и стоит перед доблестными чекистами, — это искусно разоблачать врагов народа. Помните, сколько раз, начиная со славных времен "железного Феликса", мы слышали о карающем мече революции? Все это фразы, рассчитанные на простачков. Важнейшее искусство, которым обязаны овладеть сотрудники органов, — это искусство молчать. Молчать при любых обстоятельствах. Хранить гробовое молчание прежде всего о том, что происходит в недрах этой самой тайной изо всех тайных политических полиций мира.

Упомянутой "подпиской о неразглашении" органы заставляют своих сотрудников хранить в тайне увиденное и услышанное. Со всей жестокостью они наказывают любого, кто нарушит эту "священную клятву". Пусть даже для наказания не будет юридического основания, сама подписка — достаточное основание для любой кары, не исключая физического истребления.

Отнюдь не в порядке самооправдания заявляю: описываемая мною работа советской тайной цензуры почтовой корреспонденции никоим образом не может считаться нарушением "подписки о неразглашении". Сама эта негласная цензура есть незаконное дело, нарушением собственной конституции и международных соглашений, подписанных руководителями СССР. Мой прямой долг, моя человеческая обязанность — рассказать обо всей этой скрытой деятельности МГБ — КГБ. А наказать, осудить следует виновников нарушений — Комму-

нистическую партию Советского Союза и Комитет Государственной Безопасности. Никакие государственные тайны мне не известны, за незнанием таковых я и не могу их разгласить. Тем не менее, — сомнений в том быть не может, — очутись я сейчас в СССР, меня немедленно поразил бы пресловутый "карающий меч революции", и как раз за "разглашение государственной тайны". Судили бы меня как государственного преступника, конечно же, закрытым судом, дабы никаких подробностей "непосвященные" не смогли узнать. И, разумеется, как всегда "справедливый советский народный суд" влепил бы мне максимальный срок, а в тюрьме или в лагерях цепные псы гэбэшников уж постарались бы, чтобы я побыстрее унес в могилу все, что мне известно. Такова, в общем-то, судьба всех тех, кто "слишком много знает". Во всем мире, а в особенности в странах с тоталитарным режимом.

При этом суд ни словом не упомянул бы подлинных нарушителей законов.

Вернемся, однако, к прерванному повествованию. Оформившись на работу в МГБ, я довольно скоро понял, что все собеседования и анкеты, которые я заполнял, представляли собой лишь предварительную формальность. Основная проверка моей политической благонадежности, моего прошлого и настоящего, всей моей подноготной ждала меня впереди.

Вместе со мной в читинское управление МГБ было принято еще десять человек — все без исключения члены партии или комсомольцы. Месяца через два-три половина из них, конечно же, после тщательной проверки, была уволена. Ясно, что их сочли неблагонадежными: в их собственной жизни или в жизни кого-либо из их родственников имелись, согласно понятиям органов, "темные пятна". Между прочим, ни одному из них так и не

было прямо заявлено, что истинной причиной его увольнения является, скажем, не совсем "чистая" анкета.

В те времена (думается, это практикуется и ныне) органы относились с недоверием ко всем новым гражданам страны Советов — к жителям Западной Украины и Западной Белоруссии, к народам прибалтийских стран, к населению отторгнутой от Румынии Бессарабии. Их лояльность всегда вызывала сомнение. Как правило, к секретной работе их не допускали. Конечно, были исключения из правила. Такие исключения органы делают, понятно, исходя из интересов своего ведомства. Им нужны были тогда "западники", хорошо знакомые с местными языками, обычаями, нравами. Они их и вербовали из числа наиболее верных, по их понятиям, людей, фанатичных сторонников советской власти. Может быть, по этой-то причине попал и я в число "избранных". Попадать-то, однако, попадали многие, а вот закреплялись там лишь единицы. Ряд обстоятельств способствовал тому, что подобной "единицей" оказался я. Вот они: во-первых, у меня была идеально чистая биография, если не считать пресловутого "пятого пункта" и кое-каких мелочей, о которых и говорить не стоило. Был я сначала комсомольцем, а ко времени поступления в гэбэ — уже членом партии. Во-вторых, наверняка были приняты во внимание мои боевые заслуги — участие в боях против гитлеровцев, многочисленные награды; несомненно, я получил хорошую характеристику от командира своей воинской части и от ее парторганизации. В-третьих, сыграло свою роль знание языков. Кроме русского, я владел украинским, в том числе его западным диалектом, а также польским, немецким и идиш. В то время в читинской военной цензуре не было цензора, владевшего перечисленными языками, и я

явился для нее находкой. Впоследствии, когда я женился и таким образом как бы органически вошел в великую чекистскую семью, доверие органов к моей персоне возросло и мне даже представилась возможность подниматься вверх по служебной лестнице. Такое дается далеко не каждому, а только испытанным "бойцам". Должен сказать, что в МГБ работали также моя жена, ее сестра, двоюродные сестры, а их дядя (у которого до замужества проживала моя супруга), майор Андрей Николаевич Сергеев занимал пост начальника отделения военной цензуры № 115 и был нашим непосредственным главным начальником.

В любом другом учреждении семейственность не допускалась, даже каралась. В органах она поощрялась. МГБ охотно принимал на работу родственников своих сотрудников, прежде всего их сыновей, дочерей, сестер, братьев, жен, внуков. Считалось, что наследственная преемственность в деле охраны государственных интересов приносит самые хорошие результаты. Упорно, методично создавалась особая каста чекистов, связанная круговой порукой родства.

В читинском областном управлении МГБ работа длилась по двенадцать часов в сутки, нередко и больше: восемь — днем, четыре — вечером. У цензоров же был восьмичасовый рабочий день. Вот почему многие сотрудники управления старались пристроить своих жен именно в цензуру, это давало им возможность по вечерам заниматься домашним хозяйством, воспитывать детей. Но, повторяю, главным в данном принципе подбора кадров считалось сохранение секретности — основы основ всей работы органов госбезопасности. Именно с целью предотвращения утечки сведений руководящие органы МГБ шли на всяческое поощрение семейственности. Простой пример: если муж работает в управлении МГБ, а жена, скажем, в

военной цензуре, то вряд ли он станет ее расспрашивать, чем она занималась на службе, так же, впрочем, как и она его. Для счастливой супружеской пары такие беседы не представляют интереса хотя бы потому, что оба слишком много знают о роде деятельности друг друга. К тому же, повторяю это, в течение всей жизни работникам органов безопасности вдалбливают мысль о святости молчания, о пользе замкнутости, о нежелательности проявления какого бы то ни было любопытства по поводу деятельности товарища по работе. Молчание во всем, что касалось органов, становилось, таким образом, их условным рефлексом. Иное дело, если, скажем, один из супругов, допустим, муж, не имеет отношения к органам. Это чужой человек, посторонний, которого, конечно же, не может не одолевать любопытство и который поэтому обязательно станет допытываться, чем занимается в служебное время его половина.

Так обстояло дело в нашем читинском управлении госбезопасности. Куда ни кинь взгляд, всюду родственники. Вот примеры. Начальником отделения тайной письменной цензуры был капитан Федор Игнатьевич Новицкий, с которым вскоре меня свела судьба. Его жена Маруся работала в военной цензуре. Начальником международного отделения письменной цензуры — лейтенант Пуликов, чья жена Лена ходила в сотрудниках тайной цензуры. Начальником областного отдела "А" (архив) — полковник Катков, его сын вместе с женой трудились в военной цензуре. Майор Хрулев заведывал отделением пятого отдела, жена его была тайным цензором. Подполковник Бугай возглавлял отдел кадров, его жена Вера Галицкая и сестра Матрена Бугай числились негласными цензорами. Таких случаев — великое множество.

ВОЕННАЯ ЦЕНЗУРА

Согласно приказа отдела кадров областного управления МГБ я получил направление в отдел "В". Что представлял собой этот отдел, чем он занимался, я знаю досконально, ибо работал во всех отделениях его.

Отдел "В" существует во всех областных управлениях МГБ — КГБ. Ему вменена в обязанность проверка письменной корреспонденции — как внутренней, так и международной. Работает он в тесном контакте с другими оперативными отделами МГБ — КГБ, а также с отделами "В" других областей... Читинский отдел "В" имел три отделения, которые находились в разных местах города:

1. Отделение военной цензуры.
2. Тайная письменная цензура, или "ПК".
3. Международное отделение письменной цензуры.

Чем занимались эти отделения, каковы были обязанности их работников?

Военная цензура проверяла письма военнослужащих, находившихся за пределами СССР.

Тайная письменная цензура перлюстрировала частные письма граждан, пересылаемые по почте.

Международное отделение занималось перлюстрацией всей входящей и исходящей международной корреспонденции.

Такова вкратце характеристика деятельности каждого из трех отделений. А сейчас попытаемся разобраться в ней подробнее. Начнем с военной цензуры.

Примерно до конца 1947 года в городе Чите было два отделения военной цензуры — № 10 и № 115. Находились они в разных концах города. После ликвидации отделения № 115 все его сотрудники были переведены в другие отделы и

отделения читинского МГБ. Переводили с одного места на другое, с гласной работы на совершенно секретную, но никого не уволили по сокращению штатов или по другим статьям. Надо заметить, что в советских органах госбезопасности были кадры постоянные, и вообще никого не увольняли по сокращению штатов. Впервые такой прецедент возник несколько лет спустя, когда во имя "чистоты рядов" было решено избавиться от сотрудников-евреев. Но об этом речь впереди.

Все, кого вместе со мной направили в отдел "В", были зачислены на должность цензора военной цензуры № 115. Для одиноких работников там было общежитие, работала столовая. Почти все сотрудники проживали на территории, отведенной военной цензуре. Она представляла собой огороженный колючей проволокой участок, круглосуточно охраняемый ответственным дежурным. Без разрешения дежурного вход на территорию отделения был воспрещен. Этот цербер был облачен в чекистскую форму, на рукаве у него была обязательная красная повязка. Обычно охрану несли офицеры, снабженные пистолетами, что, по замыслу "сценаристов", вызывало у посторонних уважение и рефлекс немедленного подчинения любому предупреждению или требованию дежурного, чей внешний вид как бы подчеркивал, что военная цензура — это организация, на которую распространяются все нормы армейской жизни.

О каждом происшествии на территории военной цензуры дежурный обязан был немедленно докладывать в областное управление МГБ, которому он непосредственно подчинялся.

Само название "военная цензура" дает полное представление о роде занятий этого "института": она проверяла письма военнослужащих, дабы предотвратить утечку секретной информации из

частей и подразделений. Но мало кому известно, что, быть может, еще в большей степени она занималась перлюстрацией писем, получаемых военнослужащими.

Будучи принятым в военную цензуру, я сразу же попал в так называемую "национальную группу". Здесь проверялись письма, написанные на разных языках. Ни одно из направленных в группу писем не могло проскользнуть без проверки.

Известно, что СССР является многонациональным государством. Понятно, что большинство военнослужащих — как солдат, так и офицеров — писало письма на родном языке. Для тщательной проверки всех этих писем и была создана при военной цензуре отдельная "национальная группа". Так что пестрая мозаика из сотни языков страны, населенной сотней разных народов и народностей, никоим образом не могла служить преградой в крайне важном деле проверки воинской корреспонденции.

В мои обязанности входила проверка писем на украинском, польском, немецком языках, а также на идиш. По понятным причинам, письма на идиш или немецком были явлением редким. Лишь иногда попадались листки, отправители которых, желая что-то скрыть от бдительного ока русского цензора, вставляли несколько слов на упомянутых языках. Зато на украинском писем было великое множество, и немалая их часть попадала на проверку ко мне.

Ежедневно комендант военной цензуры принимал мешки писем, поступающие к нам за колючую проволоку из "внешнего мира". Комендант передавал мешки оперуполномоченному, который и распределял их между цензорами. Каждый цензор, приходя на работу, получал штамп с формулой "Проверено военной цензурой" и с его личным номером. Кроме того, ему вручались ножницы,

клей и два больших пустых конверта. На одном конверте стояла надпись: "Для изъятия текста", на другом — "Для оперативного использования".

Обязанности цензора, в общем-то, оказались нехитрыми. Приступая к работе с "орудиями производства" в руках, он ножницами срезал борт конверта, делая это с максимальной осторожностью, чтобы не повредить вложение, то есть само письмо. Затем проверял написанное отправителем. Разумеется, существовало строгое "разделение труда": русские цензоры проверяли письма, написанные по-русски, но если в каком-либо из них содержалось хоть одно нерусское слово, он направлял это письмо по назначению, то есть в "национальную группу"; в последней трудились цензоры, читавшие письма на многочисленных языках народов СССР.

Как правило, "национальная группа" задерживала "для оперативного использования" больше писем, чем русская группа. Это происходило по той простой причине, что большинство солдат нерусской национальности в своем развитии отставали от русских, поэтому не предполагали, что их письма, написанные на родном языке, будут подвергнуты строжайшей проверке. Случалось и такое: русские военнослужащие, мало-мальски владеющие иностранным языком, пытались перехитрить цензора, вписывая в текст своего письма предложение-другое на немецком, польском или французском. С подобными случаями мне приходилось сталкиваться довольно часто и позже, работая тайным цензором. Разумеется, отправители прекрасно знали, что их хитрость может вызвать подозрение, но все же в глубине души таили надежду, что цензор не обратит внимания на несколько непонятных ему слов и пропустит письмо по адресу. Как бы не так!

Цензоры "национальной группы" сами занима-

лись изъятием запрещенного текста, переводили "задержанные" письма на русский язык и самостоятельно решали их дальнейшую судьбу. Ведь кроме них никто не знал данного языка.

В русской группе все эти операции входили в обязанность оперуполномоченного. Там цензор занимался исключительно цензурированием, то есть проверкой писем. После окончания проверки на конверте необходимо было поставить штамп цензора с его личным номером. Затем письма заклеивались, ими заполнялись пустые мешки, которые отправлялись на почту для почтовой обработки и последующей отправки по адресам. После окончания рабочего дня цензор сдавал оперуполномоченному свой инструмент, а также конверты с задержанными письмами.

Военная цензура отличалась необыкновенной жесткостью. Любые сведения, имевшие касательство к армейским событиям, считались военной тайной. Военнослужащим даже намеком запрещалось сообщать кому бы то ни было место своего нахождения, род войск, их численность, вооружение и т. д. Понятно, отправители великолепно знали, какие именно сведения считаются военной тайной. И все-таки нет-нет да и пытались нарушить свой воинский долг, присягу. Именно на подобные письма, где "несознательные" солдаты открывали посторонним, то есть своим родным или близким в общем-то совершенно безобидные "тайны", военные цензоры обязаны были обращать свое главное внимание. Их складывали в конверт "Для оперативного использования", или, как принято было выражаться в цензуре, — "для оперативной разработки". Наверное, многим гражданам Советского Союза известно, чем обычно заканчивались эти "оперативные разработки".

Особенно свирепствовала военная цензура в

годы войны. Она существовала совершенно легально, штамп "Проверено военной цензурой" отшлепывался на всех письмах без исключения. Личный цензорский номер давал органам госбезопасности возможность в любое время узнать, кто проверял то или иное письмо. В военное время такие меры предосторожности, в общем-то, можно понять. Кстати, хотя всем солдатам, всему советскому народу было хорошо известно о существовании строжайшей цензуры, даже в те годы находились люди, которые проверяли бдительность цензоров. Как правило, первые такие письма отправителей пропускались по адресу с целью проследить за дальнейшей перепиской, выявить связи, прощупать корреспондентов. Затем следовала неминуемая развязка: "шпионы", "диверсанты", "вредители", "враги народа", даже просто безобидные "болтуны" подвергались суровой каре военного трибунала, на заседаниях которого задержанные письма служили в качестве улики, вещественного доказательства, обвинительного документа.

Преклоняясь перед мужеством, умом и талантом великого русского писателя Александра Исаевича Солженицына, я часто задаюсь вопросом: как это он, боевой офицер, несомненно знавший, что все его письма вскрываются и тщательно проверяются, осмелился в послании к другу критиковать Сталина? Объяснение может быть только одно: в своей ненависти к диктатору и его бесчисленным преступлениям он дошел до того высочайшего состояния духа, когда молчать уже невозможно, когда позор былого страха, низость вечного конформизма искупаются безоглядной жертвенностью. Ныне всем известно, что именно письма были причиной его ареста и осуждения. Впрочем, если следовать жестокой букве русской поговорки "нет худа без добра", то необходимо

признать, что благодаря бдительности безвестного военного цензора мир впоследствии узнал об ужасах архипелага ГУЛаг. Вместе с тем, страшно подумать, что в СССР только такой ценой можно написать правдивое, полноценное художественное произведение...

Начальником отделения военной цензуры № 115 был уже упомянутый мною майор Андрей Николаевич Сергеев, а его заместителем — жуткий пьянчуга майор Алтухов, вечно ходивший "под мухой". Всю работу отделения взвалила на свои плечи старший оперуполномоченный, капитан Рива Львовна Гольденберг. Она работала на перлюстрации писем с первых дней официального существования цензуры, то есть с 1935-го года. У начальства Рива Львовна пользовалась непререкаемым авторитетом, именно она, а не майор Сергеев, фактически заправляла всей работой отделения военной цензуры. После ликвидации этого отделения она была переброшена в отдел "В", где, также неофициально, числилась в руководительницах. Ей было доверено давать оценку письмам, оформлять всю корреспонденцию отдела, следить за точным выполнением инструкций. Она поддерживала связь со всеми отделениями отдела и часто уезжала в командировки для налаживания деятельности районных пунктов, где также имелись люди, занимавшиеся проверкой корреспонденции. Этому "благородному" делу она отдавала себя без остатка, увлекая за собой других. Теперь я с улыбкой думаю о том, что можно быть энтузиастом перлюстрации. Оказывается, можно! Можно, если верить в необходимость, святость такого рода занятий. А она верила, рьяно исполняла свои обязанности, фанатически следя за тем, чтобы ничто не ускользнуло от зоркого ока ее учреждения. Она могла трудиться сутками напролет, возможно, именно поэтому ее личная

жизнь не сложилась, замуж она так и не вышла. А я-то? Далеко ли я от нее ушел? Не был ли я тоже таким энтузиастом, романтиком цензуры корреспонденции? Ведь без веры в правоту своего дела в органах не удержаться!

Я не случайно так подробно остановился на "положительных" качествах старшего оперуполномоченного Ривы Львовны Гольденберг. Едва ли у МГБ — КГБ когда-нибудь были или будут такие преданные, толковые, самоотверженные работники. Увы, это малопочтенное учреждение подобно Кроносу, пожирающему своих детей. Невзирая ни на какие заслуги, Рива Львовна была без всякой жалости выброшена из родной ей стихии, когда настало время, сочтенное Сталиным подходящим для этого богоугодного дела: по тому самому пятому пункту анкеты, из-за которого, слава Богу! — были выметены из чекистских рядов все евреи, не исключая меня.

Коммунист Рива Львовна Гольденберг работала не за страх, а за совесть. Коммунистами или комсомольцами были все до единого цензоры МГБ, однако далеко не все они обладали такими же качествами, как эта железная женщина. Имелось среди них немало лодырей, неучей, даже пьяниц. Как их заставить трудиться с таким же рвением, как Рива Львовна? Как повысить до апогея их бдительность? Их прилежание? Их "пропускную способность"?

С этой целью в Цензуре была придумана дьявольская система кнута и пряника. С одной стороны, — повышенные оклады, жирные пайки, внеочередность в получении жилья и т. д., с другой — хитроумные провокации. Последнее требует объяснения. Так вот, цензору, среди сотен других, подбрасывалось письмо с явным разглашением военной тайны или, хуже того, — с антисоветскими высказываниями. По окончании ра-

боты конверты просматривались. Если указанного письма в них не обнаруживали, устраивали дополнительную проверку... Проштрафившегося цензора ждали крупные неприятности — в лучшем случае демобилизация, увольнение с работы, в худшем... Все понятно, не правда ли? Провокационный метод слежки за работой цензоров применялся также и в тайной цензуре, и все цензоры знали, что в любое время начальство может подложить им свинью, а, стало быть, из кожи вон лезли, стараясь перещеголять друг друга в бдительности.

Как уже отмечалось, сам факт существования военной цензуры не держался в тайне. В большом секрете держалась структура этого маленького отростка больших органов, его состав. В самом деле, что за люди трудились здесь?

Большинство военных цензоров имело офицерское звание, что же касается образования, то среднего было вполне достаточно. Изъятием текстов занимались оперативные работники с солидным стажем цензурирования. В своей деятельности они руководствовались инструкцией, которую знали наизусть. Вот почему мнение советского обывателя о том, что в цензуре сидят законченные идиоты, ничего общего с действительностью не имеет. Конечно, интеллектуалы там не работали, однако профессионалами, хорошо знающими свое дело, советских цензоров считать будет вполне справедливо.

На собственном опыте работы в "национальной группе" я убедился в том, что многообразие языков народов СССР, других стран мира отнюдь не мешало плодотворной, слаженной деятельности цензуры. В нашей группе, которой руководил мой "крестный отец" Петр Черненко, имелись цензоры, владевшие почти всеми языками страны: татарским, узбекским, казахским, бурятским,

якутским, монгольским, чувашским, мордовским, грузинским, армянским, молдавским, венгерским, польским, немецким... Мой сосед по столу лейтенант Ахмед Бахтин успешно справлялся с письмами на всех языках тюркской группы.

И все же у нас, как и в других областях страны, не хватало людей, знающих наиболее редкие, трудные языки. Случалось также, что цензор уезжал в отпуск, заболевал. В таких случаях возникала надобность проверки писем в других местах, то есть в соседних, родственных отделениях цензуры. В связи с этим была разработана совершенная система взаимопомощи. В каждом областном отделе "В", а также во всех его отделениях хранился полный список цензоров с указанием языков, которыми они владели и местом их службы. На основании этих списков мы знали, например, что цензоры, владевшие татарским, находились в Москве, Хабаровске, Казани, Чите; знатоки грузинского — в Москве, Тбилиси, Ленинграде, Чите. И так далее.

В Чите не было цензора, владевшего китайским языком, зато он был в Хабаровске. Если возникала необходимость в его помощи, письма с соответствующей сопроводиловкой пересылались в Хабаровск. Конечно, такие "процедуры" отнимали массу времени, письма "трудящихся" попадали к адресатам с фантастическими задержками, но что такое двух- или трехнедельное опоздание в доставке корреспонденции, когда на карту поставлена безопасность государства!

Упомянутыми списками пользовались все отделы и отделения "В", в том числе и негласные. Разумеется, в масштабах всей огромной страны Советов с тысячами милых учреждений, подобных нашему.

Безупречную работу военной цензуры можно проиллюстрировать на примере нашей деятельности во время войны в Корее. В те месяцы я

уже работал в другом месте, но некоторые письма военнослужащих и советников, оказывавших "братскую помощь" корейским товарищам, проходили через мои руки. За редким исключением, в этих посланиях отправители всеми доступными им способами старались сообщить получателям место своего нахождения. Как правило, военнослужащие прибегали к помощи известного им иностранного языка или не слишком распространенного языка какого-либо из советских народов. Бедняги! Неведомо было им, что бдительная цензура стоит на страже их собственных интересов и слова непроверенного не пропустит! Поскольку я был единственным знатоком немецкого, корреспонденция с вкрапленными в нее немецкими словами или предложениями направлялась ко мне, а я, надо сказать, был хорошо проинструктирован, даже строго предупрежден о необходимости тщательнейшей ее проверки и, честно признаюсь, добросовестно выполнял свои обязанности.

Еще до начала военных действий в Корее туда из Забайкальского военного округа были направлены различные воинские соединения. В основном то были инженерно-технические войска, а также авиационные и зенитные подразделения, которые прикрывали с воздуха столицу Северной Кореи город Пхеньян и некоторые другие крупные объекты. В немалом числе находились в этой стране также инструкторы, советники нашего командования, они консультировали командование северокорейской армии, заботились о ее бесперебойном снабжении всеми необходимыми боеприпасами, снаряжением и, разумеется, вооружением. Вся неограниченная помощь "миролюбивого" советского государства корейским братьям оказывалась с единственной целью — для ведения победоносной войны против американского империализма, окопавшегося на земле Южной Кореи, которую и предстояло "проглотить", то есть насильственно присоединить к Корее коммунистической.

Естественно, все это держалось в глубочайшей тайне, закамуфлированной, по старинному воровскому обычаю, воплями: "Держи вора!", то есть разнузданной кампанией протестов против агрессивности американской военщины, козней ЦРУ и тому подобными приемами, коими и ныне не брезгует коммунистическая пропаганда.

В подобной обстановке обязанностью военной цензуры было обеспечение сохранения государственной тайны, то есть сокрытие правды об агрессии СССР против Южной Кореи и США. Честно признаться, в то дикое время даже цензоры не понимали всей ответственности, которая на них возлагалась. Ведь и они были людьми, чаще всего — довольно простыми, поэтому разобраться в хитросплетениях "большой политики" Сталина и его приспешников далеко не всегда могли. Великая Отечественная война оставила в сердцах слишком глубокую борозду, чтобы можно было допустить мысль о том, что "вожди" готовят новую бойню, куда безжалостно бросят десятки, сотни тысяч солдат. Вот почему мы, цензоры, за переброской войск в Корею не разгадали обычную подготовку к войне, которая, согласно планам "генералиссимуса", должна была вспыхнуть в ближайшее время.

Как бы то ни было, военная цензура получила указание внимательно проверять все письма военнослужащих, находившихся в Северной Корее, и любые сведения о пребывании там советских войск, советников, инструкторов вымарывать из писем солдат и офицеров.

С началом военных действий на "театре" в Корее стало ясно, что советские войска выполняют,

в основном, обязанности по обеспечению охраны тыла северокорейской армии и поспешивших ей на помощь миллионов китайских "добровольцев". Понятно, что такая скромная роль наших соединений имела простое объяснение: в случае пленения десятка-другого "русских" весь мир получит вещественное доказательство агрессивности кремлевского руководства.

Камуфляж истинных намерений Сталина велся во всех направлениях. Советские дипломаты за рубежом рьяно опровергали любые сведения об участии наших воинских соединений в боях, тем же занимались все без исключения советские газеты, радио: ни слова о том, что "наши" находятся в Корее, заправляют там всеми штабными делами, разрабатывают тактические и стратегические планы, участвуют в воздушных баталиях и обеспечивают противовоздушную оборону. Зато — тьма обвинений в адрес американского империализма, спровоцировавшего войну и помогавшего своим южнокорейским марионеткам. Если судить по советской печати того времени, СССР выступал в роли этакого ангелоподобного миротворца, в то время как США и Южная Корея проявляли дьявольскую агрессивность, напав на Северную Корею с целью ее захвата. Мир, перевернутый вверх ногами, мерзкий коммунистический мир!

Ныне всем ясно, сколь лжива советская версия возникновения войны в Корее. Все действия кремлевской верхушки шли вразрез с провозглашенной ею политикой мирного сосуществования и разрядки международной напряженности.

Очень скоро истинная подоплека пребывания советских войск в Корее стала понятной военным цензорам. Тем не менее никто из них, в том числе и автор этих строк, в частных разговорах с друзьями, знакомыми даже словом не проговорился о подлинном положении вещей. Попробуй проговорись! В тоталитарном государстве молчание — залог здоровья. Молчали все: политические деятели, партийные работники, писатели, журналисты, лекторы... И не просто молчали, но и подыгрывали подлой игре "вождей" — искренне или притворно делая вид, что все правильно, демонстрируя полную солидарность и согласие с "политикой партии и правительства".

Быть белой вороной в черной вороньей стае в подобных условиях смерти подобно. Вот почему, выходя из помещения цензуры, ее доблестные сотрудники "забывали" все, что знали из писем, поступавших в СССР из Кореи. Да что там "забывали"! Мы были жалкими актеришками во всесоюзной комедии, написанной мастерской рукой "корифея всех наук": на политинформациях, на партийных собраниях, отлично зная правду о возникновении войны, мы в один голос долдонили внушенные нам "истины" об агрессивных действиях США и Южной Кореи против святой страдалицы Кореи Северной.

Любому советскому человеку известно, что армейские командиры и политработники в каждом отдельном конкретном случае предупреждают солдат об их ответственности за выполнение важных государственных заданий, о необходимости соблюдать тайну даже там, где никакой тайны нет. Можно себе легко представить, что в этом смысле корейская война не была исключением из правила. Но поскольку то была война несправедливая, агрессивная, у начальства не могло быть полной уверенности в абсолютной преданности солдат матери-родине. И в самом деле, судя по многим письмам воинов, сражавшихся в Корее, чувствовали они себя тревожно, неуверенно. Мало кто из них верил в победоносное окончание войны, некоторые даже подумывали о возможности возникновения третьей мировой бойни... Неуди-

вительно поэтому, что своими опасениями, страхами солдаты во что бы то ни стало стремились поделиться с родными, близкими, знакомыми. У них и в мыслях не было сообщать секретные сведения, нет! Просто по-человечески они стремились уведомить далеких отцов и матерей, братьев и сестер, где они находятся, чтобы в случае их гибели те знали, где искать родные могилы.

Но цензоров мало волновали побудительные мотивы лирики отправителей. Выполняя суровые предписания инструкции, они безжалостно выуживали солдатские треугольники с такими невинными строками, как: "Уезжаю в Корею", "Привет из Пхеньяна!" или "Ich bin in Corea". Неистощим на выдумки человеческий ум. Попадались, например, письма, которые приходилось читать с помощью зеркала, случались и такие, где запретные слова "Я в Корее" можно было получить после сложения всех заглавных букв текста. Одно из таких посланий мне запомнилось. Вот его содержание:

"Я давно уже хотел написать письмо, ждал только вашего ответа, который с радостью сегодня получил. Вы пишете о новостях, о том, что жизнь налаживается, это, конечно, радует меня, но прежде всего я доволен тем, что все живы и здоровы. Когда я прочел ваше письмо и узнал о свадьбе моей любимой сестренки Нины, так просто самому не верится, как быстро проходит время. Она уже писала мне, что намерена выйти замуж, просила приехать, ведь я ее брат, и это, как она пишет, должно быть взято во внимание. Разве я против этого, но вы все должны понять, что я в армии, где не все зависит от солдата, тем более вы находитесь очень далеко от меня, и чтобы мне к вам добраться, надо только на поезд много времени. Если бы мой приезд к вам зависел от меня, так можете быть уверены в моем присутствии, и наконец есть у меня хорошая новость, на прошлой неделе я получил водительские права, вы сами понимаете, в будущем они мне пригодятся, на этом кончаю, целую вас крепко, ваш сын Евгений".

Попадались письма, в которых слова "Я в Корее" можно было прочесть в результате сложения первых букв его строчек — сверху вниз или снизу вверх. Применялись также и арифметические ухищрения, но, как правило, они оказывались примитивными, шаблонными, и ключ к решению "задачи" многоопытные цензоры быстро находили. Например: а—1, б—2, в—3, г—4 и т. д. Такие незамысловатые шифровки для нас были детской забавой.

Дело в том, что предыдущие поколения цензоров, изучавшие не только опыт царских коллег, но и опыт цензуры во всемирном масштабе, разработали стройную систему вылавливания всех и всяческих "хитростей" наивных простачков, вроде наших солдатиков, попавших в корейскую мясорубку. Весь богатейший материал, собранный ими, был обобщен в специальной инструкции, которой снабжались все отделы и отделения советской цензуры. Так что требовалась необычайная изобретательность со стороны автора письма, чтобы обвести вокруг пальца самого глупого, самого тупого цензоришку.

Читателю нетрудно догадаться, что корреспонденция, содержавшая недозволенные сведения, до адресата никогда не доходила. Бывают же всякие недоразумения в работе почтового ведомства! Письма теряются по дороге, не доставляются нерадивыми почтальонами...

Инструкция предусматривала даже такие "мелочи", на которые иной здравомыслящий человек никогда бы внимания не обратил. Например, цензорам вменялось в обязанность обращать внима-

ние, на какой бумаге написано письмо, нет ли на посылаемых листах каких-либо надписей, иероглифов. Ведь такие знаки явились бы доказательством иностранного происхождения бумаги. Из тех же соображений категорически запрещалось пересылать в письмах платочки, косынки или открытки зарубежной печати. В военной цензуре такие письма расценивались не только как разглашение государственной тайны, но также как применение условности в переписке — еще одно тяжкое прегрешение с точки зрения советской беззаконности. Их авторы подвергались "оперативной разработке", а сами письма, в зависимости от степени разглашения, либо конфисковывались, либо "сокращались" путем вымарывания нежелательного текста.

На одной условности, применяемой в письмах из Кореи, необходимо остановиться особо. Выше уже говорилось о том, что военнослужащие всеми правдами и неправдами старались обмануть цензоров, обхитрить их, чтобы сообщить родным место своего пребывания. Подчеркивалось также, что цензура со своими обязанностями отлично справлялась, не было сказано лишь, что существовал и контроль над самими цензорами, что заставляло их быть особо свирепыми, не проходить мимо малейшего отступления от нормы. Однажды некий цензор, проверяя письмо, обратил внимание на такую фразу: "Когда внимательно прочтешь мое письмо, тогда многое обо мне узнаешь". Заглянул он в конверт, покрутил письмо во все стороны, но не обнаружил никаких сведений, на которые стоило бы обратить внимание. Тем не менее, из-за подозрительных предупреждающих слов, цензор проявил повышенную бдительность и направил письмо на лабораторную проверку. Специальный анализ выявил наличие довольно незамысловатой тайнописи. Вот в чем она заключается: берутся

два листа чистой бумаги, один из них смачивается в воде; письмо пишется на сухой бумаге, тогда на мокром листе появляется оттиск, который становится невидимым, когда бумага высыхает. На сухом листе никаких следов письма нельзя обнаружить. Если получатель хочет прочитать "тайнопись", он должен смочить в воде чистый лист, тогда на нем проступает текст. Короче говоря, нечто вроде симпатических чернил. Вот и весь секрет. Нет сомнения в том, что между получателем и отправителем этого письма существовала предварительная договоренность о применении этой хитрости, считающейся в СССР преступлением.

Не менее тщательно контролировались все письма, идущие в адрес военнослужащих из разных концов Советского Союза. Гражданским лицам не следовало сообщать солдатам и офицерам о продовольственных, жилищных и иных трудностях, о стихийных бедствиях, авариях, хищениях, эпидемиях, о пьянстве, неурожаях в колхозах и тому подобном. Говоря словами великолепного Фигаро, обо всем остальном писать разрешалось. Военная цензура была призвана препятствовать поступлению в армию нежелательных, демобилизующих сведений о внешнем мире. Чтоб солдат не задумывался, не переживал, не волновался о судьбе близких, а радостно нес свою службу. Невинные, казалось бы, фразы, вроде такой: "Дорогой Вася, у нас уже второй год неурожай" или "У нас в колхозе был пожар", немедленно и безжалостно вычеркивались. Убиралось все, что, как сказано было в нашей замечательной инструкции, могло повлиять на душевно-психическое и моральное состояние военнослужащего. Чем меньше он знает об окружающей жизни, тем лучше — вот к какому тезису сводилось все содержание деятельности военной цензуры.

Главным источником информации в армии

были, да и по сей день, я думаю, остаются, политбеседы, или, как их называют солдаты, политдолбежки. Понятно, из политдолбежек, призванных не информировать, а дезинформировать военнослужащих, о жизни в стране и за ее рубежами ничего толком узнать было невозможно. Их целью, как, впрочем, целью всей советской пропаганды, было внушить солдату мысль, убеждение, что он самый счастливый солдат в мире, что живется ему вольготнее, лучше всех и что всем своим небывалым счастьем он обязан родной коммунистической партии и справедливейшей советской власти.

Само собой понятно, что на политинформациях не говорилось об участии советских вооруженных сил в корейской войне. Весь наш военный округ знал об этом, а вот, поди ж ты, оказывается, ни одного нашего солдата там нет! Во всем, всегда и везде виноват американский империализм, в последние десятилетия — также и сионизм, изредка французская или английская разведки. Полнейшая дезинформация — основной принцип воспитания советских солдат. Это я говорю к тому, что не надо удивляться некоторым непонятным здесь, на Западе, фактам. Такому, к примеру: если солдаты советской армии переходят границу Афганистана и зачастую даже о том не подозревают, думая, что участвуют в маневрах, то это плод "воспитательной работы", интенсивно проводимой с ними политработниками и смершевцами; если простые советские ребята в армейской форме вторгаются в Чехословакию в полнейшей уверенности, что они оказывают братскую помощь чешскому народу, спасая его от дерзких посягательств со стороны ФРГ, то это также плод обработки их мозгов умельцами-политработниками и смершевцами; если те же хорошие советские ребята стреляют в Венгрии в "фашистов", поднявших руку на завоевания трудящихся, то и здесь виден

"изящный" почерк все тех же честнейших коммунистов-политработников и их неизменных шефов — смершевцев. "Воспитатели" знают слабые струнки воспитуемых и безошибочно на них играют: ведь советские солдаты ненавидят фашистов, они хорошо помнят их зверства, у многих из них погиб во время войны кто-либо из родных. И они, не задумываясь, стреляют в венгерских рабочих, мечтающих избавиться от ненавистной советской оккупации.

Неведение, незнание — вот то основание, на котором стоит советский солдат, якобы воспитуемый в духе преданности идеалам коммунизма, мира, свободы и интернационализма. В укреплении этого фундамента большую роль играет военная цензура, призванная, согласно инструкции, оградить армию от всех и всяческих нежелательных, вредных влияний, то есть от неприемлемой для КПСС правды.

Я считаю доказанным тот факт, что советские войска участвовали в агрессивной корейской войне, силой оружия подавили восстание народа в Венгрии, совершили интервенцию в Чехословакии, оккупировали Афганистан. Во всех названных странах проливалась кровь советских солдат. Но в подконтрольных коммунистической партии Советского Союза газетах, радио, телевидении об этом фактически даже не упоминается. Что касается солдатских писем, то даже самые невинные из них, но содержащие хоть одну жалобу, хоть один намек на истинное положение вещей, до адресатов не доходили. В противовес сказанному вспомним: во время войны во Вьетнаме в Соединенных Штатах Америки организовывались демонстрации с черными знаменами, с портретами погибших солдат, с энергичными лозунгами протеста против вмешательства в чужие внутренние дела, с осуждением "грязной войны". На "гнилом" Западе подобные манифестации являются обычным,

нормальным явлением. В "демократическом" Советском Союзе такое просто немыслимо. Пулями, массовыми арестами, ссылками, психушками ответят коммунисты на любое проявление свободомыслия или свободолюбия.

Могут, конечно, спросить: "А о чем же можно писать в СССР?" О чем? О многом. О том, кто на ком женился, кто хворает или умер, кто у кого родился, кто переехал — нет, не в Израиль, конечно, или в США, — в другой город или село великой советской державы. Можно еще писать о том, как интересно работать на заводе или в колхозе, какую высокую зарплату или премию получил отец или брат за доблестный труд, как здорово учится братишка или сестренка... Да мало ли о чем можно писать! Ведь так много положительного вокруг! Так светла и счастлива жизнь советского человека в обществе, уверенно шагающем в светлое будущее — коммунизм!

Такие письма пропускались беспрепятственно. В цензуре даже существовал термин, обозначающий их содержание, они назывались семейно-бытовыми, дружескими или интимными.

Судя по рассказанному, ясно, что у нас, в цензуре, тоже была далеко не райская жизнь.

Но вот кончился восьмичасовой рабочий день. Мы покидаем огороженные колючей проволокой помещения, и начинается наше свободное время. Мы становимся обычными смертными. В основном в военной цензуре трудились молодые парни и девушки. В свободное время мы ходили в клуб на танцы, в кино, посещали рестораны, устраивали вечеринки, выпивали, пели, веселились кто как мог. Я в этих вечерних эскападах чувствовал себя белой вороной. Меня постоянно сверлила мысль о том, что произошло на моей родине, в Дрогобыче, с оставшимися там под немцами моими родными. По имевшимся сведениям, все близкие

мне люди погибли. Но трудно примириться с мыслью, что никого у тебя не осталось... Пока сам в этом не убедишься, пока не выпьешь до дна пресловутую чашу... Вот почему я рвался на родину. Если никого там не найду, то по крайней мере узнаю, как погибли мои родные и близкие — родители, братья, сестра, многочисленные родичи.

Тогда я и не подозревал, что в Дрогобыче, в отпуске, во время которого я надеялся все узнать и успокоиться, моя новая работа будет постоянно о себе напоминать, и так уже будет всегда, до последнего дня моего пребывания в СССР, — никогда и нигде мне не позволят забыть, что я работал "там", об этом мне будут постоянно напоминать — телефонным звонком из незнакомого мне места, приглашением встретиться с неизвестным лицом... О, это особое, далеко не приятное чувство, ощущение, что тебя как бы постоянно держат в когтях, из которых можно вырваться лишь с помощью смерти или счастливой случайности, вроде выезда за пределы родины. Второе, конечно, почти немыслимо...

Когда меня приняли в советские органы госбезопасности, я всего этого, конечно, не знал. Ничего я тогда не знал, ничего не понимал, ни в чем не разбирался. Молодо-зелено!

Я был ужасно рад, когда, через четыре месяца после начала работы, мне предоставили обещанный отпуск и бесплатный проездной билет Чита — Дрогобыч — Чита. Хотя военная цензура не относилась к министерству обороны, а составляла одно из многочисленных подразделений министерства государственной безопасности, цензоры, как и все чекисты, пользовались многочисленными армейскими привилегиями. Нам платили те же деньги за воинские звания, присваиваемые нашим министерством, мы получали воинский продовольственный паек, доплату за стаж, за работу в отда-

ленных местностях. Нам полагался солидный оплачиваемый отпуск, бесплатный проезд в любой конец страны, оплачивалось время проезда... Анекдотично, но факт: когда в 1948 году была учреждена медаль "30-летие Советской Армии", ее, наряду с солдатами и офицерами вооруженных сил, получили также и все сотрудники МГБ и МВД, — не только те, которые участвовали в боях, но и те, которым ни разу в жизни не довелось нюхать пороха. Вот так-то!

Работая в органах, я ежегодно получал отпуск с бесплатным проездом в купейном вагоне. Мы с женой неизменно ездили отдыхать на черноморское побережье, в худшем случае — куда-нибудь на Кавказ или на Украину. Отпуск продолжался два месяца, за которые мы получали полную денежную оплату. Любителям сопоставлений следует знать, что в то время в Советском Союзе рабочие, представители класса-гегемона, получали только двухнедельный оплачиваемый отпуск, без оплаты за проезд, без всяких других льгот.

Путешествия в Советском Союзе сопряжены с огромными хлопотами. Основным средством передвижения с Дальнего Востока на Запад (и обратно) была в те времена железная дорога, работавшая, кстати говоря, преотвратно. Шумные, многолюдные вокзалы, вечная нехватка билетов, нарушения графика движения, очереди за билетами... Кстати, вплоть до моего выезда из Читы это положение не изменилось. Однако все "мелочи жизни", нас, избранных, не касались. Свои купейные места в поезде на Москву мы получали "по звонку", не заходя на вокзал. Для сотрудников министерства госбезопасности имелась специальная бронь, которой не брезговали пользоваться все отъезжающие. Надо уметь устраиваться, не правда ли? Так вот, лучше всех в стране победившего социализма умели устраиваться чекисты.

Они просто паразитировали на том животном страхе, который внушали всем без исключения гражданам якобы охраняемой ими от посягательств империалистов великой державы.

Много времени прошло с тех пор. Но мои ежегодные длинные путешествия с Дальнего Востока в те или иные местности европейской части СССР помню хорошо. Что поделаешь, то была частица моей жизни, а, надо признаться, я любил путешествовать, видеть новые места, знакомиться с новыми людьми... Это не ностальгия, нет. Мы вольны презирать, ненавидеть режим, установленный большевиками в СССР, но нельзя не отрицать того несомненного факта, что природа этой страны прекрасна. Представьте себе, поезд мчится вдоль "славного моря, священного Байкала", среди нескончаемых сосновых лесов, по безбрежным степям, сквозь дикие горы, над величайшими в мире реками. В отличие от нашего крохотного Израиля, кстати сказать, тоже не обойденного милостью Божьей, Советский Союз — огромная страна, с разнообразнейшими климатическими зонами, географическими поясами, щедро одаренная всеми мыслимыми и немыслимыми природными богатствами. Тем резче бросались в глаза на моем длиннющем пути опустошенные огромные пространства, нищие деревеньки с глинобитными домиками, скверная одежонка крестьян и рабочих, непролазная грязь дорог, скудость снабжения продуктами питания, товарами ширпотреба. Этот контраст изредка наводил на размышления, но ведь всегда под рукой были контрдоводы о временных трудностях, которыми легко было успокоить растревожившуюся вдруг совесть. И все же именно в тех путешествиях впервые начали грызть меня сомнения в правильности избранного пути, в правоте партии... Нет, я бы солгал, если б сказал, что это хоть в малейшей степени походило на то, что ныне

принято называть диссидентством, инакомыслием. Ведь сказано же: пока гром не грянет, мужик не перекрестится, и требовался весьма мощный толчок, чтоб я все понял, отрекся от своих взглядов и порвал со всем своим прошлым. В конце концов, я был не более чем песчинкой в двухсотмиллионном море — спокойном, ленивом, безмятежном в охраняемом партией от вольных ветров пространстве. Какое я имел право быть зрячим среди слепых, голосистым среди немых?

Поезда дальнего следования были битком набиты. На вокзалах, в вагонах бродили пьяные инвалиды, они пели сентиментальные песенки, рассказывали анекдоты, а также пикантные подробности об "абрамчиках", люди смеялись, жалели их, щедро подавали. Кстати, в начале пятидесятых инвалиды перестали появляться в поездах. Как вскоре мне стало известно, их, верных защитников родины, тоже не миновала злая судьбина: по распоряжению "отца народов", их всех переловили органы и отправили подальше от глаз людских, на архипелаг ГУЛаг, откуда многие из них уже не вернулись. Но я отошел от темы. В вагонах пассажиры коротали время кто как мог: читали газеты и журналы, играли в шахматы, домино, в карты. Я любил преферанс. На "пулечку" приходилось подбирать партнеров в других вагонах. Как правило, во время игры выпивали, закусывали, вели разговоры на разнообразные темы: о футболе, кинофильмах, погоде, иногда пели песни. Ведь путешествие до Москвы продолжалось семь суток. В каждом вагоне был свой проводник, который следил за чистотой и порядком, информировал пассажиров об остановках, выдавал постельные принадлежности, настольные игры и, разумеется, приносил чай и печенье. В поезде имелся вагон-ресторан, где можно было заказать вкусный обед из трех или четырех блюд, выпить

водки, коньяка, пива, весело провести время. Это влетало в копеечку, самый скромный обед в вагон-ресторане был не по карману простому советскому человеку, туда ходили лишь "избранные" вроде меня или спекулянты, воры, расхитители государственной собственности. Вот в какой компании оказывались верные "слуги народа", вроде работников партийных или советских органов, прочих "органов" советской власти. Знаменательно, не правда ли?

Простой люд перед дальней поездкой запасался продуктами питания, выпивкой, а если в дороге припасы иссякали, прикупал на остановках у колхозников и мелких торгашей горячую картошку, соленые огурцы, молочные изделия, грибы, ягоды.

Каждому свое, — как было начертано над входом в один из гитлеровских лагерей смерти.

В Дрогобыч, город моего детства и юности, я прибыл после восьми суток пути, в том числе — двух пересадок — в Москве и во Львове. Каждый, кто пережил войну, эвакуацию, кто воевал на передовой или трудился в глубоком тылу, легко может себе представить волнение, охватившее меня на перроне дрогобычского вокзала. Я вернулся победителем: грудь мою украшали ленточки боевых наград, в нагрудном кармане лежало некое удостоверение о моей принадлежности к высшей элите... Но до чего же горько, когда в родном городе никто тебя не встречает!

Чем больше бродил я по знакомым, истерзанным войной улицам, тем тоскливее становилось на душе. Родные, как я уже говорил, погибли во время гитлеровской оккупации, друзья разбрелись по стране... Да и сам город словно изменил свой облик, мало чем напоминая мне тот, другой Дрогобыч, который я некогда знавал. Когда-то его центр кипел жизнью, теперь он казался пустова-

тым, скучноватым, а окраины и вовсе вымерли. Ни одного знакомого не встретил я на улицах. И вообще во всем городе уцелело всего несколько евреев.

Гнетущее впечатление все более охватывало меня. Уже дня через два я поймал себя на странной мысли, что с нетерпением жду момента, когда смогу пуститься в обратный путь, в далекую Читу — за десять тысяч верст от своего бывшего дома и горьких воспоминаний о понесенных утратах...

Что мне прежде всего бросилось в глаза в родном Дрогобыче? Помимо почти полного отсутствия евреев, я заметил также, что польское население города покинуло его, переселилось в Польшу, вероятно, в надежде спастись там от большевиков. Опустевшие квартиры интенсивно заселялись переселенцами из России, которых направляли в "освобожденные" районы для организации советской власти. В своем большинстве это были коммунисты, занимавшие руководящие должности во вновь создаваемых учреждениях, на предприятиях. Местное украинское население доверием властей предержащих не пользовалось, ему отводили роль вспомогательную, то есть низко оплачиваемые рабочие места на заводах, фабриках, стройках. Во всех учреждениях города, как и в районных центрах, украинский язык не употреблялся, официальным языком считался русский. Так начался обычный в условиях "марша к коммунизму" массовый процесс руссификации, который на этих землях продолжается и по сей день.

Естественно, такая политика вызвала стихийное сопротивление со стороны украинского народа. Начались массовые выступления против великодержавных шовинистов, против насильственной руссификации исконно украинских земель. Повсюду на домах и заборах можно было увидеть листовки следующего содержания:

"Встань, Тарасе, встань, Богдане,
Закувалы нас в кайданы.
Ци кайданы треба рваты
Украине волю даты..."

или:

"Дайте волю и свободу
Украинскому народу".

...В городах, а больше в деревнях стали появляться так называемые "бандеровские банды", объявившие чуть ли не священную войну русским "братьям". Их конечной целью было создание "самостийной Украины", они беспощадно убивали коммунистов, советских служащих, солдат и офицеров советской армии, работников милиции и, разумеется, МГБ. В течение нескольких лет в западных областях Украины шла настоящая партизанская война, в ее огне гибли не только непосредственные виновники политики руссификации, но и неповинные ни в чем граждане, в том числе, конечно, и евреи. Так как мирное население целиком и полностью поддерживало сподвижников батьки Степана Бандеры, Сталин и его "соратники" разработали план уничтожения бандеровской вольницы, во-первых, поголовного наказания его сторонников, во-вторых. Так началось массовое выселение "подозрительных элементов", "кулаков", "подкулачников", "прихвостней бандитов" в Восточную Сибирь и в другие отдаленные места СССР. По части расправы с неугодными сталинский режим, как известно, не знал себе равных, что же до изобретения подходящих эпитетов, которыми их следовало заклеймить перед всем советским народом, то тут у чекистов был накоплен такой опыт, какого не имела ни одна служба безопасности мира.

Так — методично, упорно, беспощадно — выбивалась почва из-под ног украинских националистов. После того как сотни тысяч жителей Запад-

ной Украины целыми семьями — вместе с малыми детьми и глубокими старцами — были увезены в дальние края, оставшиеся без поддержки бандеровцы потерпели окончательное поражение. Часть из них сложила оружие и пополнила многолюдные острова архипелага ГУЛаг, часть погибла с оружием в руках, часть, в том числе и сам Степан Бандера, ухитрилась пробраться через строго охраняемые кордоны и найти убежище в дальних гостеприимных странах.

Депортированные на Восток украинцы приговаривались к вечному поселению на диких, необжитых землях. Мы еще увидим, как они там жили, чем занимались, о чем думали. Пока же отметим, что на выборах в Верховный Совет СССР, проходивших в один из тех годов, все украинское население Западной Украины, "как один человек", отдало свои голоса за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных.

Эксгибиционизм? Или горячее чувство благодарности товарищу Сталину за заботу о судьбах отцов, матерей, братьев, сестер тех, кто погибал от холода и голода в пустынной тундре или в дикой тайне? Впрочем, не исключено простое мошенничество...

До войны я работал инспектором городской сберкассы. Туда-то я и направился тотчас же после приезда. Мне повезло: я встретил там двух старых знакомых. Оба страшно обрадовались встрече, наперебой приглашали в гости. Конечно, я принял приглашения. Как принято на Руси, было выпито немало водки. И вот тут-то, по пьянке и по дружбе, оба, по большому секрету, признались, что не так давно их очень настойчиво расспрашивали обо мне мало известные им люди. Интересовались, кем я работал, был ли политически благонадежен до войны, не числятся ли за мной антисоветские высказывания или иные грешки...

Я был неприятно поражен их рассказом: мне казалось, что все проверки моей подноготной уже позади, что честным трудом, преданностью делу я заслужил доверие начальства, а потому не будет больше бесполезного копания в моем старом белье.

Через парочку деньков повстречался мне еще один старый товарищ, преподаватель торгового техникума. И после обстоятельного разговора о былых временах, после вороха воспоминаний о живых и погибших — на тебе, все то же: "А знаешь, Леопольд, тут о тебе недавно справки наводили, всю твою прежнюю жизнь выясняли". Все трое в один голос умоляли никому ни слова не говорить об их откровениях, объясняя свою просьбу тем, что с них была взята подписка о неразглашении — никому, никогда. Впоследствии, уже в Чите, мне еще не раз пришлось слышать подобные признания, но я уже не удивлялся, так как понял, что недоверие, подозрительность — основной принцип работы чекистов, которым отлично известна всенародная "любовь" к ним и которые поэтому живут в вечном страхе перед возможностью разглашения их тайн, на их лексиконе, — "предательства".

Вот когда мне стало совершенно ясно, что те два дня, которые я провел в читинском областном отделении МГБ, заполняя полнометражные анкеты, были только началом проверки моей деятельности, благонадежности, что впоследствии органы еще долго, по существу всю мою жизнь в Советском Союзе, кропотливо собирали и будут собирать всевозможные данные обо мне. Так поступали они по отношению ко всем своим сотрудникам без исключения. В следственной практике прокуратуры и органов есть такое понятие — "подозреваемое лицо". Теперь я могу смело заявить: не было в органах более подозреваемых

лиц, чем их собственные сотрудники.

Как ни старались мои коллеги, в Дрогобыче им, повидимому, так и не удалось отыскать компрометирующих меня материалов. Это стало мне ясно через некоторое время после возвращения в Читу, когда меня пригласил к себе в кабинет мой начальник Черенко и сообщил, что руководство отдела намерено поручить мне новую, чрезвычайно ответственную работу — негласную проверку писем. Он тут же меня предупредил, что о моем новом назначении не должен знать абсолютно никто, в том числе и мои товарищи из отделения военной цензуры, что новая моя работа будет гораздо более сложной, чем прежняя, поэтому от меня потребуются дополнительные усилия и максимальное рвение и старательность.

Надо сказать: никто не делал особого секрета из того факта, что существовала военная цензура. В конце концов, дело это можно было понять, оправдать необходимостью сохранения так называемой военной тайны, ведь и в демократических государствах при чрезвычайных обстоятельствах не задумывались вводить цензуру. Проверку, которую мне предстояло осуществлять, по словам Черенко, следовало сохранять в абсолютной тайне — письма вскрывать таким образом, чтобы никто никогда не мог заподозрить, что они подвергались перлюстрации. В мои обязанности войдет контроль за содержанием корреспонденции жителей города Читы, его окрестностей, колхозников нашего района, граждан, переписывающихся со своими родственниками, друзьями, проживающими в западных районах страны. При проверке этой корреспонденции необходимо было руководствоваться совершенно иной инструкцией.

О деталях моей будущей работы Черенко говорил в самых общих чертах, останавливаясь, в

основном, на чисто технических вопросах. Дело в том, что я формально оставался еще в штатах военной цензуры, и лишь когда у меня появлялось свободное время, раз-два в неделю, мне приносили вскрытые уже письма для их тайной проверки. Это был своего рода испытательный срок, в течение которого ко мне еще приглядывались, так как не были полностью уверены, что я достоин ступить в таинственный мир, носящий интригующее название "тайная советская цензура".

О, далеко не каждый допускался в ее великолепные чертоги! Надо было завоевать особое доверие, чтобы удостоиться такой чести!

Анализируя события того времени, я прихожу к выводу, что на мою дальнейшую судьбу в тот памятный год повлияли некоторые изменения в моей личной жизни. Я был молодым холостяком, вел вольный образ жизни, но, по роду своей деятельности, был вынужден в основном вращаться в определенном кругу "избранных". В конце концов и у меня наступила пора, которая рано или поздно приходит ко всем молодым людям: мне пришлась по душе девушка, с которой я вместе работал, и я на ней женился. Ее дядя Андрей Николаевич Сергеев, у которого она проживала до замужества, был, как я уже упоминал, начальником военной цензуры, под его-то крылышком оба мы и работали. Я уверен, что именно этот "лояльный" брак, то есть счастливое парование чекиста с чекисткой, воспитанной в старой чекистской семье, и определил мою дальнейшую судьбу. Я стал своим в "дружной" семье работников госбезопасности, теперь мне можно было больше (но, разумеется, не полностью) доверять.

В своей просторной квартире дядя-начальник устроил племяннице богатую свадьбу. Гостей он приглашал сам. Конечно же, то были, в основном, его сослуживцы — начальники отделов, отделений

областного управления МГБ. Был праздничный день — 1-е мая, гуляли до утра. Пышные тосты следовали один за другим. Особенно мне запомнился один, его провозгласил заместитель начальника отдела кадров майор Мурыгин: "За славных советских чекистов, за новую чекистскую семью!" На полном серьезе, без малейших сомнений в исключительности судеб тех, кто сидел за столом...

После этой свадьбы передо мной чуть шире приоткрылись массивные двери читинского МГБ. Мне разрешили войти в само волчье логово, куда допускались только самые-самые... Ей-Богу, высокое доверие приятно щекотало мое самолюбие!

ТАЙНАЯ СОВЕТСКАЯ ЦЕНЗУРА

Итак, я подхожу вплотную к главной теме моих мемуаров. Вскользь уже упоминалось, что за все годы существования советской власти ни в одном печатном издании не промелькнуло даже намека на то, что в СССР практикуется цензура письменной корреспонденции. Наоборот, ее наличие всячески отрицалось, и вообще на данную тему не принято было говорить. Если возникало щекотливое положение, — например, на политзанятиях или на лекции кто-то затрагивал этот вопрос, партийные, советские работники молниеносно ссылались на "сталинскую" конституцию, гарантировавшую сохранение тайны переписки. Конечно, многие этому не верили, хорошо зная, что пресловутая конституция никем не соблюдается, что ее демократические установления далеки от повседневной практики, как небо от земли. Но вступать в споры никто не отважился, так как любое возражение немедленно приравнивалось к попытке "подрыва советской демократии", а что это такое — отлично знал любой советский гражданин.

Короче говоря, для многих советских граждан существование тайной цензуры было секретом Полишинеля. Но едва ли хоть один из "непосвященных" представлял себе, как она осуществляется на самом деле, как организована, кому доверена, где "заседает" и каким образом действует при различных обстоятельствах, не говоря уже о том, каковы последствия ее нужной и важной деятельности. Осветить все эти вопросы в состоянии только тот, кто лично принимал участие в "тихой" цензурной работе. Так вот, мне довелось преданно трудиться на разных участках этой совершенно секретной службы, по каковой причине я в мельчайших деталях знаком со всей процедурой негласной перлюстрации корреспонденции в Советском Союзе. Разоблачение скрытой от глаз людских возни кротов, именуемых тайными или негласными цензорами, я думаю, не может не заинтересовать всех людей доброй воли, которым о чем-то говорят такие "рудиментарные" понятия, как "права человека", "свобода волеизъявления" и т. д. Я готов выступить свидетелем на любом процессе, где пойдет речь о нарушении в СССР одного из элементарнейших прав человека — права на сохранение тайны переписки. Я готов представить доказательства, что у гражданина СССР такого права нет, хотя законом оно ему гарантировано.

Касаясь вопроса о цензуре, о ее тайной деятельности, необходимо подчеркнуть, что условия для ее существования и успешного функционирования имеются только в тоталитарных государствах, где власть находится в руках кучки "вождей", опирающихся на могучие полицейские силы, призванные подавлять малейшие поползновения граждан к свету — то есть к свободе, демократии, законности.

В царской России тоже существовала тайная

перлюстрация писем. Учреждение, которое осуществляло контроль за мыслями и чувствами граждан, получило красноречивое название — "Черный кабинет". Оно существовало вплоть до конца февраля 1917-го года, когда было ликвидировано демократической революцией. С этого времени и вплоть до 1935-го в Советском Союзе не было цензуры писем.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление от темы. Я не собираюсь писать историю пресловутого "ПК" (политического контроля), это мои личные воспоминания, в которых я рассказываю лишь то, в чем лично принимал участие, что известно мне в связи с моей работой, из собственного опыта, так сказать. Мое утверждение о том, что лишь в 1935-м году возобновили свою деятельность "черные кабинеты", основано на знакомстве с тайной инструкцией МГБ, а также на утверждениях начальства.

Конечно, я тогда не мог предвидеть, что в будущем мне понадобятся более подробные сведения на данную тему, поэтому и не уделял ей должного внимания, то есть никаких материалов не копил. Кроме того, надо иметь в виду, что нам, пешкам, и не полагалось знать больше, чем записано в инструкции или сказано начальством. Любопытствовать, проявлять назойливость, расспрашивать о вещах, нас не касающихся, было крайне опасно даже для сотрудников органов.

Я предвижу, что некоторые читатели не согласятся с моим утверждением о введении тайной цензуры почтовой корреспонденции в СССР только с 1935-го года. Ж. А. Медведев, например, писал мне в связи со сказанным: "Я думаю, что цензура международной почты была и до 1935 года. Выборочная цензура внутренней почты, очевидно, также существовала всегда, так как в определенных случаях (при санкции прокурора)

она не противоречит закону, а входит в систему следствия (за подозреваемыми преступниками). Военная цензура, очевидно, в ограниченной форме, была также и до 1935 года, а также цензура ссыльных, диппочты и т. д., возможно, что "черные кабинеты" были в разных ведомствах, и позже их объединили..."

Конечно, всем известно, что в СССР ложь является непременным орудием как в международной политике, так и в политике внутренней, что по этой причине даже тайным инструкциям высоких советских учреждений верить слепо нельзя. Вот почему, мне кажется, вполне можно согласиться с авторитетным мнением Ж. А. Медведева о том, что какие-то формы тайной проверки корреспонденции существовали и до 1935-го года. А почему именно 1935-й? Вероятно потому, что органам выпала счастливая возможность оправдать возобновление деятельности "черных кабинетов" в связи с пресловутым убийством Кирова, которое прямо-таки взывало к "усилению борьбы с вражескими элементами". В этой борьбе определенная роль была отведена и тайной цензуре. Сталинская провокация с убийством Кирова развязала руки органам, началась дикая расправа с "врагами", в числе которых наверняка оказались и те, кто работал на перлюстрации писем до 1935-го года. Слишком много они знали...

Но на данную тему нет никаких достоверных документов. Лишь когда заговорят тайные архивы МГБ — КГБ, тайное станет явным. Но когда еще это будет...

Повторяю, до 1935-го года в СССР официально не было цензуры писем, то есть не существовало такого учреждения, которое занималось бы перлюстрацией корреспонденции. О "черных кабинетах" царских времен даже не упоминается, и это не случайно: органам выгодно, чтобы советский

народ ничего не знал о существовании цензуры вообще, даже если речь идет о царской цензуре. Лучше не возбуждать интерес к подобным вопросам и тем самым не вызывать лишних подозрений, что в СССР тоже не исключена возможность такого рода проверки.

Между прочим, на всех инструктажах, которые были со мной проведены — а их множество, — никогда ни словом не упоминалось о какой-либо деятельности "черных кабинетов". Как будто их никогда и не существовало. И это понятно. Ведь если бы пришлось говорить о "черных кабинетах", непременно нужно было бы для сопоставления упомянуть, кем и как они были организованы, где и как производилась перлюстрация и т. д. Не исключено, что выявилась бы полная тождественность тайной цензуры времен "проклятого царизма" с нашей, родной, советской. А, может, блаженной памяти царский "черный кабинет" предстал бы в виде этакого невинного ангелочка в сравнении с "народным, рабоче-крестьянским"?

А и в самом деле. Как мне стало известно, "черные кабинеты" времен самодержавия действовали только в крупных городах, в каждом из них заседало от двух до шести сотрудников, а проверке подлежали не письма обыкновенных граждан, а лишь переписка небольшого числа "бунтарей", преимущественно из высших сословий, которых держала на примете царская охранка. И основное: в обязанности тогдашнего "черного кабинета" входила ТОЛЬКО ПРОВЕРКА письменной корреспонденции. Свирепым царским цензорам строго-настрого запрещалось конфисковывать подозрительные письма, изымать текст из них. Они могли лишь делать выписки и подавать куда следует докладные записки со своими соображениями о содержании того или

иного письма. Полная конспирация была основным условием успешной деятельности старорежимных "черных кабинетов". Ниже я подробно остановлюсь на работе советского "черного кабинета", и читатель сможет воочию убедиться в том, до какого совершенства довели его органы МГБ, а также в том, что всякое сопоставление двух родственных учреждений тайной цензуры — царской и советской — будет не в пользу второй, более того, явится как бы обвинительным заключением для всех ее сотрудников и ее высокопоставленного начальства.

Итак, примем за аксиому: в СССР "черный кабинет" начал свою деятельность после убийства Кирова и перед началом массовых репрессий 1937-го года. В те времена функции органов госбезопасности, естественно, всячески расширялись. Понятно, что в преддверии массовых процессов, казней, убийств мастерам заплечных дел понадобилась и эффективная, хорошо организованная, всеобъемлющая тайная цензура, которая могла бы поставлять документы, изобличающие козни всех и всяческих "врагов народа". Словно в насмешку, именно в то время торжественно, пышно отмечается рождение "самой демократической в мире" сталинской конституции, 128-я статья которой торжественно гарантировала всем гражданам страны советов соблюдение тайны переписки и многие другие немыслимые права. Нет сомнения, что составители этого "основного закона" знали, что вот уже около двух лет в невиданных масштабах производится тайная проверка частной корреспонденции. Впрочем, чего они не знали? Не знали, что нет ни свободы слова, ни свободы печати, ни свободы собраний, ни прочих демократических свобод, также гарантированных этим липовым документом, предшественником такой же лживой, лицемерной конституции бреж-

невской?

Конечно же, в советских условиях такое позорящее честь мундира название, как "черный кабинет", не могло быть принято. Слово "цензура" для обозначения нового учреждения также не подходило, ведь великая "конституция" отрицала, запрещала позорные пережитки прошлого. Вот почему появилось новое советское учреждение под невинным названием "Политический контроль", сокращенно — "ПК". Название новое, суть — прежняя.

Кстати, не лишне обратить внимание читателей на тот несомненный факт, что возобновившаяся негласная проверка почтовой корреспонденции в СССР шла вразрез не только с конституцией, но и с подписанной Советским Союзом Декларацией прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. В статье 12 этой Декларации прямо говорится об обязательстве стран — участниц соблюдать тайну переписки. Как бывший сотрудник советских органов безопасности и бывший работник тайной письменной цензуры, я со всей ответственностью обвиняю Советский Союз в том, что он нарушил и продолжает нарушать свои международные обязательства, превращая подписанные им документы в пустые клочки бумаги. Факты, приводимые мною ниже, подтверждают, что подпись представителя СССР — явная насмешка над ООН, над ее многочисленными членами, издевательство над собственными гражданами. Подмахивая этот документ, точно так же, как позднее пресловутое Хельсинкское соглашение, Советский Союз никогда даже не помышлял его выполнять. Вот почему так неудобен для советских властей Комитет защиты прав человека. Вот почему вся сила советской власти обрушивается на тех, кто осмеливается заикаться о необходимости соблюдения прав человека внутри страны. Вот

почему безапелляционно отвергаются все попытки зарубежных политических и общественных деятелей взять под защиту того или иного брошенного за колючую проволоку "диссидента" — это, с точки зрения правителей СССР, вмешательство во внутренние дела страны.

СССР охотно принимает любые прогрессивные обязательства, но это отнюдь не значит, что он собирается их выполнять.

В заключение этого рассуждения хочу сказать, что ответственным за все нарушения элементарных прав человека прежде всего является политбюро ЦК КПСС, установившее в стране тоталитарный режим, плюющее на собственные законы и на международные соглашения.

x x x

Как я уже говорил, вначале моя работа в "ПК" представляла собой совместительство с деятельностью в военной цензуре. Раз или два в неделю, сидя за рабочим столом в кабинете Черенко или в отделе "В", я получал письма для тайной проверки. Судя по всему, такая постановка дела не очень устраивала мое начальство: явно нарушался один из важнейших принципов тайной цензуры — конспирация.

Вскрытые письма уносили в областное управление МГБ, где помещался отдел "В", оттуда, на виду у сотрудников, забирали в отделение военной цензуры, где опять же никаких условий для их тайной проверки не было. Не с кем было даже согласовать некоторые вопросы, требовавшие уточнения. К тому же это приводило к задержке писем, их нельзя было вовремя отправить по назначению, что также не могло не вызывать недовольства начальников. С другой стороны, мое добросовестное отношение к порученному делу, а также

возросшее доверие ко мне (ведь я уже был "свой" человек, сам начальник военной цензуры состоял со мной в родстве) исключали всякое подозрение, что я могу оказаться "не тем" человеком, укрепляли веру в меня как в надежного работника, которому можно доверить самую сложную секретную миссию.

В один прекрасный день меня снова вызвал мой непосредственный начальник и старый приятель Петя Черенко и сообщил, что очень сожалеет, но вынужден со мной расстаться, так как уже окончательно решен вопрос о моем переводе на негласную работу. При этом он выразил надежду, что наши дружеские отношения не прекратятся, что мы по-прежнему будем вместе встречать праздники, отмечать семейные торжества. Тут же он сообщил мне, что со мной желает поговорить мой будущий начальник Федор Игнатьевич Новицкий. С ним я должен встретиться в установленном месте, в центре Читы, а что делать дальше, — Новицкий объяснит мне сам.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Что ж за работа меня ожидает, если даже мой непосредственный будущий начальник не решается или не имеет права пригласить меня к себе в кабинет на беседу!?

С Новицким я был знаком довольно хорошо. Мы вместе ходили на занятия в вечерний университет марксизма-ленинизма. Иногда встречались случайно в отделе "В", то есть в здании управления читинского МГБ. Тем более странной выглядела затеянная конспирация!

Когда в назначенный час я пришел в условленное место, он уже поджидал меня. Подарил мне дружескую улыбку, крепко пожал руку, после чего, на ходу беседуя о том, о сем, мы не спеша пошли в направлении станции Чита II. К делу он перешел с помощью шутки. Он сказал:

— С момента нашей встречи вы уже находитесь при исполнении служебных обязанностей.

И тут же добавил, что свой инструктаж начнет немедленно, по пути следования на новое место работы. Попросив внимательно его слушать, он тихим голосом начал говорить о вещах, о которых я до тех пор не имел понятия. Уже после первых его слов я навострил уши и стал слушать с обостренным вниманием и нескрываемым любопытством. Он просвещал меня:

— С момента нашей встречи вы уже негласный сотрудник нашего отделения, поэтому вам следует выработать в себе навыки соблюдения строжайшей конспирации. Никогда и нигде вы не имеете права забывать об этом первейшем правиле вашего поведения в обществе. Конспирация, конспирация и еще раз конспирация! Вот мы с вами сейчас направляемся к месту нашей работы. Оба мы обязаны вести себя так, чтобы никто из друзей или знакомых не знал, куда мы идем. Особенно тщательно мы должны следить за тем, чтобы ни одна живая душа не заметила, куда мы входим, то есть, чтобы никто не догадался, в каком здании находится наше учреждение...

И тут Новицкий начал спокойно объяснять мне, как необходимо себя вести, чтобы избежать ненужных встреч, чтоб никем не замеченным войти в законспирированное учреждение.

— Главное, — говорил он, — это правильный переход улицы с учетом обозрения окружающей местности, благодаря чему можно издали заметить людей, встречи с которыми следует избегать. Заметив знакомого, следует остановиться, дать ему возможность исчезнуть из поля зрения, затем, скосив глаза, внимательно поглядеть по сторонам — нет ли поблизости еще кого-нибудь, и лишь убедившись, что путь свободен, продолжать движение. По дороге на работу вы обязаны

быть стопроцентно уверенным, что никакой слежки за вами нет...

Я был прилежным учеником и старался изо всех сил постичь науку Новицкого и других моих начальников. Кстати, должен сказать, что впоследствии вновь приобретенные навыки мне пригодились, с их помощью мне удавалось устанавливать наличие слежки за мной, и я знал, как избавляться от агентов КГБ.

Но вернемся к нашему повествованию. Мы с Новицким подошли к вокзалу. Он не спеша оглянулся кругом, личным примером показывая мне, как надо на практике применять полученные теоретические знания, и, убедившись, что нас никто не выслеживает (о Боже, а кому мы нужны были?!), ввел меня в специальное помещение здания привокзального почтамта.

Вот таким образом я впервые попал в помещение "ПК", отделения тайной цензуры почтовой корреспонденции, куда, начиная с того дня, буду приходить уже каждое утро, а позднее и по вечерам, в строго определенное время, соблюдая при входе все правила конспирации.

Довольно скоро я понял, что для меня началась совершенно иная жизнь, резко отличавшаяся от жизни моих знакомых, всех окружающих меня людей. Я не только обязан был выполнять определенную работу, от меня еще требовалось оставаться невидимым для окружающих. Второе, как оказалось, начальство считало не менее важным, чем первое, подчеркивая, что мы невидимки, что в искусстве оставаться незамеченным — альфа и омега всей нашей деятельности.

С той поры я так усердно старался войти в новую роль, что осторожность стала моей второй натурой. Я так усиленно, так рьяно вновь и вновь отрабатывал все детали поведения "подпольщика", что порой меня даже галлюцинации начинали преследовать. Иногда мне казалось: если бы каждый из нас, тайных цензоров, мог бы на самом деле превратиться в человека-невидимку, начальство охотно превратило бы его в такового, — так велико было желание начальства, выполнявшего, конечно же, указания вышестоящих бонз, сохранить в тайне сам факт нашего существования на земле. Что ж, как нетрудно догадаться, причин для такого желания было хоть отбавляй.

Когда я впервые переступил порог цензорского зала, меня поразила царившая там могильная тишина. Все сидели за своими рабочими столами, все сосредоточенно читали чужие письма. Ни один даже не пошевелился, не поднял голову, чтоб посмотреть, кто проходит мимо. Выучка у цензоров — железная: ничто постороннее не должно отвлекать их от порученного дела, ни к чему и ни к кому проявлять любопытство не положено.

Я был предупрежден Новицким, что и нам надо стараться как можно тише пройти мимо цензоров в его кабинет.

Кабинет у моего нового начальника оказался небольшой. Первое, что бросилось мне в глаза при входе в него, был солидный несгораемый железный шкаф, стоявший в углу. Вскоре я узнал, что именно в том шкафу хранились так называемые "задержанные" письма, которым следовало уделить "оперативное внимание", а также другие любопытные письма, которые Новицкий уносил с собой в отдел "В". Там хранились также совершенно секретные бланки "меморандумов", то есть, грубо говоря, доносов на людей, нарушивших в своей корреспонденции какую-либо священную заповедь тоталитарного советского режима, лежали стопки секретных списков, документов, инструкций.

Весьма любопытно, как Новицкий разъяснял мне практику попирания органами закона о соблюдении тайны переписки, как изворачивался, чтобы преподнести вопиющие действия тайной цензуры в изящной упаковочке какой-то якобы государственной необходимости.

Сидя за своим рабочим столом, под большим портретом Иосифа Виссарионовича, он начал издалека — с конституции, гарантирующей, как известно, гражданам СССР тайну переписки. Говорил он тихо, ласково, вкрадчивым голосом, стараясь создать непринужденную дружескую атмосферу, нередко прерывал серьезный деловой разговор пустяковыми вопросами о моей семье, о моем досуге (как будто все это не было ему известно задолго до того, как он пригласил меня на беседу). Часто делал паузы, как бы желая убедиться в том, что сказанное им прочно залегает в моем сознании.

— И вы, наверное, знаете, Леопольд Ионасович, — задушевно-доверительно продолжал он, как бы не сомневаясь в том, что я полностью разделяю все его убеждения и мнения, — что никому не дано право нарушать тайну переписки. Весь вопрос в том, как лучше обеспечить выполнение на деле всех тонкостей, связанных с этим священным правом, чтобы оно, это право, не оказалось пустым звуком, чтоб отстоять его от посягательств со стороны бесчисленных врагов народа. Задача эта далеко не простая. Вот почему партия решила возложить ее на наши органы, на нас с вами, Леопольд Ионасович. Для этой цели и было создано наше учреждение, получившее кодовое название "ПК", то есть "политический контроль". Называть это нарушением конституции было бы неправильно и вредно. Скорее, наоборот: политический контроль служит интересам трудящихся, наиболее последовательному выполнению предначертаний нашей конституции. Это почетное задание партии нам с вами и предстоит выполнять. Мы с вами хорошо знаем, что честному советскому человеку нечего бояться "Политического контроля", ему нечего скрывать от партии, которой он безгранично предан, которой доверяет во всем, а поэтому даже не обременяет себя мыслями — существует ли какая-либо цензура или нет...

Вот так мой новый начальник начал вводить меня в курс дела. Верил ли он сам в то, что говорил? Едва ли. Как десятки тысяч других советских служащих, он заставлял себя верить, иного выхода ни у кого не было. Такова условность правды в стране лжи.

Я, в свою очередь, как и подобает сотруднику органов, не стал анализировать, насколько логично, верно, морально, приемлемо все то, что говорил мой начальник. К тому времени я тоже усвоил более чем сомнительную истину о морали, провозглашенную нашим вождем и учителем В. И. Лениным: "Морально то, что полезно партии". Дешево, выгодно, удобно! Незачем думать. За нас думает фюрер! Если вскрытие и тайное чтение чужих писем практикуется с разрешения, по поручению партии, — я буду безоговорочно выполнять ее поручение, в данном случае поручение ее "органов", что одно и то же. Мы, члены партии, — ее колесики и винтики, нам положено выполнять, а не рассуждать. Такая простая, прозрачная формула жизни! Ни тебе мучительных сомнений, ни угрызений совести — ничего! Не люди, — автоматы!

Все это я осознал значительно позже. Тогда же мне не приходила в голову никакая крамола. Я искренне верил или заставлял себя верить, закрывать глаза на все, что творилось вокруг, не впускать в сердце змею сомнения. Как могло быть иначе, когда ежедневно, ежечасно в тебя вдалбливали такие истины: "Партия — ум, честь и совесть

нашей эпохи", "Партия никогда не ошибается", "Партия и народ едины"... Хвала Господу, если в подобных условиях не станешь круглым идиотом!

Беседа продолжалась. Новицкий неторопливо знакомил меня с новыми требованиями, а требования эти были столь фантастичными, что я стал слушать его с некоторым недоверием.

Как я уже говорил, главным принципом, которому я обязан был теперь неукоснительно подчиняться, был принцип абсолютной, полнейшей секретности не только моей работы, но и частной, сугубо личной жизни. Казалось немыслимым осуществление всех диких требований Новицкого. Между тем, он шаг за шагом доказывал мне, что это не только возможно, но и необходимо.

— Начнем с конспирации в быту, — говорил Новицкий. — Запомните, наши органы никому не прощают нарушения правил конспирации. Постоянно памятуя об этом, вам придется строить свое поведение в быту таким образом, чтобы стать как можно более незаметным человеком. Ни в коем случае не следует заводить новых знакомств. Поддерживать старые можно, но желательно — только те, которые необходимы. О себе ничего не рассказывать. При встречах с соседями надо ограничиваться только краткими приветствиями, нет надобности с ними сближаться. Контакты с внешним миром не запрещены, но вообще-то для нас они нежелательны, поэтому под разными предлогами их следует избегать. Чем меньше людей с вами знакомы, — тем лучше. Пуще огня избегайте скандалов в квартире или в очередях. Никаких ссор, судов с соседями. Вы есть, но в то же время вас как бы и не должно быть...

Фактические сотрудники тайной цензуры считались работниками органов госбезопасности, но

в здание областного управления МГБ, кроме начальника отделения Новицкого, его заместителя и начальника международного отделения, никто из них не имел права входить. Только они имели пропуска, дававшие право на вход в "святую святых". Такой порядок, опять же, объяснялся требованиями конспирации: никто не должен был догадываться, что между каждым из нас, тайных цензоров, в отдельности и тем грозным учреждением может существовать какая-то связь. Впоследствии я тоже получил пропуск на право входа в здание читинского МГБ, но только в вечернее время.

Особенно строго следовало соблюдать конспирацию, связанную с местом нашей работы.

— Запомните, товарищ Авзегер, — сразу же перешел на официальный тон Новицкий, как только коснулся этого вопроса, — никто на свете — ни ваши родственники, ни друзья, даже самые близкие и преданные, — не должен знать о нашем существовании, а также о месте нашего нахождения.

Далее выяснилось, что в связи с конспирацией все сотрудники "ПК" приходят на работу по отдельности, каждый в строго определенное время, точно так же после работы отправляются домой. Нарушение этого графика равносильно нарушению трудовой дисциплины.

— Ни один знакомый вам человек, — продолжал мой новый начальник, — не должен видеть, что вы заходите в это помещение. Ни один! Бывают в жизни непредвиденные обстоятельства. Может случиться, что кто-то из ваших друзей увидит или окликнет вас здесь, у входа в наше учреждение. Это вы обязаны предвидеть и реагировать спокойно и уверенно, в зависимости от обстоятельств. То есть, остановиться, поговорить с ним и постараться по возможности быстрее от него избавиться. Чекистская смекалка и находчивость в каждом отдельном случае должны вам подсказать образ

действия. Можно сделать вид, что вы не заметили знакомого, и удалиться от него в противоположном направлении. Бывает, нельзя пройти мимо, тогда приходится сочинить что-то наспех: мол, встречаю кого-то из родных или знакомых, он должен прибыть ближайшим поездом. В случае, если кто-то из знакомых "поймает" вас недалеко от входа в нашу "контору", вам следует под любым предлогом задержаться и подождать, пока он не скроется. Может же у вас развязаться шнурок на ботинке! — тут Новицкий лукаво усмехнулся. — Так вот, в критической ситуации лучше всего, чтоб у вас развязался шнурок, вы нагнетесь и будете его завязывать до тех пор, пока ваш знакомый не исчезнет из поля вашего зрения. Иногда можно остановиться, посмотреть на часы, или вытащить носовой платок, ведь у людей бывает насморк...

Вот так я вступал в совершенно незнакомую мне жизнь тайного советского цензора. Я читал много книг о подпольщиках-коммунистах, о советских разведчиках, действовавших в глубоком тылу врага, смотрел и даже восхищался кинокартинами на эту тему. И вот я сам ушел в подполье, только не во вражеском тылу, не в условиях царского самодержавия, а в собственной родной стране, в городе, где я проживал, притом в самое что ни на есть мирное время, в условиях безраздельной власти КПСС и советского правительства над всей великой советской державой. Я и не подозревал, что такое вообще возможно, а со мной лично — и подавно.

Новицкий, между тем, продолжал пичкать меня все новыми и новыми сногсшибательными сведениями. Вот он и такую мелочь предусмотрел:

— Да, кстати, у вас же должно быть официальное место работы на случай, если кто-то вас спросит, где вы трудитесь. Какое именно, в данном

случае не имеет значения, важно, чтоб оно было постоянным и, разумеется, солидным. Ведь может же случиться так, что кто-то из ваших знакомых поинтересуется, кем и где вы служите. Во избежание подозрений вы обязаны ответить без промедления, не задумываясь. Вот почему вам необходимо хорошо знать это учреждение, то есть помнить фамилии его начальника, заместителя, основных сотрудников, его местонахождение, даже расположение кабинетов вдоль коридоров и по этажам. Чтоб не путаться и не мямлить, если вас начнут расспрашивать о работе более подробно. Вам необходимо избрать себе должность в этом учреждении. Мне кажется, лучше всего вам "пристроиться" в горкоме партии или в горкоме комсомола. В этих организациях нам легче будет обеспечить вам полную конспирацию...

Тут Новицкий сделал короткую паузу, рассчитывая, видимо, на усиление эффекта его откровений. Он был неплохой психолог и тонкий актер и все рассчитал правильно. Обдумывая, переваривая услышанное, я действительно все больше и больше удивлялся и поражался, и священный трепет перед таинственным учреждением, в чертоги которого я вступал, все сильнее овладевал моим неискушенным существом. С разинутым ртом слушал я его, сгорая от любопытства, ведь обо всем, что я узнавал, вчера еще у меня не было ни малейшего представления. Я казался самому себе лилипутом, допущенным в страну великанов, где все не так, как в Лилипутии, где живут лишь очень сильные, судьбой отмеченные существа. Я стану одним из этих избранных! Вчера еще я был уверен, что военный цензор — это уже высшая степень избранности, сегодня убедился, что к советскому Олимпу ведут многие ступени, что с низшей я перескочил на более высокую... Но сколько же их, этих ступеней, и каковы же должны

быть привилегии тех, кто выше меня, выше Новицкого?..

А мой новый начальник продолжал меня ошарашивать все новыми и новыми сведениями:

— В жизни советских людей имеются еще отдельные недостатки и трудности, и некоторые граждане болезненно реагируют на них. Большинство из них воздержано на язык, не болтает лишнего, но зато в письмах позволяет себе высказывать то, о чем устно заикаться не осмеливается. Так распространяется клевета на нашу партию, на наш социалистический строй. Наша с вами задача как раз в том и состоит, чтобы выявить всех тех, кто мыслит по-иному и эти мысли выплескивает на бумагу. Вы же сами наблюдали: с глазу на глаз люди многое не решаются высказать вслух, держат, как говорится, язык за зубами; может быть, вы даже замечали, что нередки случаи, когда такие людишки вслух высказывают очень даже лестные мысли о нашей стране, о партии и товарище Сталине. Совсем другое дело, когда они берутся за перо. В письме они не лицемерят, пишут все, что на душе лежит, искренне открывают душу, высказывают все самое сокровенное. Тут тебе и обиды, и недовольство, и жалобы на окружающую действительность, и ругань в адрес того или иного партийного или советского деятеля. Все доверяют письмам, веря, что тайна переписки соблюдается. Этого психологического фактора нельзя не учитывать нам, сотрудникам "ПК". С помощью нашего политического контроля мы имеем возможность проникнуть в тайные замыслы людей, убедиться в их благонадежности или, наоборот, в их враждебности партии и социализму. Для нас, представителей советских органов госбезопасности, это важнейший источник информации. Леопольд Ионасович, ты (вот мы уже и на брудершафт выпили!), может быть, слышал, что на

Западе созданы такие хитроумные аппараты — детекторы лжи, с их помощью полиция прокрадывается в души людей. Нашим людям не нужны никакие детекторы. Русский человек сам о себе все расскажет, всю душу изольет в письме, надо только уметь прочесть это письмо. Наш советский цензор обязан быть хорошим психологом, он должен читать даже между строк. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Да, я уже понимал, что негласная цензура — это отмычка, при помощи которой советские органы госбезопасности тайно прокрадываются в души людей, читают их мысли, чтобы потом их же откровенность обратить против них самих.

Граждане Советского Союза лишены той правдивой информации, которую в изобилии получают жители свободных стран Запада. Советских людей пичкают ложью, вот почему они рано или поздно проникаются недоверием к отечественным печатным органам, радио, телевидению. Высказывать свои сомнения, подозрения, убеждения вслух — крайне опасно, это знают даже школьники. Совсем другое дело излиться в письме к другу или подруге, на верность которых можно положиться.

Довольно скоро я убедился, что в откровениях Новицкого содержалась немалая доля истины. Он был опытным чекистом и дело свое изучил до тонкостей, о которых простым смертным никогда не догадаться.

О чем только не писали люди друг другу, какие только тайны не поверяли, не подозревая, что на читинском почтамте (как и во множестве других мест страны) существует специальная группа "подпольщиков", главной и единственной заботой которых является выуживание этих тайн и использование их против неосторожных авторов писем!

Пожалуй, больше всего повергло меня в изумле-

ние то, что сказал Новицкий в заключение своей беседы со мной.

— В нашем служебном лексиконе, — вещал он, — не должны существовать такие слова, как "цензура", "письма", "проверка". Забудьте их навсегда, для нас с вами их нет. Не цензура у нас здесь, а политический контроль, и к нам в руки попадают не письма, а документы, которые мы, опять же, не проверяем, а обрабатываем. Все, что мы читаем, просматриваем, посылаем в другие отделы на проверку, все это обработанные или обрабатываемые нами документы, которыми ведает наше учреждение...

Кстати, никогда я не слышал впоследствии, чтобы из уст наших сотрудников хоть разочек вырвалось какое-либо из этих слов: "цензура", "письма", "проверка корреспонденции"... Эти понятия просто-напросто были вычеркнуты из памяти людей, занятых соответствующими действиями. Словно их в природе не существовало! Но они были, их можно было без труда найти в любом словаре, отсюда можно сделать вывод, что их боялись, так как их употребление бросило бы черную тень на всю тайную деятельность советской цензуры. Вместо них употребляли обтекаемые, ничего никому не говорящие словечки и фразы, такие, например: "Все документы уже обработаны", "Это задержанные документы" и т. д.

Я был предупрежден Новицким: все то, что станет мне известно из писем, ни в коем случае не подлежит огласке, не может являться темой для разговоров или выступлений, даже на партийных собраниях. По-видимому, его обязанностью было также напомнить об ограничениях в отношении спиртных напитков. Ни в коем случае нельзя напиваться в общественных местах, а также строго запрещается приносить и распивать алкогольные напитки в помещении "ПК". Тут же улыбаясь

добавил: "Дома, втихомолку, можно с другом раздавить бутылку..."

Под конец Новицкий вновь, на сей раз более подробно, стал расспрашивать меня о моей личной жизни. Ничего нет удивительного, что после такого инструктажа я стал осторожен и, отвечая на вопросы, призадумывался над каждым словом, прежде чем его вымолвить. Поди догадайся, куда он клонит, что ему от меня надо! Это, конечно, от его внимания не ускользнуло. Он поглядел мне в глаза и, улыбаясь, заметил:

— Все будет хорошо, незачем волноваться.

И чтобы расположить меня к себе, завоевать мое доверие, дружеским тоном сообщил мне, что органы позаботятся о моем благополучии, что уже дано указание выделить нам другую квартиру, побольше площадью, где мы с женой будем избавлены от необходимости готовить на коммунальной кухне. Тут же я узнал еще одну приятную новость: меня повысили в должности. Отныне я уже не цензор, а переводчик, и в случае необходимости любой отдел читинского МГБ сможет воспользоваться моими услугами. Разумеется, подчеркнул Новицкий, высокое доверие органов надо будет оправдать самоотверженным трудом.

Двуликий Янус. Вот кто я отныне. Человек с двумя лицами. Не двуличный, а с двумя лицами. Улавливаете разницу? Одно лицо — для родственников, знакомых, друзей-приятелей, другое — истинное — для товарищей по работе, начальства. В кругу близких я — просто хороший парень, работающий в каком-то там горкоме, готовый помочь в беде, побеседовать, посоветовать, посочувствовать... В своем учреждении я — тайный цензор, которому поручено чрезвычайно важное для страны дело осуществления "политического контроля" писем советских граждан.

Сдержанность. Осторожность. Внимание. Замкнутость. Вот какие основные черты характера должен был я отныне воспитывать в себе прежде всего. Теперь я уже не имел права пойти с товарищами в ресторан. Правда, прямого запрета на подобные увеселительные мероприятия не существовало. Но они нам не рекомендовались, а уж если что-то в органах "не рекомендуется", то лучше считать это запретным плодом, а то ведь и до беды недалеко!

Упаси меня Бог, скажем, встать на защиту соседки, которую избивает ее пьяный муж. Никаких недоразумений с соседями по квартире! Не приведи Господь одернуть зарвавшегося хулигана в очереди. Никакого благородства в общественных местах! Я есть и меня нет!

Стоило где-то вспыхнуть скандалу — я обязан был тотчас же ретироваться. Ходить на работу мне следовало осторожно, с оглядкой, чтобы не заметил меня кто-либо из знакомых. У меня была выдуманная должность в горкоме партии, мнимый начальник, мнимые сотрудники, и я обязан был помнить об этой второй, выдуманной моей жизни так же четко, как и о первой, всамделишной.

Вспоминая сейчас тот первый обстоятельный инструктаж в кабинете Новицкого, я пытаюсь разобраться в чувствах, им вызванных. Хорошо помню: с одной стороны, я был огорчен необходимостью постоянной дьявольской конспирации во всей моей дальнейшей жизни, ведь перспектива притворства в отношениях с людьми, необходимость ограничивать себя во всех радостях жизни, и без того немногочисленных на том посту, который я занимал, едва ли могла радовать. С другой стороны, однако, я был чрезвычайно польщен, рад признанию моих заслуг, оказанному мне доверию. Отныне я принадлежал к небольшой группе секретных сотрудников МГБ. Многим

ли выпадает такая "удача"? Может быть, одному из десяти тысяч моих сограждан дано такое счастье!

Было бы ошибкой думать, что тайная жизнь негласных сотрудников, глубокая конспирация всей их деятельности служили лишь для отвода глаз окружающих. Нет, дело обстояло далеко не так просто, и наше руководство довольно часто использовало нас для самых разнообразных ролей. Помнится, во время войны в Корее туда выехала делегация Всемирного конгресса сторонников мира. Проездом она побывала в Москве, а далее, по пути следования в Северную Корею, останавливалась во многих городах страны, в частности, в Свердловске, Новосибирске, Иркутске и Чите. Советское правительство, политбюро ЦК КПСС поставили перед партийными и советскими органами важнейшую задачу — ознакомить высоких гостей с "точкой зрения рядовых советских тружеников" на агрессивную войну американского империализма в Корее. При этом требовалось разыграть спектакль "возмущения" рабочих и крестьян наглыми действиями агрессоров против миролюбивого народа маленькой страны, избравшей социалистический путь развития и героически борющейся за свое право "на независимость, демократию, светлое коммунистическое будущее", навязать "борцам за мир" свою точку зрения на корейские события и для этого не жалеть сил и средств. Одновременно следовало всячески внушать им наши, советские понятия о том, как им лучше осуществлять у себя дома борьбу за мир, за дружбу народов, за прогресс.

Вояж "миротворцев" по России и Сибири можно в полном смысле слова назвать триумфальным. Всюду их встречали восторженно, как самых желанных гостей, в их честь устраивались роскошные банкеты, призванные вызвать у них впечатление

о богатой жизни, о безбедном существовании тружеников страны социализма. Традиционное русское гостеприимство всегда использовалось советскими властями предержащими как могучее оружие воздействия на психику наивных иностранцев, как средство подкупа, улещивания, задабривания. Увы, древний, как мир, принцип "на дармовщину пьют и нищие, и миллионеры" здравствует и поныне.

В Чите также был дан большой банкет в честь "дорогих гостей", который проходил по заранее составленному сценарию МГБ. На него была приглашена тщательно подобранная публика из числа представителей партийных, профсоюзных и общественных организаций города, а также передовых рабочих, новаторов производства различных читинских предприятий — гордость и опора советской власти, социалистического строя. Лично мне не выпала честь принять участие в этом грандиозном спектакле. Но буквально на второй день после его благополучного завершения встретил я в городе своего друга Василия Петрова, с которым трудился в отделении военной цензуры № 115 и чья жена продолжала трудиться вместе с моей супругой в негласном отделении "ПК". После ликвидации отделения военной цензуры Петрова перевели в пятый отдел управления МГБ, где он, в качестве негласного работника, следил за ходом ликвидации гоминьдановского консульства в Чите.

Так вот, с первых же слов после традиционных приветствий Петров пожаловался на невыносимую головную боль. Как принято в таких случаях, мы с ним заглянули в какой-то буфет — опохмелиться. Прямо у стойки, подальше от нескромных глаз и ушей, выпили за встречу. После чего Петров рассказал мне, как старому другу, о причине своей головной боли. Так я узнал, что накануне вечером

он присутствовал на приеме в честь делегации сторонников мира, где крепенько выпил, по его собственным словам, — "переборщил". Петров рассказал, что был поражен роскошью этого приема, на котором присутствовали, в основном, сотрудники МГБ, исполнявшие, подобно актерам на театральных подмостках, самые разнообразные, неожиданные роли. Сам он был передовиком производства читинского машиностроительного завода. Начальство из областного управления поручило ему выступить с приветственной речью, и он вдохновенно рассказывал гостям, как, не покладая рук, трудится над выполнением и перевыполнением пятилетнего плана, как, будучи высококвалифицированным фрезеровщиком, распределяет вместе с женой по статьям расходов свой высокий заработок, которого хватает буквально на все, не исключая ежемесячных вкладов в сберегательную кассу. Разумеется, похвастал он и своей просторной квартирой, и высокооплачиваемой работой супруги... Под конец Петров проинформировал простачков-миротворцев о том, что он в высшей степени доволен своей жизнью и работой, за что, вместе со всем советским народом, от всего сердца благодарит родную коммунистическую партию и лично товарища Сталина. Но, — сказал он, — одно только событие омрачает его светлую жизнь: война в Корее, которую развязали американские агрессоры. Сердце его разрывается, когда он думает о гибели тысяч и тысяч ни в чем не повинных женщин, стариков и детей. Позор американским империалистам и их южнокорейским марионеткам! — патетически восклицал он, потрясая кулаком в воздухе. — Да здравствует мир во всем мире!

Знакомый почерк, не правда ли?

У заграничных гостей имелись свои переводчики, они добросовестно доводили до сведения

высокопоставленных общественных деятелей откровения "простого рабочего человека" и те улыбались и одобрительно кивали головами. Ни один из них не усомнился в искренности выступавшего, как и многих других записных ораторов, поднимавших великолепные тосты за здоровье гостей, за успех их благородного дела, за мир и дружбу между народами. Проглотив развесистую чекистскую клюкву, "миротворцы" по возвращении домой, в свои страны, умиленно разглагольствовали о превосходстве советского образа жизни над образом жизни западным, о миролюбии советских людей и политических деятелей Советского Союза, о грандиозных достижениях трудящихся первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян и тому подобных благоглупостях обо всем, что они "видели собственными глазами и слышали собственными ушами". В качестве доказательства представлялись снимки с подобных банкетов, где крупным планом были сфотографированы не только "труженики" в обнимку с "миротворцами", но и блюда с семгой, красной и черной икрой, поросенок с хреном...

Служба дезинформации в СССР поставлена на широкую ногу. Денег на нее не жалеют, деньги берут из народной казны. Спектакли, подобные описанному выше, продолжают и ныне разыгрываться на сценах крупных городов и "показательных" колхозов страны. И простаки клюют на советскую липу. Часть из них явно подкуплена. Другую часть составляют люди безусловно честные, но до крайности простодушные, любую грубую ложь готовые принять за чистую правду. Ау, господин Ромеш Чандра! К какой группе вы себя причислите?

Крепко-накрепко зажмурив глаза, зарубежные почитатели Советского Союза видят и слышат

лишь то, что им говорят и показывают их провожатые из МГБ — КГБ. Они не ездят по стране в одиночестве, без "гидов", не бывают в запущенных селах, покинутых жителями, на городских окраинах, где в канавах валяются пьяные работяги, в коммунальных квартирах, где в одной-единственной комнатушке ютятся пять или восемь полумертвых душ. Невдомек им, почему "гиды" не разрешают отклоняться от заранее разработанных маршрутов. Да, иногда они встречаются, "случайно", разумеется, и в совершенно "естественной обстановке", с некоторыми советскими гражданами, тогда "в непринужденной беседе" им вновь и вновь преподносят подслащенную чекистскую ложь. Да, они знают о диссидентах, о религиозных деятелях, брошенных в тюрьму, о советских лагерях... Но, может быть, неправы все эти борцы за демократические права, за права человека в стране, где так вольготно живется простым труженикам, где и образование, и лечение, и отдых бесплатны, где рядовые рабочие и крестьяне так пылко защищают свою родную власть.

Очковтирательство — движущая сила прогресса в тоталитарной державе, и если заграничные вояжеры или господа западные марксисты восхищающиеся достижениями Советского Союза, вовремя этого не поймут, им в конце концов придется на своей шкуре испытать все прелести социалистического рая. Вот тогда-то и послушаем, что они запоют!

На описанном моим другом Петровым приеме столы ломились от яств и напитков. Так полагается "по протоколу". Гости пили и ели в меру своего аппетита и своих сил, что же касается "передовиков производства", то они вино лишь пригубляли, а от икры воротили рожи: мол, все это у нас в изобилии, а потому до смерти надоело. Но вот банкет закончился, гости покинули зал. Вот тут-то и началось

раздолье! "Передовики" и "новаторы", составлявшие большинство приглашенных со стороны хозяев, снова заняли места за столами и, ако волки, набросились на закуски и спиртное. Пока все до крошки и до капли не было выпито и съедено, из-за стола никто не поднялся. Теперь можно было расслабиться, распоясаться, и "трудящиеся", прекрасно друг с другом знакомые, делились впечатлениями об устроенном маскараде, наперебой рассказывали друг другу о том, как ловко втирали очки сторонникам мира, как те слушали их с разинутыми ртами. Ах, если б только Ромеш Чандра мог послушать один-единственный такой разговор!

Загул продолжался до глубокой ночи, под конец многие из "братьев-разбойников" уже и на ногах не держались. Что удивительного в том, что у бедняги Петрова разболелась голова с похмелья!

Но "гала-прием" имел и другое продолжение. Через несколько дней меня, как обычно в вечернее время, пригласили в областное управление МГБ, посадили около магнитофона и поручили перевести несколько магнитных пленок. То были тайно сделанные записи бесед гостей с хозяевами, гостей с гостями, хозяев с хозяевами. Я должен был перевести разговоры на немецком языке между членами делегации и некоторыми высокопоставленными работниками Читы.

Работа оказалась нелегкой, потому что в зале стоял невообразимый шум, а говорили собеседники быстро, так как не подозревали, что установлена подслушивающая аппаратура и что их речи будут записаны для последующего перевода на русский язык. Мне пришлось перекрутить пленку несколько раз, пока я сделал порученное дело. Таким образом, я еще раз убедился в том, насколько вездесущим, всезнающим стремится быть МГБ. Поистине в этом учреждении не верили никому на свете: ни сторонникам мира из западных

коммунистических или прокоммунистических организаций, ни даже собственным партийным работникам, коллегам-чекистам.

Не знаю, куда пошел мой перевод. Скорее всего на "оперативную разработку" в недра МГБ, где взвешивались каждое слово, каждая шутка, где все-все-все шло затем в личные досье участников встречи.

К слову, много позднее, уже на Украине, мне довелось встретиться с одним старым коллегой-чекистом. В сильном подпитии он открыл мне тайну из тайн: оказывается, в столице каждой республики, каждой области работники МГБ — КГБ имеют детально разработанные планы молниеносного ареста всех без исключения членов центральных комитетов, областных комитетов партии в случае, если те станут вдруг замышлять какие-то националистические или иные козни против кремлевского руководства.

Я упоминал, что в нашей среде запрещалось говорить о работе. Запрет, как правило, соблюдался, но не без исключений из правила. Вспомним хотя бы случай с Петровым. Вот еще один пример.

Моим заместителем был некий Филипп Чалый. Как-то он обратился ко мне с просьбой одолжить ему маленький чемоданчик и тут же принялся мне рассказывать, для чего он ему нужен. Оказалось, начальство поручило ему встретиться с неизвестными людьми, к встрече его готовили оперативные работники МГБ. А неизвестными были не более и не менее как активные украинские националисты, которых предстояло "разговорить" в одной из читинских гостиниц. Сам Чалый был украинцем, хорошо говорил на родном языке, стало быть, по мнению руководства МГБ, мог завоевать доверие собеседников. Для встречи была отведена специальная комната (кстати, такие помещения

предусмотрены во всех крупных гостиницах), где разговор записывался на магнитофонную пленку. Чалый якобы находился в Чите проездом, в чемодане у него, кроме пары белья и прочей мелочи, были две бутылки водки и закуска.

Встреча происходила в субботу и воскресенье. Разумеется, я никакого любопытства не проявлял, а когда Чалый возвратил мне чемодан, я не стал ни о чем его расспрашивать. Он же сказал мне, что крепенько выпил и, думает, с заданием справился, ведь ему разрешалось говорить и антисоветские речи, что должно было вселить доверие к нему в душах собеседников. Еще он бросил вскользь, что создавал вместе с собеседниками подпольную украинскую организацию. Чем кончилось это дело, мне неизвестно, но представить себе — нетрудно.

В областное управление МГБ меня вызывали довольно часто. Правда, исключительно по вечерам, чтобы никто не заметил этих посещений. У меня был специальный пропуск с указанием имени, фамилии, отчества и номера. О том, что я тайный сотрудник МГБ, — в пропуске ни слова. Негласные сотрудники не имели никаких документов, подтверждавших их принадлежность к органам, и, как правило, им строго воспрещался вход в читинское управление МГБ. В виде исключения у меня имелся пропуск, но какое учреждение его выдало, в нем не значилось. Если бы я его потерял и он очутился бы в руках постороннего человека, тот оказался бы в затруднительном положении, так как не знал бы, где искать владельца потерянного документа (см. фоторепродукцию пропуска).

Входя в вестибюль управления, каждый сотрудник органов, независимо от чина и ранга, обязан был предъявить вахтеру свое удостоверение личности. Я предъявлял пропуск. Вахтер внимательно смотрел на фотографию, затем сверял с нею мое лицо, после чего возвращал и вежливо говорил: "Пожалуйста!" Кстати, таков был норматив поведения всех без исключения вахтеров МГБ, для них имелась специальная инструкция, которую они неукоснительно соблюдали. Например, вахтер Серов, ранее работавший на этой же должности в военной цензуре, бывший моим соседом и прекрасно знавший меня, все равно требовал, чтоб я показал ему документ. Если кто-либо забыл прихватить с собой пропуск или удостоверение, его ни в коем случае не пропускали на работу. Эта система проверки удостоверений личности, пропусков делает невозможным проникновение посторонних лиц в здание. За точностью выполнения инструкции сурово следил сам товарищ Сталин, присутствовавший в вестибюле в виде огромного бюста, установленного на солидном постаменте, к которому вела красная ковровая дорожка.

Я всегда старался побыстрее миновать вестибюль, потому что именно там не исключалась встреча с "нежелательными" людьми. Широкая лестница, также устланная ковровой дорожкой, вела наверх, в коридоры с многочисленными рабочими кабинетами по бокам. В одной из тех комнатушек я нередко занимался переводом картотек бывших советских военнопленных, составленных в немецких концлагерях. В картотеках содержались решительно все данные о тех людях, даже отпечатки их пальцев. По-видимому, несчастные были переправлены из Германии в Читинскую область, где отбывали свой срок, положенный им как изменникам родины, сдавшимся врагу. Такова была установка самого товарища Сталина, не щадившего, как известно, ни явных врагов, ни даже явных друзей.

Однажды, — дело было, конечно, поздно вече-

ром, — я встретил в управлении японского военнопленного, шедшего по коридору в сопровождении оперативного работника. В Чите содержались в лагерях десятки тысяч пленных японцев. Вид у них был ужасающий: они ходили в жалком тряпье, вечно голодные, вконец опустившиеся. Тот, которого я встретил в управлении, хоть и шагал под конвоем, как и положено пленному, был, однако, одет великолепно. Привезли его на легковой машине и после продолжительной беседы в одном из кабинетов второго отдела на той же машине увезли. Позже я узнал, что этот пленный согласился стать советским агентом. Он был не единственным, кто проходил в читинском отделении соответствующую подготовку, после чего с соответствующим снаряжением и инструкциями засылался на родину, в Страну восходящего солнца.

В управлении день и ночь кипела работа. Не один раз мне доводилось видеть в коридорах арестованных, шедших под охраной на допрос или с допроса. Как правило, выглядели они ужасающе: небритые, грязные, убитые горем... Нетрудно было заметить, что эти люди полностью осознавали свою беспомощность перед прожорливым Молохом, перемалывавшим их жизни. Их обреченность подчеркивалась целым рядом драконовских приемов унижения, цель которых была лишить их человеческого достоинства. В пути следования они обязаны были держать руки за спиной, им запрещалось оглядываться по сторонам, а если, случалось, навстречу вели другого подследственного, одного из двух останавливали и заставляли стоять лицом к стене, пока другого не проведут мимо. Только изощренный ум тюремщиков по призванию мог придумывать такое, а уж объяснить, мне кажется, смысл всех подобных мер не в состоянии никто.

По отношению к тем, кто находился под следствием, органы были беспощадны. Я не был свидетелем страшных методов следствия, но бывало, когда проходил по коридору, слышал крики, ругань, оскорбления. Хорошо помню, это физическое воздействие на допрашиваемых не производило никакого впечатления на сотрудников МГБ. Ведь сюда попадали только "враги народа". Не воры какие-нибудь, не спекулянты, не убийцы даже, считающиеся в СССР жалкими уголовниками, а "матерые преступники", осмелившиеся поднять голос против советской власти, то есть обложить матом партию, скажем, или парочку антисоветских анекдотов рассказать, или колхозы облаять как систему, губящую сельское хозяйство страны. Пощады таким "закоренелым врагам" не могло быть. Их чаще всего уничтожали физически. Их гноили в концлагерях. Морили голодом. Случалось, такой безвинно виноватый по великой своей наивности обращался к следователю или оперативному работнику со словом "товарищ". У чекистов в подобных ситуациях имелся заранее выработанный убийственный ответ: "Тамбовский (брянский) волк тебе товарищ!"

Ныне всем известно, что за теми людьми никакой вины не водилось. Признано это официально и советскими властями. А ведь большинство следователей и тогда знали, что тем несчастным предъявляются ложные обвинения, что все они мифические враги народа. Знали, но, тем не менее, допрашивали их как самых злостных правонарушителей, совершивших тягчайшие преступления, и не успокаивались до тех пор, пока "преступники" не сознавались в "содеянном". От следователей этого требовали начальники. Невыполнение требований неизбежно вело к аресту и преданию суду.

Во время следствия эти люди содержались во внутренней тюрьме МГБ, которая находилась во дворе. Выход в этот двор имелся только в самом

здании управления. Арестованного достаточно было провести через двор, чтобы он попал на допрос к следователю. Все удобства к услугам чекистов!

Как и во всех других городах страны, читинская внутренняя тюрьма МГБ была огорожена каменным высоким забором, скрывавшим от посторонних глаз то, что творилось внутри. Собственно, непосвященные даже догадаться не могли, что такая страшная тюрьма существует в центре города. Арестованных держали в ней до окончания следствия. Свидания с ними не разрешались, передачи не принимались, письма отсюда не отправлялись, а сюда не поступали. Бывало, родственники арестованных наводили справки о их местонахождении. Ответ чекистов неизменно гласил: "Здесь такого-то нет". Только после приговора (если он не был смертным) людей перебрасывали в различные тюрьмы и лагеря знаменитого ГУЛага.

Вернемся, однако, к основной теме моего повествования — к моей работе в отделении "ПК", потому что следователем я, слава Богу, никогда не был, а числился в резерве оперативных работников читинского МГБ, и в управление меня вызывали лишь от случая к случаю, когда испытывали нужду в моих переводческих услугах.

x x x

Что я испытывал, вступая в призрачную кафкианскую жизнь тайного сотрудника "ПК"?

Был я в то время еще очень молодым человеком, жизни как следует не знал, опыта не имел и, как не раз уже подчеркивал, слепо верил в ленинские догмы, почерпнутые из газет, журналов, книг, докладов, из лекций в вечернем университете марксизма-ленинизма... Ну а кроме всего прочего, я был тогда буквально ослеплен характером своей деятельности и даже гордился тем, что принадлежу

к избранным, к элите советского общества. Поэтому не сомневался в верности избранного пути.

Кто из нас в детстве, в молодости не увлекался приключенческими, детективными романами!? Кого не манили к себе таинственные истории, кто не воображал себя героем, открывающим новые земли, разоблачающим преступников, борющимся со злом? Романтика — вот еще одна причина, почему я, несмотря на все явные неудобства жизни в подполье, сознательно шел на нее.

То, о чем я буду писать дальше, едва ли представляет беллетристический интерес. Но любителям документалистики мои мемуары наверняка понравятся, ибо факты, которые я собираюсь описать, сами по себе разоблачают правду о советском тоталитаризме, самом жестоком, безжалостном режиме на свете, прикрывающемся фразеологией о демократизме, гуманизме, светлом будущем человечества и прочими пустопорожними словами и понятиями.

Итак, советский "черный кабинет". Тайная цензура почтовой корреспонденции.

Выше уже говорилось о том, что помещение отделения "ПК", то есть тайной цензуры, находилось в здании почтамта на станции Чита-II. Как узнал я позднее от сотрудников, ранее работавших в других крупных городах, тайная проверка писем всегда осуществлялась в помещениях почтамта, причем чаще всего на вокзалах или недалеко от вокзалов. Объяснялось это соображениями удобства, к тому же отвечало законам конспирации. Всем известно, что почтовая корреспонденция прибывает в специальных вагонах (как правило, охраняемых) на станции назначения. Обычно все поезда с почтовыми вагонами останавливаются на первом пути. Так более удобно выносить и заносить запломбированные мешки с письмами, которые в большинстве случаев во-

зятся на тележках, на виду у толпы, снующей туда и сюда по перрону. Все нормально: прибыла почта, ее разгружают, в почтовый вагон передают отправления во все концы страны. Никому даже в голову не могла прийти мысль, что в скором времени облеченные специальным доверием люди начнут ковыряться в прибывшей корреспонденции, без ведома и согласия отправителей или получателей читать их письма, то есть, грубо выражаясь, лезть в чужую душу.

Но прежде всего письма поступают на почтамт. Там на конвертах и на открытках гасят марки, занимаются сортировкой корреспонденции... Так вот, между двумя процессами — гашением марок и сортировкой — все письма уходили на тайную проверку. Так было не только с поступающей корреспонденцией, но и с отправляемой, собранной в почтовых ящиках Читы, а также сел Читинской области.

Примечательно, что работники почтамта никакого отношения к этому грязному делу не имеют. Более того, подавляющее большинство из них даже не подозревает о манипуляциях тайных цензоров, производимых в такой близости от их рабочих мест, что, казалось бы, не знать об этом невозможно. А они не знали, я авторитетно утверждаю это. Просто-напросто понятия не имели о том, что творится рядышком, у них под носом. Более того, они были уверены — и заверяли в том всех своих знакомых, — что никакая проверка писем вообще невозможна, ибо прямо от них корреспонденция отправляется по адресам, а кроме того, никто посторонний к ним в отделы не заходил, да и места для посторонних не было. В этом мог убедиться любой желающий. Такая уверенность почтовых работников свидетельствует об их близорукости, с одной стороны, и о хитроумии чекистов, — с другой: если уж почтовики, работающие в десятке метров от тайных цензоров, не могли ни о чем догадаться, то что говорить о простых людях, не имевших никакого отношения к почтовому ведомству!

На станции Чита, например, почтовые работники имели свой главный вход со стороны привокзального перрона. Через этот вход каждое утро работники почтамта совершенно открыто, группами и в одиночку, шли в свое учреждение. Вход в помещение "ПК" находился в другой стороне. На перрон мы вообще попасть не могли. Благодаря этому создавалось впечатление, что люди, входящие в здание почтамта с другой стороны, вообще никакого отношения к нему не имеют. А чтобы создать иллюзию, что входят они вообще не в служебное помещение, а в какой-то жилой дом, туда никогда больше двух человек разом в одно и то же время не имели права входить. Кроме того, для лучшей маскировки у входа в "ПК" была специально оборудована пристройка из досок площадью 2x2 метра, нечто вроде тамбура, где на стенах висели никому не нужные старые вещи: сломанная лестница, дырявое ведро, ободранный веник... Пристройка имела дверь, которая никогда не закрывалась. Собственно, и замка-то в той двери не было. Внутри было темно, что создавало впечатление заброшенности этого странного помещения. Разумеется, у входа в это учреждение не было никакой вывески.

Каждый из нас, сотрудников "ПК", знал, что в досках тамбура проделаны специальные отверстия, через которые в дневное время можно окинуть взглядом окрестности, прежде чем выйти на свет Божий. Ведь, не дай Бог, наткнешься ненароком на знакомого! Прежде чем выйти на улицу из тамбура, каждый из нас смотрел в эти щели, убеждался, что поблизости нет знакомых, и лишь после этого окончательно покидал конспиративное по-

мещение "ПК". Но основное назначение пристройки заключалось в другом: на одной из ее внутренних стен выделялся столб, к которому были прикреплены доски, а на том столбе, со стороны, примыкающей к стене, находился почти совершенно незаметный, искусно оборудованный сигнальный звонок. Он был так замаскирован, что пользоваться им мог только тот, кому уже было известно место его нахождения. Но для полной конспирации и этого оказалось недостаточно. Существовал у нас и свой код. Чтобы открылась перед тобой заветная дверь, следовало дать два очень коротких звонка. Лишь после этого вахтер распахивал перед тобою сей сезам, и ты входил в помещение тайной цензуры. А во входной двери тоже не было внутреннего замка, и открыть ее мог только вахтер, изнутри. Вахтеры, понятно, сменяясь, дежурили там круглосуточно, они выполняли и роль охранников, ибо, как вы сами понимаете, в "ПК" имелось, что скрывать от посторонних глаз.

Чтобы дать читателю представление о том, насколько эффективной была такая конспирация, скажу лишь, что за все время моей работы в "ПК" не было ни одного случая проникновения туда постороннего человека. Даже попытки проникновения... Просто-напросто никому в голову не приходило, что за обшарпанным тамбуром может что-то такое скрываться.

Вход в наше неприметное учреждение находился с непроезжей части улицы. Никогда там не было автомашин, выход на перрон строго запрещался, а потому и народ сюда не валил. Все было предусмотрено, все до мелочей обдумано и так сделано, что придраться к чему-либо не представлялось возможным. По всем правилам строжайшей конспирации. Взять хотя бы окна нашего "ПК". Снабженные двойными рамами, они были

наглухо забиты, никогда не открывались. Вентиляция в те времена считалась непозволительной роскошью, поэтому помещение никогда не проветривалось, и в летнее время в нем стоял густой спертый воздух. Лишь крохотные форточки можно было открывать, но их явно не хватало для проветривания, к тому же отворять их разрешалось лишь тогда, когда в комнате находились сотрудники. По ночам — ни в коем случае. При открытых форточках запрещалось громко разговаривать — чтобы снаружи не услышали голосов и не догадались о нашем существовании.

Изнутри окна были затянуты плотными шторами, так что снаружи никто к нам заглянуть не мог. В цензорском зале во время рабочего дня горели яркие лампочки. Были случаи, когда пьяные стучали в наши окна, даже во входную дверь, но так как им никто не отвечал, никто не отзывался на стук, словно никого "дома" нет, они, постучав, постояв немного, удалялись не солоно хлебавши.

Сейчас расскажу, как же с почтамта письма передавались в наше отделение "ПК". Происходило это чрезвычайно просто, так просто, что никто на это даже внимания не обращал.

Как я уже отмечал, мешки с корреспонденцией из почтовых вагонов, а также письма, собранные в городе, доставлялись в почтамт для гашения марок и дальнейшей отправки адресатам. У входа в помещение, куда поступала вся корреспонденция, висело объявление: "Посторонним вход воспрещен". Непосвященные не совсем понимали, чем вызван такой строгий запрет: подумаешь, какие-то письма, которые там штемпелюют и сортируют! А чтобы оправдать запрет, была сочинена легенда, будто ранее поступало великое множество жалоб на потерю писем, будто так и не удалось определить,

кто виновен в халатном отношении к делу, кого следует наказать, а поэтому, мол, приняты соответствующие меры, и одна из них — запрет посторонним входить в рабочее помещение. Будто бы именно со времени запрета доставка наладилась, так как почтовики могут работать внимательнее, не опасаясь вторжения нежелательных людей.

Именно оттуда, из зала, где осуществлялись самые невинные почтовые операции, и поступали письма в "ПК". После гашения почтовых марок все письма бросали в специальные деревянные ящики размером 80x40. Эти ящики открыто стояли на столах, за которыми трудились почтовики, преимущественно женщины. Под одним из столов в стене была прорублена брешь размером 90x90 сантиметров. Люк сделали с таким расчетом, чтобы можно было протащить в него два ящика, поставленные один на другой. В обычное время люк был закрыт наглухо — с обеих сторон двумя раздвижными фанерными дверцами. В определенные часы, однако, дверцы раздвигались и очередные два ящика с письмами уплывали через них в помещение, которое не имело ничего общего ни с почтой, ни с почтовыми работниками.

Процесс передачи писем на перлюстрацию проходил совершенно секретно. Я уже упоминал, что почтовики понятия не имели о том, что происходит за стеной их зала. Это их не касалось, а проявлять повышенный интерес в данном вопросе было опасно. Только несколько работников, занятых на сортировке писем, были в курсе дела. Они-то и передавали ящики в люк, хотя сами едва ли имели представление — для чего именно. Не иначе как они прошли инструктаж, ибо излишнего любопытства не проявляли и никогда не болтали о том, чем занимаются. Вели они себя так, как положено: молча заполняли ящики, молча ставили их в замаскированный люк. На этом их миссия кончалась. Мне известно, что они давали подписку о неразглашении, а молчание их просто-напросто покупалось: время от времени им выдавались какие-то денежные премии. Чем не сексоты, то есть секретные сотрудники?

Стена с люком была единственной, отделяющей почтамт от помещения тайной цензуры. Других точек соприкосновения с почтой у нас не имелось. Мне также известно, что эту стену строили специально выделенные органами рабочие, причем она состояла из двух стен, пустое пространство между которыми было заполнено древесными опилками, это гарантировало ее абсолютную звуконепроницаемость.

К слову, существовало у нас еще одно неписанное правило: ходить на привокзальную площадь только в случае крайней необходимости, а с почтовыми работниками вообще не якшаться. Это правило мы строго соблюдали. Связь с почтамтом поддерживалась только в случае крайней необходимости, да и то лишь начальником отделения "ПК" Федором Игнатьевичем Новицким. С уверенностью можно даже сказать следующее: подбор кадров "ПК" велся с таким расчетом, чтобы среди его сотрудников не было ни одного, имеющего знакомства на почтамте.

У нас в тайной цензуре имелись специальные сотрудники, которые принимали от почтовиков ящики с письмами. Они составляли отдельную группу, известную под названием "Списки". Почему? Дело тут нехитрое. В комнате, куда прежде всего попадали ящики с письмами и где работала группа "Списки", хранились совершенно секретные списки людей, находившихся под наблюдением оперативных работников областного управления МГБ. Все без исключения письма, посланные в адрес этих подозрительных людей,

равно как и от них исходящие, следовало немедленно задерживать и в отдельном конверте отдавать старшему группы. Изолированная комната всегда бывала заперта изнутри, вход в нее строго воспрещался всем, в том числе оперативным работникам "ПК". Могли входить туда только лишь начальник отделения и сами работники группы "Списки". Объяснялась такая строгость тем, что фамилии людей, попавших в списки, не имели права знать даже работники "ПК", не входящие в группу "Списки".

Основная задача этой группы заключалась в отборе писем согласно секретным спискам, присланным из областного управления МГБ, а также отборе писем для перлюстрации. Ни одно письмо не могло миновать сотрудников группы "Списки", а так как письма на почтамт доставлялись круглосуточно, то и сотрудники этой группы вынуждены были трудиться в три смены.

Списки людей, взятых под наблюдение оперативниками МГБ, утверждались начальником областного управления. Каждые три месяца поступали новые списки, обновлялись фамилии, но были, разумеется, и такие, которые по истечении трех месяцев перекочевывали в новые списки. Бывало также, что после утверждения этих списков в них добавляли несколько новых фамилий. Хранились там также отдельные списки людей, разыскиваемых органами МГБ. На них был объявлен всесоюзный розыск и, понятно, любая информация о них, которую только удалось бы раздобыть, представляла для органов большую ценность. В распоряжении работников этой группы имелись все образцы почерков любителей строчить анонимные послания, доносы, а также составителей листовок.

Как правило, в группе "Списки" были заняты молодые или бездетные сотрудники, и это объясняется просто: быть может, некоторые из них "в политическом отношении" не отличались "подкованностью" (прошу прощения за язык, но именно такие выражения в ходу среди высокопоставленных деятелей страны Советов), но зато обладали феноменальной памятью, а именно данное качество превыше всего ценилось в них. Для того, чтобы успешно справляться со своими обязанностями, они должны были знать имена, фамилии, адреса сотен людей, находившихся под наблюдением органов, знать характеры почерков, даже запоминать отдельные буквы анонимок, листовок, лозунгов, плакатов, чтобы легче было выявить их авторов.

В дни, когда из областного управления МГБ поступали новые списки, сотрудники этой группы приходили на работу на несколько часов раньше, с тем, чтобы начать изучение новых списков. Иногда им приходилось вызубривать наизусть до шестисот — восьмисот фамилий. В обязанность этой группы входил также отбор всех писем для международного отделения, а также писем для тайной перлюстрации. Притом отбирать надо было не вслепую, а собачьим нюхом вылавливать письма, представлявшие, как у нас выражались, "оперативный интерес".

В первую очередь отбирались анонимные письма, письма без обратного адреса, с адресами, напечатанными на машинке, письма, отправленные на "до востребования", заказные письма с искаженным почерком или, наоборот, написанные чересчур четко либо печатными буквами, или заклеенные самодельным клеем. Если вместо фамилии отправителя стояла закорючка, это уже считалось подозрительным, и письмо без долгих раздумий направлялось на проверку. Предполагалось, что в перечисленных видах писем авторы хотят что-то скрыть от бдительного цензорского глаза.

Кроме "подозрительных" писем, необходимо было также отбирать для проверки письма великого множества жителей города и его окрестностей. Работники МГБ отлично знали, что в Чите, вокруг нее проживают десятки, сотни тысяч "антисоветских элементов" — заключенные, бывшие и нынешние ссыльные, поселенцы, а эти люди, разумеется, не могут питать симпатий к Советской власти, отчего их и следует постоянно держать под наблюдением.

По вышеизложенным причинам в "ПК" был составлен особый график, сводившийся к следующему: в установленное время производилась полная проверка писем, исходящих из одного района, с одного предприятия, колхоза или, скажем, от работников науки, искусства. По истечении определенного времени, благодаря такой методе, удавалось выявить, какие именно слои населения в большей степени поражены вирусом недовольства. На основе собранных таким образом материалов составлялись специальные сообщения для управления МГБ. В отдельных случаях, если это касалось неполадок в работе колхозов или учреждений, спецсообщения составлялись также для первого секретаря обкома партии. Однако даже сей высокопоставленный, облеченный высочайшим доверием чинуша не знал, каким путем добыта поставляемая ему ценная информация. Затем такой же проверке подвергался другой район города, другое крупное предприятие, учреждение, колхоз. Так постепенно охватывалось проверкой все население города и области — поголовно.

Само собой разумеется, что при этом всегда производилась соответствующая фильтрация, после которой некоторые из авторов писем начинали "разрабатываться" органами.

Были, однако, письма, которые не отбирались

для перлюстрации. Например, предложения, жалобы, рапорты, даже осуждения, направленные в адрес ЦК КПСС, правительства, Верховного Совета СССР, в редакции центральных газет. Чекисты в данном случае руководствовались совершенно здравым соображением, что адресаты облечены высоким доверием и сами во всем разберутся: положат полученное письмо под сукно, то есть в "долгий ящик", каким-то образом используют его в своей работе, направят вышестоящему начальству или, если сочтут нужным, передадут... в МГБ. Мне, например, хорошо известно, что в отделы писем редакций газет и журналов периодически наведываются работники органов. Там их уже ждут заранее подобранные листки, написанные доверчивыми трудящимися, письма которых так ждут в любой редакции. Некоторые из этих писем, прежде всего анонимные, очень интересуют чекистов, которые и прихватывают их с собой. Обычно эти письма или их фотокопии попадали потом к нам в "ПК", в группу "Списки", для идентификации их авторов.

Все отобранные группой "Списки" письма передавались старшему группы. Те из них, которые были написаны лицами, чьи фамилии фигурировали в наших "проскрипционных" списках, вкладывались в специальные конверты и переправлялись в областное управление МГБ. Их дальнейшая судьба решалась там, в управлении, где оперативные работники тщательно их изучали и, в зависимости от обстановки, определяли, как с ними быть. Большинство этих писем возвращалось к нам, они вновь попадали в группу "Списки", откуда вместе с другими возвращались на почтамт. В скором времени адресат получал свое письмо, не подозревая, что на пути к нему оно прошло через множество нескромных рук и читалось множеством опытных глаз. Но часть писем никог-

да не возвращалась. Оставалось только догадываться об участи, постигшей их авторов или адресатов, а может быть, тех и других, вместе взятых.

Остальные отобранные письма, представлявшие "оперативный интерес", направлялись на "вскрытие" (хирургическая терминология, не правда ли? Так ведь и операции с письмами производились часто хирургические!). Особое внимание уделялось так называемым анонимкам, "порочившим" советский общественный и государственный строй, советскую действительность. Главное в работе с ними было запомнить характер почерка автора, по почерку его и разыскивали и чаще всего находили. В читинском "ПК" имелся сотрудник, который занимался исключительно выявлением авторов анонимных писем, плакатов или листовок. Тот факт, что на это богоугодное дело был выделен специальный человек, свидетельствует о немалочисленности подобных антисоветских документов. Фамилия сотрудника — лейтенант Легостаев. Он прошел специальные курсы в Хабаровске, обладал хорошей памятью и ревностно исполнял порученное дело. Лейтенант Легостаев знал наизусть особенности почерков, даже отдельных букв анонимок. Получая отобранные письма, он внимательно изучал, проверял их характерные особенности, каждое письмо сверяя с хранившимися у него копиями анонимок. Какие же то были характерные особенности? Мелочи, но по ним нередко разоблачали анонимщиков. Например: написана ли дата и в каком месте письма (в начале, в конце, с правой стороны или с левой); назван ли город, каким почерком (женским, ученическим, старческим); имеются ли специфические буквы... И так далее.

Заслугой Легостаева можно считать множество выявленных авторов анонимок. Однако я не дам

голову на отрез, поручившись за то, что все "разоблаченные" им граждане действительно являлись авторами анонимок. Ведь не был он высококвалифицированным экспертом, но ему, бедняге, хотелось иметь хорошие показатели в работе, этого требовало от него начальство, кроме того, он, как и другие, мечтал о продвижении по служебной линии, о наградах...

Как бы то ни было, у меня есть все основания утверждать, что письменная цензура в СССР — это единственная в мире организация, где вскрытие и читка чужих писем доведены до уровня подлинного искусства, до совершенства. Я не говорю о нравственной стороне дела, — у МГБ — КГБ имеются свои специфические представления о нравственности, существенно отличающиеся от общепринятых. Речь идет всего лишь об искусстве, о совершенстве, тонкости работы. В "ПК" требовалось не просто вскрывать письма, что любому дураку доступно. "Работать" следовало ювелирно, чтобы никто никогда не догадался о проделанной нами операции. На письме не должно было оставаться ни малейшего следа вскрытия, чтоб даже самый опытный глаз не смог ни к чему придраться. Так вот, мне хорошо известно, что в советской тайной цензуре вскрытие писем находится на высочайшем техническом уровне.

Начну с того, что этой работой в продолжение ряда лет занимались одни и те же люди, набившие себе руку и, без преувеличений, ставшие высококвалифицированными специалистами в своем деле. Не стану вдаваться в тончайшие детали этой дьявольской технологии. Замечу лишь, что для вскрытия писем применялась специальная посуда из нержавеющей стали, заказанная, кстати, не на обычном предприятии, а в собственных мастерских МГБ — ими тоже не было обделено всемогущее ведомство сыска и политического ре-

прессирования КПСС. Мастерские находились в Москве, оттуда мы и получали всю свою передовую "технику". Упомянутая посуда представляла собой герметически закрывающиеся чаны, имеющие сверху отверстие для их заполнения водой. Кроме того, в них имелись и специальные клапаны для прохождения пара. Письма, подлежащие перлюстрации, клались не на металл, а на специальную марлевую подкладку. Когда вода нагревалась до кипения и пар сквозь отверстия устремлялся вверх, конверты клались на марлю. Пар делал свое дело, после его воздействия на клей письмо открывалось без труда. Кстати, вскрытие производилось не пальцами, а предназначенной для этого тонкого процесса костяной палочкой. Палочку вводили в клапан конверта и... (см. схему 1).

Обычно на конвертах, купленных в магазинах или киосках, слой клея был тонок и, как правило, не доходил даже до конца клапана. С таким "материалом" мы справлялись без лишних хлопот. Но бывало иногда, наши сотрудники сталкивались с самодельными конвертами, заклеенными "домашним" клеем. С ними приходилось повозиться, ибо такой клей не поддавался воздействию пара. Что ж, наши "ученые" цензоры не оставались безоружными и в таких ситуациях. Известно ведь, практика сильнее грамматики. Необходимо было попытаться вскрыть любой клапан — боковой или нижний, какой поддастся. Были у нас разработаны и методы вскрытия наглухо заклеенных конвертов. Их передавали оперуполномоченному Третьяковой, у которой имелась не одна "волшебная" костяная палочка, как у каждого из нас, рядовых цензоров, а целый набор всевозможных "отмычек". Если же не помогали и они и после вскрытия на конверте оставались подозрительные следы, то письмо просто-напросто конфисковывалось и уничтожалось. Действовал незыблемый принцип: пусть лучше письмо пропадет, чем минует контроля цензуры или, того хуже, попадет в руки адресата со следами вмешательства "ПК".

В некоторых случаях вскрытие писем при помощи пара имеет свои недостатки. Так, например, при чересчур сильном паре на внутренней стороне конверта остаются оттиски письма, их нетрудно обнаружить. Это прежде всего относится к письмам, написанным чернилами или химическим карандашом. Подобные оттиски являются неопровержимым доказательством того, что письмо прошло через чьи-то посторонние руки.

Читателю, наверное, описанная мною технология вскрытия писем покажется скучноватой материей. Но я не могу обойти "прозу" нашей жизни, поскольку без нее останется недоказанным тот важнейший факт, что МГБ — КГБ относится к своей тайной письменной цензуре и ко всему, что с ней связано, с величайшей серьезностью, заботясь о ее профессионализме. Я не удивлюсь, если кто-то из моих более высокопоставленных коллег, имевших доступ к информации, которая до меня не доходила, когда-нибудь поведает миру, что у органов был даже научно-исследовательский институт, занимавшийся усовершенствованием старых и изысканием новых методов перлюстрации корреспонденции. Если этот факт нуждается в доказательстве, то другой ясен, как Божий день: без тончайшей, совершенно секретной письменной цензуры советская тайная полиция, то бишь МГБ — КГБ не мыслит своего существования.

x x x

В нашем отделении "ПК" трудилось всего 78 человек. То были постоянные кадры, редко поки-

давшие насиженные места. Сокращения штатов не бывали. Штат мог только увеличиваться, так как работы не убавлялись, а, наоборот, с каждым годом становилось все больше. Между сотрудниками существовало строгое разделение труда, весь состав подразделялся на группы. Вот они по названиям и количественному составу:

Оперативный состав . . . . . шесть человек
Группа "Списки" . . . . . десять человек
Группа "Вскрытие" . . . . . четыре человека
Фото- и химобработка . . . . . три человека
Цензорская группа . . . . . пятьдесят пять человек

Кроме того, как я уже упоминал, имелся у нас также специально подобранный человек, занимавшийся исключительно анонимными письмами и листовками. Была, понятно, и охрана, тоже постоянная.

Это был основной костяк "ПК" и, как мы убедимся ниже, от нас нередко зависела не только судьба писем, но также и судьба их авторов.

Общий график работы был составлен с таким расчетом, чтобы свести к минимуму простои персонала учреждения. График предусматривал распорядок дня. Строго устанавливалось время прихода и ухода с работы каждой группы и каждого сотрудника в отдельности. Притом все было сделано так, чтобы в одно и то же время более двух человек в помещение "ПК" войти не могло. Первыми в "закуток-предбанник", то есть в описанный мною ранее тамбур, входили сотрудники группы "Списки". Они готовили для всего "ПК" фронт работы и являлись обычно в шесть утра. В половине седьмого начинала свою работу группа "Вскрытие", занимавшаяся вскрытием и последующей заклейкой корреспонденции. Затем, с шести тридцати до шести сорока пяти являлось начальство, с интервалами в две-три минуты приходили в это же время оперуполномоченные, старшие групп,

переводчики. И, наконец, с семь до восьми один за другим, с теми же интервалами, являлись цензоры. Таким образом, к восьми утра цензорский аппарат Читы на полную мощность разворачивал свою деятельность.

Как осуществлялась на деле тайная проверка корреспонденции? Как выглядела технология перлюстрации?

Приступая к работе, цензор уже находил на своем столе определенное количество вскрытых писем. Согласно правилам служебного распорядка, кроме этих "документов" он не имел права класть на стол никаких посторонних предметов. В столе имелось несколько перегородок, и все "задержанные" письма складывались в них. Отдельно накапливались "документы" для "оперативного использования", отдельно — для химической проверки, отдельно — "до выяснения" и т. д. Особое значение придавалось чистоте рабочего места. Приступая к занятиям, цензор обязан был прежде всего дочиста протереть стол и вымыть руки — это делалось для того, чтобы на письмах ни в коем случае не оставались следы, в том числе видимые отпечатки пальцев проверяющего.

При извлечении вложения из конверта необходимо было обратить внимание на то, чтобы после проверки оно было положено обратно в конверт в прежнем виде, то есть такой-то стороной кверху, сложенное по всем прежним загибам. Внимание, наблюдательность считались неотъемлемыми качествами цензора, без них он и шагу ступить не мог. Так, нам вменялось в обязанность обращать внимание на оттиск штампа гашения марок, на следы клея на клапанах, на оттиск штампа гашения марок, на следы клея на клапанах, на оттиски на вложении после написания адреса отправителем, на чернильные

оттиски после парового вскрытия и т. п. Все указанные "мелочи" служили нам ориентирами, которыми мы руководствовались, вкладывая вложение обратно в конверт.

Вложение из конверта следовало вынимать осторожно, обязательно над самым столом, обращая при этом внимание на то, чтобы ничего из письма не выпало и не потерялось, особенно небольшие фотографии.

Перлюстрация одного письма продолжалась от двух до четырех минут. В это время никто не имел права подойти к цензору, отвлекать его от работы, которой он занимался. Вообще во время перлюстрации в цензорском зале царила мертвая тишина. Цензоры были поглощены "обрабатываемыми документами", то есть изучением, взвешиванием, оценкой мыслей авторов писем. По характеру почерка опытный цензор мигом определял, к какой категории людей зачислить отправителя и какое письмо у него в руках, — от школьника ли, от старца, от мужчины или женщины. Разумеется, нетрудно было усмотреть также — написано ли оно грамотным человеком или неучем. Уже на основании этих поверхностных наблюдений он был в состоянии сообразить, заслуживает ли данное письмо более серьезного внимания или достаточно его только мельком пробежать. Редкий случай, чтобы что-то существенное ускользнуло от бдительного ока тайного цензора!

Вообще в СССР большинство граждан, имеющих богатый опыт общения с властями предержащими, отлично знают, о чем можно писать в письмах и о чем следует умолчать. Тем более удивительно, что сплошь и рядом умные, умудренные жизнью люди давали вольную волю своим чувствам и мыслям и в своих письмах проявляли недовольство различными явлениями и аспектами советской жизни. Объяснить это явление можно, наверное,

довольно просто: уж больно много накапливалось недоуменных вопросов, недовольства, разочарования, гнева, вызванных чудовищными неурядицами жизни, непрекращающимися преступлениями правящей партии. Невмоготу было держать рот на замке, и несчастные советские граждане с риском для жизни делились с друзьями, родственниками, знакомыми всем, что накопилось на душе. Хорошо помню: во множестве писем речь шла о мероприятиях партии и правительства, о проводимых ими беспрерывных кампаниях, таких, как подписка на заем, борьба за досрочное выполнение пятилетнего плана, за подъем производительности труда, повышение урожайности, за героизацию советской драматургии и др. Надо сказать, что рабочие, служащие, колхозники, творческая интеллигенция, за редчайшим исключением, враждебно относились к этим нескончаемым авралам, которые сами по себе являлись красноречивым свидетельством неблагополучия в советской экономике и культуре. Но люди ко всему привыкают. Вот и к кампаниям лжи и террора привыкли и покорно выполняли или делали вид, что выполняют "предначертания" партии и ее "гениального вождя". Противоречивое, сложное отношение народа к своим правителям отражалось в письмах трудящихся. Во многих из них выражалась признательность КПСС и "лично товарищу Сталину" за счастливую жизнь. Остается лишь гадать, насколько искренними были подобные патриотические послания. Думается, скорее всего они служили некоей ширмой истинных дум и устремлений их авторов, проще говоря, писались для отвода глаз начальства. Чаще попадались письма, в которых сообщалось о низком уровне жизни, об огромных очередях в продуктовых магазинах и отсутствии в них необходимых товаров; о фактах безхозяйственности, различных неувязках на заводах,

очковтирательстве, дутых рекордах и снижении норм выработки; о частых простоях, хищениях государственной собственности и беспробудном пьянстве на производстве и в сельскохозяйственных кооперативах; о вопиющем неравенстве между рабочими и колхозниками, с одной стороны, и их начальством, с другой.

Не являлись редкостью письма с откровенным выражением вражды, ненависти к советскому строю, к коммунистической партии. Звучали даже угрозы в адрес "супостатов"...

Я, убежденный коммунист, верой и правдой служивший "партии и народу", впервые столкнулся с такой лавиной недовольства, с таким неприкрытым гневом народным в адрес правителей страны, всего социалистического уклада жизни вообще. Я был потрясен, но все еще цеплялся за старые формулы, когда-то кем-то придуманные для оправдания жесточайших репрессий против недовольных: "враги народа", "троцкисты", "пережитки капитализма", "кулаки", "подкулачники"... Боже мой, сколько же лютых врагов у КПСС, у советского правительства, лично у товарища Сталина! Десятилетиями их истребляют, а они с каждым годом множатся, и несть им числа... До правильного вывода: "Весь народ против партии", однако, мне еще было далеко. Не созрел!

Отделения "ПК" были призваны бдительно следить за тем, чтобы все высказывания граждан в письмах соответствовали установкам партийной пропаганды. Только письма, отвечавшие этому основному требованию партии, беспрепятственно пропускались по адресам назначения. А вот послания, содержавшие крамольные мысли, простонапросто задерживались. Не доходили до адресатов — и баста. Что, мало таких случайных промахов допускают почтовые работники? И если письмо

не дошло до адресата — всегда можно свалить на почту.

Следует отметить, что в своей деятельности отделение "ПК" руководствовалось совершенно секретной инструкцией МГБ СССР, беспрепятственно пропускались только письма семейного, бытового, дружеского, интимного содержания, а также разные сведения из партийной печати, радио — без всяких анализов или выводов, неугодных властям. Инструкция обязывала всех цензоров Советского Союза конфисковывать, кроме вышеупомянутой крамолы, еще такие сообщения, как об авариях и катастрофах, эпидемиях, пожарах и стихийных бедствиях, депортациях, массовой смертности, низком жизненном уровне советских людей или восхваления западного образа жизни, религиозную пропаганду и т. д. и т. п. Эта инструкция постоянно пополнялась новыми запретами.

Иногда, мысленно сравнивая цензуру "ПК" с цензурой "Лит", я прихожу к неопровержимому выводу, что в "Лит" тоже действовала эта совершенно секретная инструкция МГБ. Ведь действия их цензоров идентичны с нашими. Недаром в советской печати так редко попадаются сообщения о воздушных катастрофах, наводнениях, землетрясениях, эпидемиях, падеже скота, что же касается данных о росте преступности, смертности и тому подобных, то их и вовсе не найти, и это не случайно. Ведь, согласно коммунистической пропаганде, это свидетельство загнивания буржуазного общества.

Особое отчаяние звучало в письмах колхозников, людей, доведенных до последней степени нищеты советской властью, задавшейся целью вытравить из них ту мелкобуржуазную сущность, которую усмотрел в них вождь мирового пролетариата В. И. Ленин. У них бесцеремонно отнимали последний кусок хлеба, их эксплуатировали так, как не эксплуатировал ни один кровопийца-помещик.

Поэтому и письма этих людей, как зеркало, отражали их настроение — озлобленность, ненависть, страх, растерянность. По своему содержанию жалобы колхозников походили одна на другую. Колхозники писали не только о своих личных бедствиях и страданиях, но и в целом о нищете и убожестве колхозной деревни. Открыто признавались, что задарма не желают вкалывать, что их силком выгоняют на работу, что колхозный труд не обеспечивает их даже коркой хлеба, что на трудодень получают от ста до двухсот граммов зерна, а чтоб обеспечить семью хотя бы картофелем и капустой, вынуждены вручную обрабатывать свой приусадебный участок. Жалобы на председателей были явлением даже не обычным, а закономерным, что не удивительно, ибо председателей колхозникам навязывали "сверху", из отставленных партийных деятелей районного масштаба, мало что смысливших в сельском хозяйстве, зато успешно разбазаривавших и без того убогую колхозную собственность. Колхозникам нечего было терять, тем и объясняется их предельная откровенность. Надо учесть, что в те лихие годы так называемые исправительно-трудовые лагеря, то есть концлагеря печально знаменитого ГУЛага, огромному большинству колхозников представлялись спасительным оазисом, где хоть положенную пайку хлеба работяге выдавали ежедневно. Не в пример колхозу!

В "ПК", естественно, подобные письма квалифицировались как "антисоветские" или "антиколхозные", что, в сущности, было одно и то же. На них составлялись "спецсообщения" в управление МГБ.

Говорят, у лжи короткие ноги. Пардон, я не совсем согласен. Советская ложь — особая ложь. Ноги у нее ой-ой какие длинные! Она перешагнула через границы СССР и широко зашагала по странам и континентам, вербуя чудовищному

диктаторскому советскому режиму все новых и новых адептов. Я неправ, господа коммунисты западных стран, государств третьего мира? Я лгу, господа социалисты разных мастей, господа "зеленые", борцы "за мир", "за охрану окружающей среды"? Тогда объясните мне, пожалуйста, почему вы, наивные, неискушенные, доверчивые люди, так слепо верите миролюбивым заявлениям советского правительства? Почему пропагандируете советский образ жизни?

Вспомните знаменитый сталинский лозунг: "Жить стало лучше, жить стало веселее"? Он был произнесен в 1935 году, после жестокого голода, охватившего всю страну в результате насильственной коллективизации. А голод 1946—1947 годов? А война в Корее? А интервенция в Венгрии, затем в Польше, Чехословакии? А афганская авантюра Брежнева? Доколе же? — позволительно спросить вас, ярых защитников Советского Союза и его террористического режима, бескомпромиссных борцов с американским империализмом. Неужто вам надо вкусить прелестей "развитого социализма", чтобы убедиться в человечности, уюте, демократизме империалистического Запада?

Состояние сельского хозяйства в СССР всегда было плачевное, но лживая советская пропаганда только и говорила о грандиозных успехах передового колхозного строя. Организовались Всесоюзные выставки, демонстрировались такие достижения, которые колхозам даже и не снились. Эта цветущая жизнь колхозников показана была в кинокартине "Кубанские казаки".

x x x

После появления на экранах кинотеатров СССР этого насквозь лживого фильма поток негодующих писем просто-таки захлестнул "бедных" цензоров.

В них писалось о "потемкинских деревнях" советской власти, задавался, в различных вариациях, один и тот же вопрос: "Где вы найдете во всей стране такой колхоз? Если бы у нас было хоть несколько десятков таких хозяйств, страна не знала бы перебоев в снабжении сельскохозяйственной продукцией, не было бы очередей в магазинах". Некоторые жители городов недоумевали: "Если колхозникам так здорово живется, зачем они приезжают в город, простаивают в очередях, чтобы купить буханку хлеба?"

Люди, отправлявшие подобные письма из Читы и области, наверное, полагали, что, проживая в Забайкалье, в местах, отведенных для ссыльнопоселенцев, они уже ничем не рискуют, что терять им, "кроме своих цепей", нечего. Фатальное заблуждение! Им предстояло убедиться в том, что есть нечто и похуже в арсенале советской пенитенциарной системы, нежели ссылка в отдаленные места. А о том, чтобы они в этом убедились, заботилась тайная цензура МГБ. Правда, та самая правда, которой некогда меня просил следовать секретарь Дрогобычского горкома партии товарищ Козлов, — там, как и в любом другом уголке необъятной страны подавлялась в зародыше, выжигалась каленым железом, расстреливалась из пулеметов. Знаете ли вы об этом, господа западные коммунисты, социалисты, "зеленые" и прочие?

Да, несмотря на суровые климатические условия, Забайкалье еще не было "седьмым кругом ада" гениального Данте. Думается, дальнейшее мое повествование убедит в этом даже отчаянных скептиков.

Так как колхозники не желали трудиться в колхозах, во время уборочных или посевных кампаний им в помощь направлялись тысячи горожан — учащихся и учителей, служащих и рабочих. Существенную помощь земледельцам они, разумеется, оказать не могли. Зато своими глазами видели "расцвет колхозного строя" и возвращались домой с резко антисоветскими настроениями, которые и выплескивали в своих письмах. Что ж, у нас в "ПК" их письма рассматривались как "клеветнические измышления на советский строй", авторов "разрабатывали оперативно", после чего чекисты их хватали, сажали в тюрьмы или лагеря "на перевоспитание". Многие оттуда уже не возвращались.

x x x

Среди общего потока писем попадались и такие, которые я бы назвал поучительными. Гражданам свободного Запада трудно понять, почему советские люди постоянно заполняют разнообразные анкеты, строчат автобиографии, просят характеристики. Эти документы обязательно надо заполнять, предъявлять при поступлении на работу, на учебу, при получении паспорта, в случае выезда в туристическую поездку за границу, даже в "братскую" социалистическую страну... Граждане СССР привыкли к подобной практике и, не задумываясь, заполняют и заполняют требуемые бумаги. Нередко случается так, что со временем они уже начинают считать нецелесообразным все о себе сообщать, кое что забывают, кое что пытаются утаить. Делается это, понятно, без всякого злого умысла, "просто так". "Бдительное око" поддерживает постоянную, неослабевающую связь с отделами кадров всех без исключения предприятий, учреждений, вузов, колхозов, совхозов страны. Не будет ошибкой утверждение, что работники отделов кадров, все до единого, являются одновременно и сотрудниками МГБ — КГБ, причем вовсе не секретными, а самыми что ни на есть "штатными", поэтому они охотно, по долгу

службы или же по "призванию", поставляют органам всю необходимую им информацию. А органы внимательно следят за правильностью ответов в анкетах, сравнивают разные анкеты одного и того же лица, заполненные в разное время, выискивают несоответствия, после чего "виновнику" приходится объяснять, почему он дает лживые сведения о себе.

Однажды попалось мне любопытное письмо, касающееся анкетных данных. Автор советовал своему другу всегда иметь у себя дома несколько экземпляров автобиографии, разумеется, идентичных. Только так, писал он, можно избежать всяких расхождений в этих документах, а, стало быть, и неприятностей с властями.

Случались в нашей работе и сюрпризы. В списках "ПК" числился гражданин Иванов (фамилию позабыл, поэтому называю его условно). Он был под постоянным наблюдением оперативных работников или тайных агентов Пятого отдела. За ним ходили по пятам. Как-то оперативников заинтересовал неожиданный приезд к Иванову неизвестного лица, повидимому издалека. Подозрения усилились, когда выяснилось, что гость проживал в доме без всякой прописки (что строго запрещалось советскими законами). Вечером, под предлогом проверки документов, явилась милиция, которая и задержала Иванова за проживание без прописки. В ходе следствия оказалось, что Иванов совершил крупную растрату и сбежал с прежнего места жительства. Кстати, у него изъяли целый чемодан денег. Конечно, это случайность, ведь уголовными преступлениями МГБ не занималось. Но случайность показательная: бдительность МГБ — выше всяких человеческих возможностей.

Бывало и такое: жители СССР, будучи напуганы произволом и догадываясь инстинктивно о наличии письменной цензуры, стремились всяческими ухищрениями ее обойти, обвести вокруг пальца. С этой целью они пускались в эксперименты. Некоторые, например, считали, что достаточно бросить письмо в почтовый ящик другого города, другой области, лучше всего в Москве — лично, если случится там быть, или через кого-то из знакомых, отправляющихся в столицу. Откуда им, беднягам, было знать, что органами госбезопасности и такие случаи предусмотрены?! Тщательно, строже, чем обычно, "обрабатывались" именно такие "документы". Их вылавливала группа "Списки" соответствующего города и, если в них содержалось хоть что-нибудь, представлявшее интерес для чекистов, возвращала по месту жительства автора, но возвращала уже с соответствующей сопроводиловкой (препроводиловкой), в которой указывалось, что "документ" направляется для "оперативного использования". Возвращалось такое письмо по вполне понятной причине, ибо подразумевалось, что в городе, где проживает и трудится его автор, он может и должен стать объектом пристального "наблюдения" и соответствующей "разработки".

Были и такие, которые писали анонимные письма или письма с вымышленными адресами отправителей, полагая, что таким путем все следы будут заметены для цензоров, а получатель по почерку, по содержанию письма догадается, от кого оно. Напрасный труд! Таким хитрецам не было известно, что группа "Списки" изучала характер и особенности каждого почерка письма от человека, числившегося у них в списках. И если это было письмо от такого зарегистрированного человека, то вероятность его доставки адресату сводилась к нулю. Из нижеприведенного примера читатель сможет убедиться, что эта система проверки писем продолжает действовать и ныне.

Владимир Гусаров в своей книге "Мой папа убил Михоэлса" (отец Гусарова был в то время первым

секретарем ЦК компартии Белоруссии) на странице 327 пишет о своих неудачных попытках обмануть "ПК" (не знаю, как оно сейчас называется): "...Но до тех пор, пока им в руки не попала "Докладная записка", меня не трогали. Чекист Скобелев лепетал какую-то чушь, дескать, сам не знает, откуда она у них взялась, но я-то знал, я послал ее письмом Эрнсту Махновецкому (обратный адрес я давно уже "лепил от фонаря", и корреспонденцию свою, как правило, старался отправлять не из Москвы, но все эти маленькие хитрости не спасли). Махновецкий послания не получил, оно получилось на столе у Скобелева".

Впрочем, о том, как цензура вылавливала крамолу, мы еще поговорим. Здесь же хочется отметить, что партии, а, стало быть, и органам не нужны были мыслящие личности, способные, по Демокриту и Марксу, "все подвергать сомнению". Сомнение, как известно, приводит к анализу, а поверхностный даже анализ советского образа жизни неизбежно приводил к неверию в его жизнеспособность и, в потенции, мог привести к открытому выступлению против партии. Вот почему партия всеми силами стремилась воспитывать народ в духе бараньей покорности, телячьего повиновения. Любая мысль, противоречившая "учению" вождей, привлекала к себе внимание органов.

x x x

О том, что людям, независимо от чина и ранга, свойственен такой невинный порок, как любопытство, хорошо известно всем. Так вот, любопытством грешили и работники "ПК". Уж кому-кому, но им для удовлетворения этой страстишки были созданы все условия.

Уже упоминалось, что группа "Списки" просматривала все письма. Однако в обязанности ее работников вовсе не входила их читка. Напротив, им даже строго запрещалось этим заниматься. Читка считалась прерогативой других лиц, а именно цензоров. Но как было им, обыкновенным смертным, удержаться от соблазна? Особенно если на конверте стояла фамилия друга или врага? Как было не задержать, не вскрыть затем, от всех незаметно, и не пробежать глазами любопытное посланьице, из которого можно было почерпнуть столько интересных сведений? Им тоже хотелось узнать сокровенные мысли, намерения своих подруг, соседей, знакомых, ведь иного пути для этого не было! А узнав, разве не чувствуешь свое превосходство над "простыми смертными", свое чуть ли не божественное всесилие?

Я не берусь утверждать, что почерпнутые из писем сведения не использовались ими во зло авторам. Скорее даже наоборот: несомненно использовались. Правда, при этом приходилось соблюдать величайшую осторожность, чтобы "жертвы" не догадались об источнике осведомленности новоявленных "всезнаек", ибо это грозило крупнейшими неприятностями. Вы скажете, что такие поступки аморальны? Позвольте, чем они аморальнее работы тайных цензоров, всего огромного аппарата МГБ — КГБ, призванного заниматься исключительно выявлением образа мыслей советских граждан и суровым наказанием инакомыслящих? То, что дозволено в государственном масштабе, несомненно, становится и прерогативой отдельной подловатой личности, поэтому бороться, искоренять надо прежде всего не маленький порок данной личности, а огромное, вселенское преступление института, наделившего хилую личность правом свершать беззаконие.

Сейчас скажу несколько слов о самом себе. У меня тоже были друзья, родственники, с кото-

рыми я переписывался, причем довольно активно. Всю корреспонденцию я получал на "до востребования". Это объяснялось тем, что мы с женой много работали, квартира наша была заперта, отчего письма некому было получать. Надо учесть, что в те времена далеко не все дома были снабжены почтовыми ящиками, как сегодня. Там же, где ящики имелись, "работало" хулиганье: вытаскивали письма или поджигали их.

Так вот, мы не являлись исключением из общего правила. И наши письма подлежали проверке, и нам не шибко доверяла советская власть и ее органы. Я помню случаи, когда во время работы или до ее начала кто-нибудь из группы "Списки" (иногда даже собственная жена сотрудника цензуры, работавшая в группе), так сказать, по дружбе приносил цензору его личное послание. И со мной такое бывало, ведь и моя супруга одно время трудилась в той группе. Конечно, официально этого ни в коем случае делать не разрешалось, но где ж это жизнь умещается в официально ей отведенные рамки! Что ж, приходилось играть с органами в прятки. Я вскрывал свое собственное письмо, делал вид, что внимательно знакомлюсь с его содержанием, после чего опять возвращал в группу "Списки" для отправки по адресу. Если бы я этого не делал, в почтовом отделе "До востребования" заметили бы, что в мой адрес уже не поступают почтовые отправления, чем были бы нарушены святые правила конспирации, во-первых, и железные законы органов, во-вторых.

Через день-два, когда я получал на почте уже знакомое мне письмо, я прежде всего изображал радость. Затем, на виду у девушки, сидевшей в окошке, смотрел, от кого оно, после чего отходил в сторону и делал вид, что читаю его. Я обязан был поступать так, как в аналогичных случаях поступают все нормальные люди.

Наш рабочий день был строго регламентирован. В течение пятидесяти минут мы усиленно занимались перлюстрацией. В это время все мысли, чувства, действия, описанные в письмах, подвергались цензорскому анализу. Затем следовал десятиминутный перерыв, во время которого можно было покурить, перекусить, немного размяться, послушать политинформацию, почитать газету. Однако из конспиративных соображений строжайше запрещалось выходить на улицу. После перерыва вновь воцарялась в нашем зале глубокая тишина, столь необходимая при выполнении такой тонкой, такой нужной и важной работы, как перлюстрация чужих писем. И так — в течение всего восьмичасового рабочего дня.

А что, мы тоже были совслужащими, и на нас распространялись передовые, гуманнейшие советские законы об охране труда!

УКРАИНСКАЯ ГРУППА

Она была создана в нашем отделении в 1948 году. Необходимость ее создания диктовалась следующими соображениями: к концу сорок восьмого (помнится, дело было в сентябре, после моего возвращения из отпуска) в Читинскую область начали прибывать крупные партии ссыльнопоселенцев из Западной Украины. В один из первых же дней после того, как я приступил к работе, меня пригласил к себе тогдашний начальник отдела "В" подполковник Макаров. Одновременно был вызван и начальник отделения "ПК", знакомый уже читателю Новицкий. В присутствии моего непосредственного шефа подполковник сообщил мне о моем новом назначении. Он сказал буквально следующее:

— В связи с прибытием в нашу область большого количества спецпереселенцев из западных об-

ластей Украины возникла необходимость создания новой специальной группы, на которую будет возложена политическая проверка их писем...

Учитывая мой опыт работы и, как он выразился, "мою политическую зрелость" (не очень лестный комплиментик, не правда ли?), а также тот отрадный факт, что я знаю не только украинский язык, но и особенности его западного диалекта, — так вот, учитывая все это, руководство отдела "В", по согласованию с начальником "ПК", решило поручить мне чрезвычайно важную и ответственную работу — возложить на меня обязанности руководителя вновь создаваемой "украинской группы". При этом подполковник Макаров не забыл упомянуть, что он лично доволен моей увлеченностью, моей преданностью порученному делу. В знак признания моих заслуг, а также признательности за рвение мне уже назначена денежная премия, а также присвоено офицерское звание. Под конец беседы Макаров выразил надежду и уверенность, что я с честью справлюсь на новом участке деятельности.

Вскоре я узнал, что в Забайкалье, без всякого следствия и суда, были насильно переселены десятки, а может, и сотни тысяч жителей западных областей Украины. Очередная массовая депортация в цепи множества других, осуществленных за годы "благословенной" советской власти!

Как выяснилось, к нам в основном попали жители Тернопольской области — крестьяне и горожане. Их подвергли так называемой административной высылке. Это означало, что никакой конкретной вины за ними не числилось, но советская власть им не доверяла, а одного этого в те годы было предостаточно, чтобы неугодные, независимо от их национальности, вероисповедания, классовой принадлежности и т. д., а также от численности (хоть десять миллионов!), были

подняты с насиженных мест и под конвоем транспортированы за десять тысяч километров от родных мест. Мы, работники органов, знали еще кое-что: массовая высылка преследовала еще одну немаловажную цель — напугать строптивых крестьян и горожан, не понимавших своего собственного счастья, заставить их прекратить всякое сопротивление политике ускоренной коллективизации сельского хозяйства в захваченных областях, прекратить всякую поддержку так называемым бандеровцам, то есть борцам украинского национально-освободительного движения. Еще при моем назначении начальник отдела "В" подполковник Макаров подчеркнул, что "политической проверке" должны быть подвергнуты все сто процентов писем отправителей.

Заделавшись начальником, я немедленно занялся укомплектованием группы. По моей просьбе в отделение "ПК" было переведено несколько цензоров из других отделений, владевших украинским языком. Ведь речь шла о проверке не одной сотни писем в день! После подбора соответствующих кадров в украинской группе оказалось двенадцать человек. Спустя месяц определился точно и объем нашей работы. Цифра "несколько сот", оптимистически предполагаемая мною вначале, оказалась страшно заниженной. Две с половиной тысячи и более! Вот истинное количество писем, с которыми нам приходилось ежедневно "работать"!

Перед вступлением на новый пост мой непосредственный начальник Новицкий счел нужным провести со мной дополнительный инструктаж. Беседа в основном касалась вопросов хранения совершенно секретных документов. Новицкий ознакомил меня с секретной инструкцией, касавшейся данного вопроса, и предупредил о необходимости ее неукоснительного выполнения. Отныне пос-

ле окончания работы я был обязан собрать все оставшиеся непроверенными письма и закрыть их в ящике стола, а ящик опечатать своей именной печатью. Все бумаги и письма, находившиеся на моем столе, считались секретными, даже если на них и не было грифа "Секретно" или "Совершенно секретно". В столе у меня хранился ряд совершенно секретных документов, среди которых были списки и "наблюдательные дела" спецпереселенцев, за перепиской которых наша группа вела особое наблюдение. Это было вызвано тем, что оперативные работники областного управления МГБ не знали украинского языка. Во избежание лишней волокиты до поры, до времени нам и поручили вести наблюдение за перепиской тех людей, враждебно настроенных против советской власти. По истечении определенного времени "наблюдательные дела", с соответствующими препроводилками, переводами текстов и т. д., передавались в областное управление МГБ, где уже решалась дальнейшая судьба "подозрительных" субъектов.

Кроме того, в моем столе хранились чистые бланки совершенно секретных "меморандумов" (о них пойдет речь ниже), которые я также был обязан направлять в управление МГБ, а также разнообразная деловая переписка с родственными отделениями нашего министерства, "задержанные" цензорами письма, их переводы на русский язык и другие материалы, конечно же, тоже невероятно секретные.

Уж на что другое, но на отсутствие секретности нам жаловаться не приходилось!

Для меня, как и для всех других оперативных работников, была заказана специальная металлическая печать, которая на восковой лепешке вытискивала мою фамилию и инициалы. Вскользь уже было упомянуто, что в помещение "ПК" посторонние никоим образом проникнуть не могли, поэтому вся процедура с опечатыванием столов и сейфов выглядела исключительно как мера предосторожности против своих же товарищей, людей, с которыми вместе приходилось работать. Поистине в органах отцу родному не доверяли! Бдительность (читай — недоверие, подозрительность) была настоящим "пунктиком" чекистов, прекрасно информированных о ненависти народа к ним и принимавших поэтому не только все необходимые меры предосторожности, но и абсолютно абсурдные, я бы сказал даже, истеричные. Впрочем, не было ли и тут коварного расчета? Ведь сея недоверие друг к другу среди своих работников, высшие мастера интриг и козней в МГБ тем самым лишний раз страховали себя от всяких неожиданностей, по принципу: "Лучше переборщить, речь ведь идет не о фунте изюма, а о такой материи, как власть. Упустишь ее, — больше не поймаешь!" Секретность доходила до того, что даже рядом сидящий товарищ не смел знать, чем ты занимаешься.

Конечно, имея постоянно дело с письмами людей, сосланных за какую-то действительную (так я думал тогда) вину в дальние края, я не мог не призадуматься над тем, кто же они такие и чем насолили родной партии, родному государству. Мне было известно, что все они сосланы на вечное поселение на основе проскрипционных "списков" МГБ. Их считали социально опасным элементом (каких только ярлыков не было в те смутные времена! Впрочем, их предостаточно и во дни нынешние), то есть людьми, не проявлявшими должной лояльности к властям. На этом основании их лишили всех политических и гражданских прав и взяли под строжайший надзор. Им было категорически запрещено возвращаться в родные края, откуда они были высланы, им не давали разре-

шения даже на право выезда за пределы поселка, определенного для них в качестве постоянного места жительства. Разумеется, не пользовались они правом избирать, быть избранными, занимать ответственные должности. Тяжкая физическая работа — добывание в шахтах столь нужного стране угля — вот каков был их удел. И приходилось благодарить Господа, если вместо копей милостивое начальство определяло тебя на "легкую" работу — валить лес в леспромхозах.

Вспоминаются их первые письма. Все, как один, с болью, с негодованием описывали ужасную картину переселения. В те годы была принята практика выселения целыми семьями, нередко даже деревнями. Взрослых, стариков, детей погружали в "теплушки", товарные вагоны, независимо от времени года, и под усиленной охраной доставляли к месту поселения. Работа, как я уже говорил, поручалась им самая тяжелая, неблагодарная — в шахтах, рудниках, на лесоповале. Особенно ужасные условия существовали на шахтах "Кадила" и "Черновские копи".

Жизнь переселенцев на новых местах представляла собой нечто невообразимое для благополучных граждан свободного мира. Их селили в землянках, бараках, хибарах, сараях. Мороз в тех краях доходит до 50° по Цельсию, а отапливать "жилые" помещения нечем. Самое страшное заключалось в том, что почти все переселенцы абсолютно не были подготовлены к тамошним условиям, ведь им не говорили, куда их везут и что необходимо прихватить с собой. Поэтому чаще всего они и не брали теплых вещей, продовольствия. Собственно говоря, такова и была "политика" властей: держать "врагов" в неведении, пускай дохнут, как тараканы, чем меньше их останется в живых, тем меньше с ними будет хлопот! И, представьте, мечта идиотов сбывалась. От тяжкого физического труда, голода,

истощения, болезней люди мерли, как мухи. Подавленные, раздавленные обрушившимися на них несчастьями, потеряв всякую надежду на какое-либо просветление их судьбы, многие приходили в отчаяние и кончали жизнь самоубийством. По примерным подсчетам, за пять лет (1948—1953) в одной только Читинской области погибло не менее тридцати тысяч спецпереселенцев из Западной Украины. Только чего стоят подсчеты, не основанные на точной документации!? Не исключено, что число погибших было в три или пять раз выше. Это великая тайна органов, а они, будьте уверены, вовсе не заинтересованы сделать ее достоянием широкой общественности.

Конечно же, среди ссыльных имелось определенное количество настоящих, лютых врагов советской власти (может ли у такой власти не быть лютых врагов?). Но подавляющее большинство из них были обыкновенными простыми людьми, ничем перед родиной не провинившимися, и если со временем они становились-таки отчаянными врагами КПСС и социализма, то, поверьте, не без активнейшего содействия этой самой партии убийц и ее цепных псов — чекистов, делавших все возможное и невозможное, чтобы завоевать ненависть народа.

Люди бесхитростные, не наученные еще советской властью "нормам" поведения в социалистической стране, они в своих письмах и писали все, что на душе скапливалось. Не скрывали своей ненависти к палачам, своего недовольства жизнью, полагая, что все самое ужасное они уже познали, что ничего худшего с ними уже произойти не может. Интересно отметить, что во многих письмах они сравнивали свое положение с положением евреев в гитлеровских лагерях смерти и даже утверждали, что их ждет та же участь, которая постигла евреев, попавших в лапы к фашистам

(вот когда появилось сочувствие к "жидам"). Немалое количество писем свидетельствовало о том, что отчаявшиеся ссыльные искали утешение в молитвах, обращались к Богу, полагая, что только Он один в состоянии им помочь.

Все поселенцы без исключения живописали то, что творилось на местах их нового жительства. Сообщали родственникам о длинных очередях за хлебом в магазинах, о хронической нехватке молока и других продуктов питания, а также промышленных товаров первой необходимости, о непосильном труде на шахтах и на лесоповале, о холоде, голоде, высокой смертности и других лишениях и бедах. Они умоляли близких прислать им побольше продовольствия, теплую одежду и деньги, подчеркивая, что без всего этого они обречены на медленную смерть. Не было писем, не орошенных горькими слезами.

Как всегда и везде, были и среди несчастных "западников" идеалисты, которые искали справедливость в Москве. Они отправляли слезные послания различным высокопоставленным партийным и государственным советским деятелям, наивно полагая, что можно тронуть их сердца описанием бед своих и доказательствами своей невиновности. Им предстояло очень быстро убедиться в том, что их жалобами никто не занимается. Еще бы! Кто осмелится оспаривать мудрость, справедливость решения "отца народов"! Поток таких писем иссякал сам собой по мере того, как несчастные осознавали тщетность своих усилий и надежд.

Наряду с правдоискателями были среди поселенцев и отчаянные головы, прекрасно понимавшие, что спасение придет не от коммунистов. Такие смельчаки в своих письмах открыто призывали к борьбе с советской властью, с коммунистами, клялись отомстить своим мучителям.

Особенно усилился поток таких "агиток" во время войны в Корее. На эту войну поселенцы, цеплявшиеся, как утопающие за любую соломинку, возлагали большие надежды, свято веря, что она принесет им желанное избавление. Виновниками своих страданий они считали всех русских без исключения, называли их "оккупантами", "супостатами", "мучителями" и не скрывали своей ненависти к ним. Надо признать, что преступные действия советских властей, партийных чиновников, чекистов только утверждали их в своей правоте.

Итак, я был старшим группы цензоров, проверявших письма сосланных в Забайкалье западных украинцев. По сути дела, я и "мои" люди решали судьбу их писем. Думается мне, что не я один, а и мои коллеги призадумывались над тем, что за каждым письмом стоит живой человек, которого силой вырвали из родного дома и, ни в чем не повинного, сослали туда, куда Макар телят не гонял. Но что могли сделать мы, за которыми также следило "недреманное око" органов? Ничегошеньки! Даже по-человечески обменяться мнениями с коллегой на эту тему было невозможно, так как взаимное недоверие постоянно культивировалось среди нас, и всякое "лишнее" слово грозило непоправимой бедой. Получалось так: скажешь или предпримешь что-нибудь, — и им не поможешь, и себя погубишь. Вот и приходилось молчать, воды в рот набравши...

А доблестных чекистов плачевная судьба ссыльных нисколько не волновала. Органы, в том числе и наш отдел "В" вместе с его отделением "ПК", бдительно следили за тем, чтоб производилась соответствующая фильтрация писем переселенцев. А фильтрация эта имела одну цель: препятствовать, пресекать распространение сведений о тяжкой доле несчастных, попавших под жернова МГБ.

Согласно инструкции, которой я был обязан руководствоваться в работе, и которую мы обычно называли "перечень", разрешалась только такая переписка, которая подпадала под понятия "семейная", "бытовая", "интимная" или "дружеская". Без рассуждений, наблюдений, выводов, вредных для советской власти!

На наше "еврейское счастье", подавляющее большинство писем как раз и относились к той категории, которая не подходила ни под одно из перечисленных выше понятий. А это означало, что их надо "подвергнуть конфискации". Мало того, это также означало, что на их авторов следует завести "наблюдательные дела". Мы такие дела и заводили. И накапливались у нас груды папок, в которых содержались аккуратно подшитые "документы", неопровержимо свидетельствовавшие о злокозненности взятых под наблюдение лиц. В справках, которые нам приходилось строчить во множестве, высказывания "безответственных" сыльных получали стандартные определения: "антисоветские выпады", "клеветнические измышления" и т. д. Письма, естественно, подлежали безоговорочной конфискации.

Помню, однажды я попытался "трепыхнуться". Зашел к моему непосредственному начальнику Новицкому и прямо и открыто изложил ему пришедшую мне в голову "гениальную" мысль. Я сказал ему, что чересчур уж массовая конфискация писем является несомненным нарушением нашей конспирации и может привести к самым печальным для нас последствиям. Увы, я не был понят. Новицкий вежливо, но твердо отклонил мой демарш, сославшись на тот же великий принцип органов: "Лучше переборщить..."

И перебарщивали. Да еще как! Хотя очень скоро ссыльнопоселенцы поняли, что и как надо писать, чтобы их письма доходили до адресатов,

нередко все-таки нам приходилось свирепствовать вовсю. Типичным, стандартным было такое положение: из двух с половиной тысяч проверяемых за день писем больше половины мы вынуждены были "подвергать конфискации". Не только Новицкого, но и более высокое начальство не волновало такое ненормальное положение вещей. Наоборот, это считалось признаком хорошей работы, проявлением революционной бдительности. Поистине, "чем хуже, — тем лучше".

Начальство, в частности подполковник Макаров, продолжало пичкать нас фразеологией: мы, дескать, являемся органами государственной безопасности, стоим на страже завоеваний социалистической революции и поэтому должны быть твердыми с врагами Советской власти и т. д. Он лишь требовал еще большего усиления бдительности, ссылаясь на письма переселенцев, которые-де являются неопровержимым доказательством их враждебности социализму и советской власти, он доказывал на этом примере, что эти люди не заслуживают ни жалости, ни снисхождения, а уж о каком-либо доверии к ним и говорить не приходится, ибо все они, как один, изменники родины.

Кстати, все свои черные дела чекисты старались доводить до логического конца, порой до абсурда. Прекрасно зная о ненависти к ним со стороны несчастных своих жертв, они не только сами "отыгрывались" на них как хотели, а это было им под силу, ибо власть целиком и полностью находилась в их кровавых руках. Они еще обрабатывали местное население, и ему стараясь привить чувство ненависти, недоверия, подозрительности к спецпереселенцам, вдалбливая в замороченные головы обывателей все те же тезисы о их враждебности партии и советскому государству. Нельзя сказать, что это им не удавалось. Если уж мы, искушенные в делах МГБ службисты, поддавались этой раз-

нузданной пропаганде, то чего же требовать от бедных работяг или колхозников, которым ничего не оставалось, кроме как принимать на веру любое "правдивое слово" родной коммунистической партии, от имени которой и обращались к населению чекисты.

Сейчас, спустя много лет прокручивая ленту прошлого, я часто задумываюсь над своей деятельностью на посту тайного цензора. Вывод неизменно один: советские "черные кабинеты" выполняли преступную миссию, возложенную на них преступной партией.

Единственным утешением невинно сосланных и затравленных страхом людей были письма от родных и близких. Мне известно, что при получении письма "из дому" они радовались, как малые дети, плясали, читали и перечитывали захватанные листки в кругу соседей. На час-другой людям удавалось забыть о своем горе. Конечно же, с ответом они не задерживались. Но так как в ответе чаще всего содержались "недозволенные" сведения, мы, цензоры, задерживали эти послания. И связь ссыльного с родиной надолго обрывалась, ибо, не получив ответа, далекий родич ждал и ждал его, и лишь спустя долгое время вновь брался за перо. В общем, всем нам известно, как бывает в подобных случаях.

Все письма спецпереселенцев, задержанные цензорами украинской группы, шли к моему заместителю Филиппу Чалому. Его задача заключалась в том, чтобы по возможности точнее перевести на русский язык содержавшиеся в тех письмах так называемые антисоветские высказывания. Переведенный текст писался на специальном бланке с грифом "Совершенно секретно". У нас в "ПК" эти бланки назывались "меморандумами". За красивым, звучным иностранным словечком скрывалась уродливая суть названных "документов": они на самом деле являлись ничем иным, как доносами тайной цензуры на людей, чьи письма она перлюстрировала. На основании этих доносов, посылаемых в оперативные отделы читинского МГБ, людей "разрабатывали оперативно", иными словами говоря, — репрессировали. Вот тут-то переселенцы и убеждались воочию, что в чекистском аду, в который они попали, имеется еще несколько кругов — пострашнее того, в котором они до сих пор принимали муку смертную. Перед ними широко и гостеприимно распахивались ворота следующего круга — исправительно-трудовых лагерей ГУЛага. Там многие из них и находили себе могилу.

Излишне, наверное, говорить, сколько таких "меморандумов" было состряпано тайными цензорами по всей стране, сколько, благодаря им, было искалечено человеческих судеб.

Что же представлял собой наш "меморандум"?

То был обыкновенный печатный бланк с не совсем обыкновенным содержанием. Его графки недвусмысленно требовали от цензора указывать именно те данные, которые только и были нужны оперативникам, чтобы схватить и скрутить в бараний рог очередного "врага народа". Разумеется, прежде всего необходимо было указать фамилию и адрес отправителя, а также все данные о получателе письма. После изложения так называемого "антисоветского содержания" письма указывался номер цензора, задержавшего данный "документ", а также номер переводчика, переложившего его на русский язык. Фамилии двух последних сохранялись в тайне даже от оперативных работников областного управления МГБ. Вот бланк "меморандума":

Совершенно секретно

МИНИСТЕРСТВО
Государственной безопасности
СССР

Управление государственной безопасности по Читинской области

№.....

МЕМОРАНДУМ

"Дорогой брат!
...В скором времени у нас будет большая свадьба, уже началась подготовка к ней. Мы с нетерпением ждем приезда на эту свадьбу нашего любимого дяди. Он живет далеко от нас, но мы все надеемся, что он приедет на эту свадьбу. Тогда мы зарежем красного бугая и все вместе будем гулять!.."

Перевел: № 041

ПОЛУЧАТЕЛЬ:
Черный Василий Иванович
Тернопольская обл., Копычинецкий район.

ОТПРАВИТЕЛЬ:
Черный Дмитро Васильевич
Черновские копи, рудник Кадала, Читинская область

РЕШЕНИЕ

А. (пропустить по адресу)
К. (конфисковать)
1. Оформить наблюдательное дело/н/д
2. Информировать 5-й отдел УМГБ
3. Информировать 2-й отдел УМГБ
4. Использовать в спецсообщении
5. Снять фотокопию
6. Сделать хим. лабораторные анализы

Согласен
Нач. отделения:
/подпись/

Утверждаю
нач. отдела:
/подпись/

Примерный образец заполненного меморандума

Если, например, письмо было задержано одним из цензоров украинской группы, то после составления на него "меморандума" мы, вместе с начальником отделения Ф. И. Новицким, принимали по нему решение. Прежде всего нам следовало решить, какой ход дать этому "документу". В данном вопросе существовало два закодированных варианта. Вариант "А": письмо возвращалось на почтамт для отправки его по адресу. И вариант "К": письмо конфисковывалось. Относительно задержанного письма, в зависимости от его содержания, следовало принять уже более конкретное решение. Например: завести на отправителя "наблюдательное дело", сообщить о нем в пятый или во второй отдел управления МГБ. Объясняю: пятый отдел считался внутренним, а второй — международным. С некоторых писем нам рекомендовалось снимать фотокопии. Наконец, в особо важных случаях о выловленных высказываниях полагалось информировать само управление МГБ, с каковой целью туда направлялось так называемое спецсообщение. Принятое по каждому в отдельности "документу" решение начальника отделения не считалось еще окончательным. Необходима была также подпись начальника отдела, с нею спецсообщение принимало уже окончательный вид, и принятое решение вступало в силу.

Если на человека зародилось "наблюдательное дело", то все его письма, а также следующие в его адрес тщательно проверялись. По сути дела, судьба этого индивидуума была уже предрешена. Основания для обвинения и осуждения такого человека у органов всегда находились, что же касается "самого справедливого в мире советского народного суда", то можно было не сомневаться, что он, как попугай, лишь прочитает заранее вынесенный в МГБ приговор.

Выше я упоминал о кодированных названиях

"А" (отправить по адресу) и "К" (конфисковать). Хочу добавить к сказанному, что в органах вообще обожают кодированные названия. Например, военная цензура — это в/ц, отделение тайной цензуры — "ПК", наблюдательные дела — н.д., международное отделение письменной проверки — м/ж, меморандум — м/м, совершенно секретно — с/с и т. д.

Повторяю, у меня хранились все "наблюдательные дела" на спецпереселенцев, а также списки их фамилий. Когда по истечении определенного времени накапливалось достаточное количество "меморандумов", эти дела передавались в оперативные отделы МГБ для дальнейшей "оперативной разработки". Я заметил закономерность: вскоре после такой передачи — письма от лиц, фигурировавших в "меморандумах", переставали к нам поступать. О чем говорит такой факт, догадаться совсем не трудно.

Спецпереселенцы, как правило, писали по многим адресам и от своих корреспондентов получали ответы. Через мои руки прошли десятки тысяч всевозможных, разнообразнейших посланий, и сегодня мне нелегко восстановить в памяти их содержание. Однако в потоке корреспонденции попадались такие письма, которые почему-то навсегда запоминались. Может быть, потому, что именно по ним удавалось проследить судьбы их авторов. Поверьте, нелегко это было в том водовороте, в котором я находился. К тому же надо учесть, что в те годы я даже не подозревал, что когда-либо буду писать вот эти мемуары, поэтому вовсе не старался что-либо запоминать. О том, чтобы что-то записывать, и речи быть не могло, — как вы помните, любые записи категорически запрещались инструкцией. И все-таки, все-таки!

Запали в сердце почему-то письма выселенного в Читинскую область бывшего жителя Копычинецкого района Тернопольской области Дмитро Черного. Может, потому, что его судьба уже с первого письма была предрешена.

Работал Дмитро на шахте "Кадала", трудился очень тяжело, по его собственному признанию, он к таким "зарядкам" не привык. Судя по его письмам, был он человек грамотный и довольно развитый. Живо интересовался международным положением, особенно внимательно следил за ходом войны в Корее, связывал с ней кое-какие личные расчеты. Он полагал, что именно с той войны начнется третья мировая, которой и суждено принести свободу украинскому народу. В своих письмах Дмитро совершенно открыто высказывал о советской власти все, что он о ней думает. Слова ненависти к ней и к коммунизму занимали чуть ли не половину каждого его письма. Иногда он пытался зашифровать свои мысли, однако делал это столь неумело, что не стоило труда разгадать его хитрости. Некоторые фразы память мне услужливо подсказывает даже сегодня: "В скором времени у нас ожидается большая свадьба, и сейчас идет подготовка к ней. Мы с нетерпением ждем приезда на свадьбу нашего дорогого дяди. Он живет далеко от нас, но мы все надеемся, что он приедет на наше торжество, и возлагаем на этот приезд большие надежды. Тогда мы зарежем красного бугая и будем все вместе гулять!.."

Ну как, читатель, ты уже разгадал эту наивную "тайнопись"?

Хорошо помню: после первого же его письма был составлен "меморандум", сам он, бедняга Дмитро Черный, попал под особое наблюдение. По следующим его письмам также выписывались "меморандумы", затем из отделения "ПК" было отправлено спецсообщение в МГБ, после чего последовал обычный в таких случаях финал: пись-

ма от Дмитро перестали к нам поступать. Так и закончилось мое заочное знакомство с ним, знакомство, о котором он никогда понятия не имел.

А вот трагическая судьба другого переселенца из Западной Украины — некоего Михаила Флиса. Он был женат. Во время войны был угнан нацистами в Германию, а после разгрома гитлеровской Германии вместе с сотнями тысяч других "неблагонадежных", оказавшихся — добровольно ли или же по принуждению — во вражеской стране, был сослан в Читинскую область. Ничего не зная о судьбе мужа, полагая, что его давно нет в живых, его супруга, подобно многим другим, после окончания войны уехала в Польшу. И вот родственники Флиса, проживавшие в Станиславской области (ныне Ивано-Франковская), сообщили ей, что муж жив и здоров и находится в Забайкалье. Она, разумеется, тотчас же ему написала слезное письмо с заверениями в своей любви и верности, с уверениями, что и она, и дети, с нетерпением ждут его возвращения домой. Разумеется, Михаил Флис тут же откликнулся. Однако, согласно действовавшей тогда инструкции, все письма спецпереселенцев, а также репрессированных, которые направлялись за пределы Советского Союза, подвергались конфискации. По этой причине письма Флиса, несмотря на их совершенно невинный с политической точки зрения характер, подлежали немедленному изъятию. Так возникла односторонняя связь — муж от жены письма получал, жена от мужа никаких вестей не имела. Понятно, Флис не знал, что его письма конфискуются. Читая все новые и новые весточки от своей супруги, в которых содержались, среди прочего, и упреки за упорное молчание, он приходил в отчаяние и, проклиная почтовых работников, все писал и писал... В конце концов, заподозрив неладное, он решил пересылать письма жене через своих

родственников, проживавших в Станиславской области, ведь их письма она получала! И что же? Первое же такое письмо беспрепятственно дошло до адресата. Вот вам наглядный пример, как можно было обмануть, обойти международное отделение читинской цензуры. На этом и кончился его "успех". Очень быстро цензором международного отделения было установлено, что Михаил Флис в своей переписке с заграницей пользуется услугами посредников. Он был взят под наблюдение нашим "ПК", и с тех пор ни одно его послание услужливым родственникам не ускользало от внимательного ока наших работников. Листки, предназначенные только для родственников, они пропускали, а вот вложения для передачи за границу беспощадно конфисковывали. Так в его переписке с женой вновь наступил длительный перерыв.

Он испробовал еще одну "хитрость": стал писать на польском языке. Эти его письма проходили через мои руки. Конечно же, я их задерживал. А жена Флиса буквально с ума сходила, подозревая все, что угодно, вплоть до супружеской измены, но абсолютно не догадываясь об истинной причине упорного молчания Михаила. На моих глазах между супругами возник разлад. Начались взаимные упреки, обвинения, и вскоре восстановившаяся было семья навсегда распалась.

Но кого волновали подобные человеческие трагедии? Уж, конечно, не железных чекистов, видавших виды и похуже. Действовала слепая, жестокая, безжалостная политическая машина, калечившая, перемалывавшая судьбы миллионов. Что значил для нее один человек?

Я хочу привести еще одну историю из той же "оперы" — как тайная цензура калечила людей. На этот раз, как ни странно, речь пойдет о милиционере по имени Никита Васинюк, который по прихоти судьбы оказался в Чите.

В те годы министерство внутренних дел ощущало острую нехватку милицейских кадров. Зарплата милиционера была мизерной, а служба — тяжелой, сопряженной с опасностью для жизни. Вот почему добровольцев, желавших исполнять рядовую работу в милиции, найти было нелегко. Однако известно, что для советской власти неразрешимых задач нет. Выход быстро был найден. На службу в милицию стали направлять солдат, проходивших действительную службу в советской армии. Никита Васинюк служил в Забайкальском военном округе. Перст судьбы указал на него.Вместе со многими другими солдатами он получил милицейское обмундирование, прошел ускоренный курс обучения "тонкостям" новой профессии и стал советским милиционером.

Был Никита молод, наивен и, конечно, даже не подозревал, что тысячи и тысячи его земляков из Западной Украины насильно депортированы в Читинскую область. На новой работе, однако, долго оставаться в неведении он не мог. Узнал. Подумал. Кое-что сообразил. Остальное, что не мог понять, решил узнать у земляков. Таким путем попал он на шахту, где трудились украинцы, его братья. Он увидел оборванных, вечно голодных, измученных людей, теряющих облик человеческий, и был потрясен. Потрясение оказалось тем более сильным, что Васинюк отличался искренностью и честностью и, к тому же, слепо верил в прекрасные, но насквозь фальшивые коммунистические идеалы. С глубокой верой в гуманность коммунистической партии, лично товарища Сталина милиционер Васинюк начал бомбардировать пламенными письмами ЦК КПСС, различные министерства, даже "вождя народов". Он честно описывал все то, чему был свидетелем, убеждал, просил, умолял... Ни одного ответа на свои письма Васинюк не получил. Зато на него было заведено

"наблюдательное дело" в цензуре, а сам он — взят под особое наблюдение оперативными работниками управления МГБ. С тех пор все его письма задерживались, тщательно изучались, регистрировались, и брались на учет все его связи. А новоявленный Дон-Кихот не унимался. Видя, как страдают его земляки, он стал утешать их в бараках, землянках, где они жили, проводил с ними вечера, говорил, что продолжаться до бесконечности такое не может, что партия обо всем узнает и восстановит справедливость... Вскоре появилась у него и девушка из среды спецпереселенцев. После демобилизации он собирался на ней жениться.

Проходили недели, месяцы. Бедный Васинюк начинал постигать жестокую правду. Он, в частности, понял, что жениться на своей избраннице ему не удастся до тех пор, пока она не вырвется из среды ссыльных, то есть не переберется куда-нибудь в благополучные края, где над нею не будет тяготеть великий грех ее родителей. Не отдавая отчета в тщетности своих усилий, Васинюк обивал пороги различных авторитетных организаций, прося о содействии, и по-прежнему писал письма... Увы, лучше бы он обращался к каменной стене!

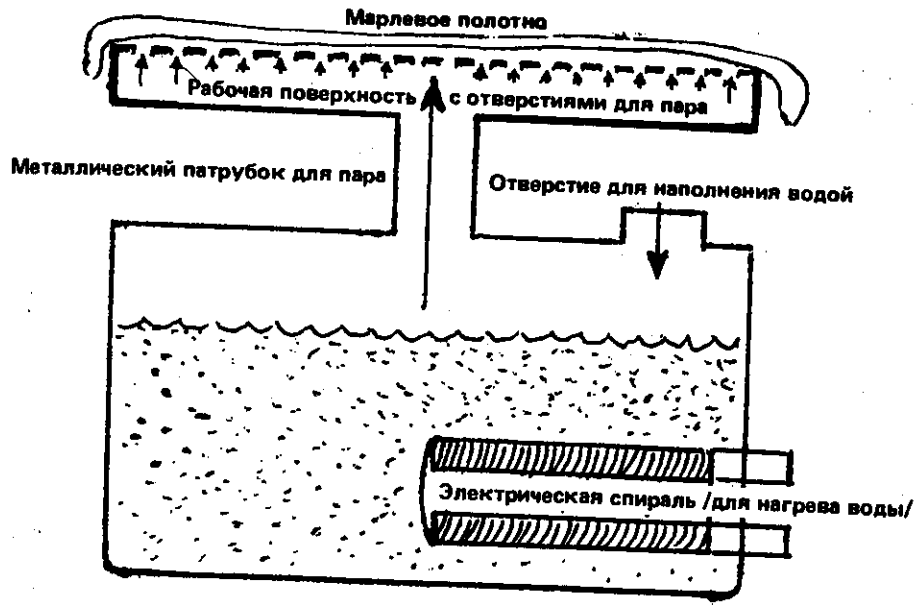
Писал он на украинском языке, другого не знал. Мне приходилось читать его письма. Я воочию видел, как от листка к листку меняется его настроение, как под воздействием доставшихся ему бед он все более озлобляется и из преданного родине комсомольца превращается в ее врага, врага партии и правительства, доведших страну "до ручки", а людей до положения скотов. Со временем, убедившись в бесполезности апелляций к не верящей слезам Москве, он все свои письма стал направлять на родину, в Западную Украину — родичам и друзьям. В этих посланиях не было уже и следа былой веры в справедливость советской власти. Совсем даже напротив, в них живописались

ужасы ссылки, жестокость руководства, невозможность добиться справедливости... Он дошел до того, что открыто начал отговаривать земляков от вступления в колхозы. "Организация колхозов, — открытым текстом писал он, — приведет к тому, что у вас не станет хлеба, как нет его в советских колхозах".

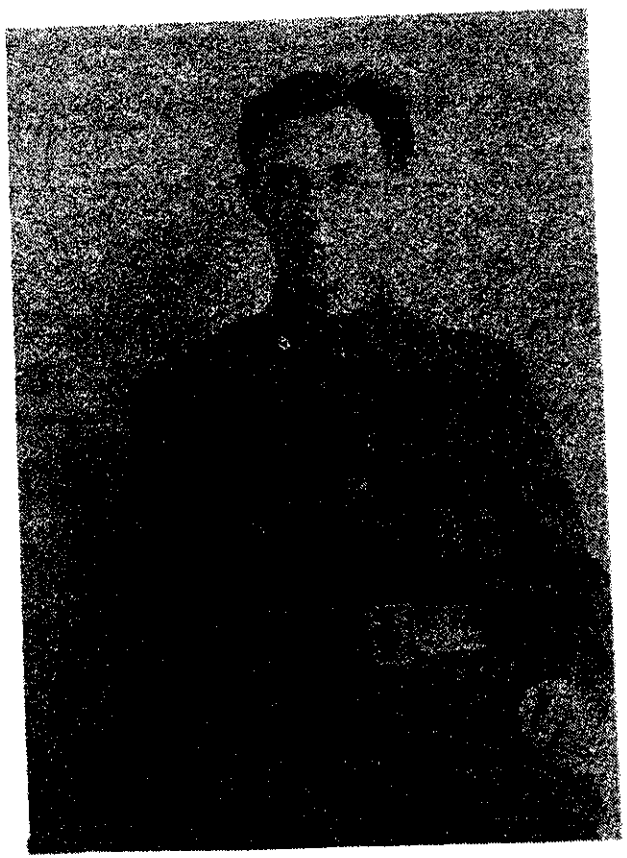
Конечно же, по стандартам "ПК" его письма квалифицировались как антисоветские, "антиколхозного содержания". По ним составлялись "меморандумы" и спецсообщения в управление МГБ. И в один прекрасный день честный советский милиционер Васинюк исчез.

Среди переселенцев поползли упорные слухи, что Васинюк был провокатором: ходил, мол, ходил, вроде бы от их имени строчил жалобы, а тут вот взял да и скрылся. Мигом всех позабыл! Если б его в другое место перевели, небось написал бы! Такие разговоры ходили между людьми, возможно, не без инициативы заинтересованного ведомства, то бишь тех же органов. Но мы-то в "ПК" отлично понимали, что произошло: обычный финал, следовавший за нашими "меморандумами" и "спецсообщениями".

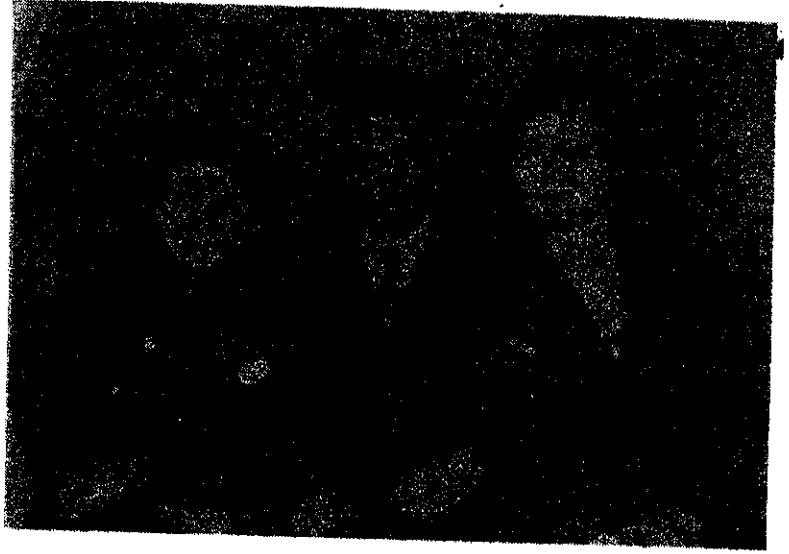
Цензору "Украинской группы" попалось однажды безобидное письмо, но он обратил внимание на слова: "Написал бы тебе красным карандашом, но такого не имею, и купить его здесь негде". Цензор подумал: не все ли равно, каким карандашом написано письмо? И пошел посоветоваться с начальством. Было решено письмо отправить по адресу, а за перепиской отправителя отныне установить наблюдение. Спустя некоторое время выяснилось, что между получателем и отправителем заранее было условлено: если письмо будет написано красным карандашом или красными чернилами, это будет знак, что в ссылке жи-



СЕКРЕТНОЕ УСТРОЙСТВО ДЛЯ ВСКРЫТИЯ "ДОКУМЕНТОВ" /ПИСЕМ/

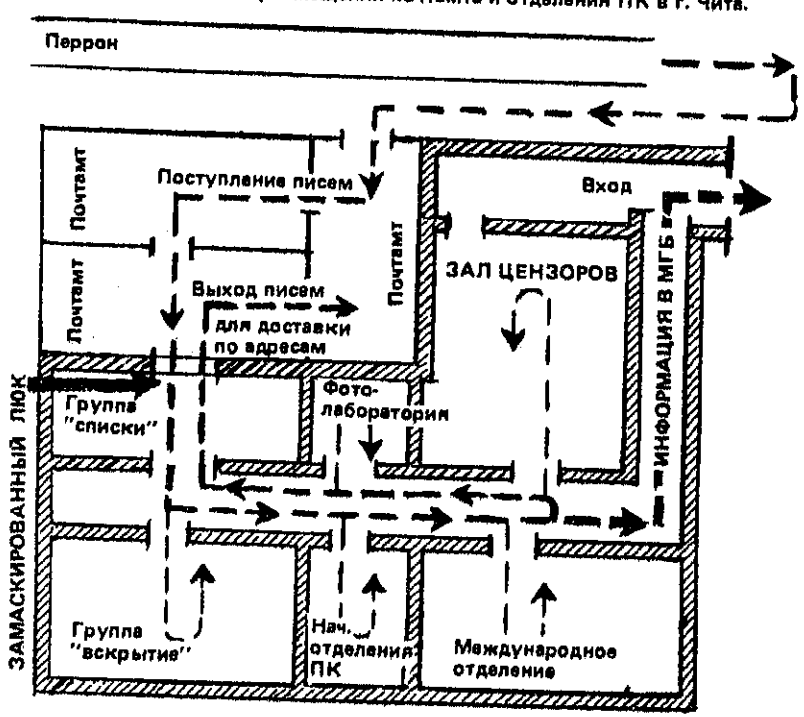


Л. Авзегер. 1953 год, после увольнения из "органов"



Старший уполномоченный отдела "В" капитан Рива Львовна Гольденберг (слева), цензор международного отделения Леопольд Ионасович Авзегер и сотрудник военной цензуры № 115 Нина Лазун.

План размещения почтамта и отделения ПК в г. Чита.



СВЕДЕНИЯ О ПООЩРЕНИЯХ И НАГРАЖДЕНИЯХ

Дата: Год	Дата: Месяц	Дата: Число	Поощрения и награждения	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
2			3	4
1946	XII	30	Благодарность за хорошую работу	пр. 266/л от 24/XII-46
1948	I	7	Именные ценными вещами за безупречную службу в органах МГБ	пр. № 01 от 7/I-48 г.
1948	XI	6	Благодарность за хорошую работу	пр. № 496/л от 6/XI-48
1950	III	21	Благодарность за хорошую работу	пр. № 57/с от 21/III-50

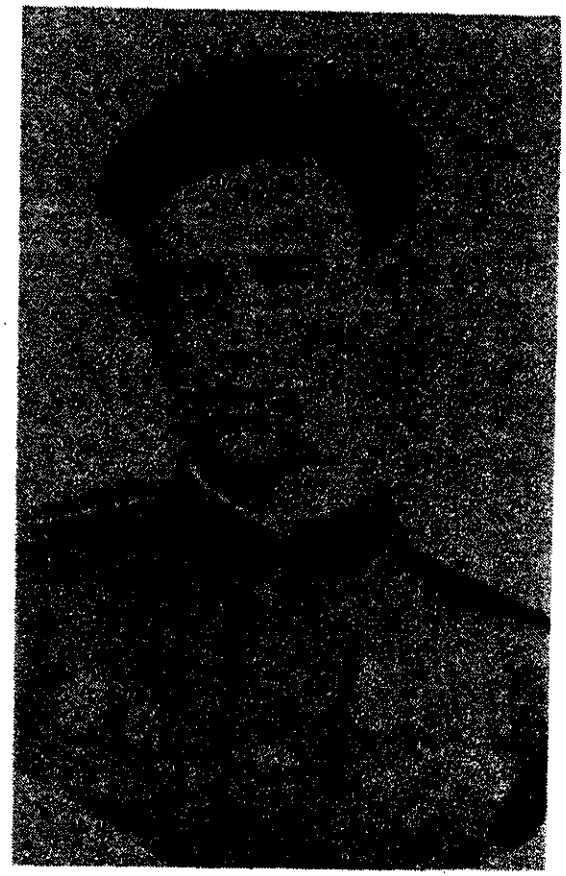
Страница из трудовой книжки Л. Авзегера с благодарностями за хорошую работу.

СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ

Дата: Год	Дата: Месяц	Дата: Число	Сведения о приеме на работе и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	2			3	4
			Общий трудовой стаж до поступления на работу в органы МГБ составляет 5 лет 10 месяцев.		на основании личного дела
			Управление МГБ по Читинской области		
1946	II	1	принят на работу в Управ. МГБ Читин. обл.		пр. № 43/л от 18/II-46 г.
1953	III	1	уволен по сокращению штатов		пр. 17/сс от 25/III-53 г.
			Начальник Управления МГБ по Читинской области		

Страница из трудовой книжки Л. Авзегера с пометкой об увольнении по приказу 17/сс (совершенно секретно).

Группа сотрудников МГБ — слушатели вечернего университета марксизма-ленинизма при Читинском горкоме партии. Сидят (слева направо): начальник следственного отделения капитан Иванов-Михайлов, зам. начальника по политчасти областного управления МГБ подполковник Сорокин, зам. начальника отдела "В" подполковник Сазонов, инспектор отдела кадров управления МГБ (фамилии не помню). Стоят (слева направо): оперуполномоченный отделения военной цензуры № 10 капитан Лавров, сотрудник 5-го отдела МГБ (фамилии не помню), сотрудник того же отдела капитан Никитин и переводчик Авзегер.



Младший лейтенант Леопольд Авзегер. 1945 год, перед началом службы в МГБ.

вется очень плохо. В одном из последующих писем отправитель даже писал о своем намерении писать кровью.

Приходилось быть свидетелем "комичных" случаев. Ежегодно в те недобрые времена проводилась по всей стране общегосударственная кампания за единодушную подписку на заем. Подписка, как ныне говорят в СССР, проводилась на добровольно-принудительных началах. Партийным руководителям "спускали" план — кто где и на сколько должен подписаться, после чего начиналось "выжимание" плана с явным уклоном в сторону его перевыполнения. В ход шли самые грубые методы принуждения: угрозы, шантаж, даже аресты. Что ж, на предприятиях, в колхозах, где трудились "вольные", эти методы приносили плоды. Но как заставить подписаться на заем переселенцев — озлобленных, ненавидящих советскую власть вместе со всеми ее "патриотическими начинаниями"? Удивительно, но хитроумные большевики-ленинцы вкупе с чекистами и тут выкручивались.

На шахтах, в леспромхозах несчастных ссыльных сгоняли на общее собрание. Какой-нибудь записной "пламенный" оратор клялся и божился перед ними, что в скором времени их дела будут пересмотрены и дальнейшая их судьба решится по справедливости. Но для этого, конечно же, "делом надо ответить на заботу партии и правительства", то есть всем, как одному, выполнить свой патриотический долг и добровольно подписаться на заем. Ну, скажите, кто при таких обстоятельствах не отдаст не то что месячную, — годовую зарплату?!

Верили лжецам, со слезами благодарности подписывались, а большевики, поняв, что рыбка клюет, еще и торговались, уговаривали дать побольше, что, понятно, будет учтено благодарной

MINISTERSTWO SPRAW WEWNĘTRZNYCH
Biuro Paszportów
Warszawa, ul. Koszykowa 16.

L. dz. 144 76 113

Warszawa, dnia 10. I. 1962 r.

POLSKA 1978 0,60

Ob. ANIEŁEK LEOPOLD, DOMINIK

w NOWIAN

poczta M. NIEŚWIEŻ 99 m 12

Po rozpatrzeniu powtórnego podania Obywatela (ki) z dnia 22.VI.62

o wydanie paszportu na wyjazd do Izraela (Izraelu)

Biuro Paszportów Ministerstwa Spraw Wewnętrznych zawiadamia, że na podstawie art. 4 ust. 2 pkt 4 ustawy z dnia 17 czerwca 1959 r. o paszportach (Dz. U. nr 36 poz. 224) decyzję odmowną utrzymuje w mocy.

Decyzja jest ostateczna w administracyjnym toku instancji.

Z up. Dyrektora Biura

Один из многих отказов польского ОВИРа Л. Авзегеру в выезде из ПНР в Израиль.

родиной. Отнимали последний кусок у обездоленных людей, которые, прожив всего три-четыре года при советской власти, не могли еще знать, на какие низкие трюки способны идти ее достойнейшие представители во имя какой-то жалкой премии или даже благодарственной грамоты парткома.

Но подобные фокусы удавалось проделывать только один раз. Ибо через год, при новой подписке на новый заем обманутые уже не верили никаким посулам и обязательно напоминали об обещанном пересмотре, требуя выполнения взятых обязательств. Без этого отказывались давать деньги. Что ж, лекарство находилось. Большевики в таких случаях переходили к прямым угрозам, заявляя, что факт отказа от подписки на заем будет расценен как групповое враждебное выступление против государства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Любой советский человек знает, что это не были пустые угрозы. Если никакие уговоры не помогали, переходили к действиям...

Увы, наш бдительнейший "ПК" во всех указанных мероприятиях играл незавидную роль помощника карающих органов. Все описанные выше детали известны мне из прочитанных писем, в которых спецпереселенцы делились со своими родичами "новостями". Так вот, мы "оперативно разрабатывали" наиболее злокозненные "документы" и поставляли псам-оперативникам дополнительный материал для эффективной борьбы с "контрой".

Исчезали массы людей. При этом никто из них даже представить себе не мог, как была устроена машина, перемалывавшая их кости. А ведь выглядела она предельно буднично, просто. За обычными канцелярскими столами сидели обычные простые люди. Сидели тихо, что-то там такое читали,

что-то записывали, изредка курили, попивали чаек... А результатом всей их деятельности было горе, была смерть. После того, как обвиняемые по нашим меморандумам-донесениям получали соответствующие сроки, дальнейшая проверка их писем уже не входила в функции сотрудников "ПК". Согласно лагерному режиму им разрешалось отправлять одно письмо в полгода. Их письма подвергались тщательной проверке лагерной цензурой, так что перлюстрация таких писем только зря отнимала бы у нас время. На лагерных "кумов" вполне можно было положиться.

По роду своей деятельности я, конечно, не мог охватить суть технологии уничтожения людей во всех ее проявлениях. Мне была известна лишь моя "узкая" роль в этом важном государственном деле. А были "ответвления", подобно метастазам, они охватывали всю страну..."

x x x

О том, что все письма военнослужащих, находившихся за границей, проверялись военной цензурой, я уже говорил. Но и к солдатам и офицерам, проходившим службу внутри страны, тоже не было никакого доверия, поэтому их письма также подвергались проверке. Особенно проявилось это после того как в Забайкалье появились солдаты — выходцы из западных областей Украины и Белоруссии. Иначе и быть не могло, потому что многие из них изъяснялись в такой "любви" к Советам, что у властей, наверное, мороз по коже пробегал. Молодые солдаты в письмах к родным откровенно признавались, что ненавидят "оккупантов украинского народа", что за них ни за что на свете сражаться не будут, что служба у них невыносимо тяжелая, что их заставляют говорить только по-русски, то есть на незнакомом им языке,

и т. д. Все свои надежды на избавление они связывали с борьбой бандеровцев, говоря также, что опыт и знания, полученные в советской армии, им пригодятся в будущей войне с "москалями" за освобождение родной Украины.

Вот образчик характерной переписки солдата. Автор — некий Богдан Бишко из села Дережичи Дрогобычской области. Совершенно открыто он все свои надежды возлагал на бандеровцев, писал о своей ненависти к советской власти:

"Вместе с теми, из "закутка", я еще буду сражаться за наше освобождение, и я уверен, что мы тоже добьемся свободы. Я знаю, что несмотря на сопротивление наших крестьян, у вас сейчас насильно организуют колхозы. Наших братьев и сестер ссылают в Сибирь, и в то же время русскими заселяют наши города и села. Почему я должен здесь терпеть голод, холод, а в то же самое время русский солдат из Сибири находится на моей земле. Я знаю, что льется кровь наших братьев, но я уверен, что так долго не будет продолжаться, нам тоже помогут, и мы будем свободны. Этому усатому придет тоже конец".

Письма Бишко переправлялись в военную контрразведку "Смерш", и в скором времени наивный малый исчез из поля нашего зрения.

Как известно, кроме писем почта доставляет также бандероли и посылки. В большинстве случаев они отправлялись учреждениями, поэтому лишь изредка цензура задерживала для выборочной проверки экземпляр-другой. Граждане много таких отправлений не делали, тем не менее группа "Списки" тщательно отбирала подозрительные, могущие представить "оперативный интерес" свертки или ящички. Просматривались книги. То были советские издания, но ведь среди листов книги нетрудно было вложить тайное посланьице, а на листах ведь можно было и кое-что написать! Этим

занималась оперуполномоченная Третьякова.

Однажды после вскрытия оказалось, что из книги вырезан весь текст, оставлены только края и твердая обложка. Из книги таким образом была сделана коробка, в которую аккуратно вложили шоколадные конфеты. Ни удивительного, ни, тем более, преступного ничего здесь не было. Но вот ведь беда какая: автором книги оказался сам товарищ Сталин, а подвергшийся такой кощунственной операции труд — его знаменитые "Вопросы ленинизма". Вину отправителя усугублял еще и тот факт, что даже большой портрет Сталина был вырезан, осталась только подпись к нему. Пришлось конфисковать изуродованную книгу и придать факту политическую окраску. Судьба отправителя была предрешена. Буквально на следующий же день его фамилия появилась в "списках" "ПК", а вскоре им занялись оперативные работники МГБ.

Я описываю работу читинского "ПК", не более. Но тайной проверкой письменной корреспонденции была охвачена буквально вся страна. В каждом, даже самом захудалом районе, где только имелось почтовое отделение, обязательно действовал пункт "ПК". Количество его сотрудников зависело от количества жителей района, от количества корреспонденции, отправляемой с его почтового отделения или получаемой им. Обычно в районном пункте "ПК" работало от двух до четырех человек. Для лучшей конспирации эти наши сотрудники были обязаны носить форму одежды работников связи, точно такую же, какая полагалась другим почтовикам. Будущему сотруднику пункта перед отправкой в район, на место службы, давался подробный инструктаж, который проводила старший оперуполномоченный отдела "В" капитан Р. В. Гольденберг, ответственная за работу всех пунктов "ПК" Читинской об-

ласти. Случалось, что перед отправкой в район будущий сотрудник проходил стажировку в читинском отделении "ПК", и только после полной подготовки ему давали "путевку в жизнь". Даже самый крохотный пункт "ПК" имел свои "списки". Отобранные согласно этим спискам письма передавались в условленном месте сотрудникам районного отделения МГБ. Происходило это "действо" точь-в-точь как в шпионских кинофильмах: двое с портфелями сидели рядышком где-нибудь на вокзале или в ресторане; не разговаривали, не переглядывались, делали вид, что друг друга не знают; между тем, делался незаметный обмен портфелями, после чего оба, разумеется, не одновременно, поднимались и расходились в разные стороны. Районные сотрудники "ПК" зарплату получали по общей ведомости с почтовыми работниками. Кроме того, они дополнительно "кормились" и по ведомости районного отделения МГБ. Не сидеть же им на мизерном окладе почтовиков!

Вот что такое конспирация по-советски, господа!

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Сотрудники этого отделения занимались исключительно международной корреспонденцией. В Чите не было специального международного почтамта, поэтому международное отделение находилось вместе с отделением "ПК". Оно занимало две большие, совершенно изолированные комнаты, в которых работали восемь сотрудников. Считалось, что их работа являлась наиболее секретной и ответственной в отделе "В". Все сотрудники международного отделения имели офицерское звание и должность оперуполномоченных, тем самым ясно было, что и зарплата у них повыше,

чем, скажем, у сотрудников военной цензуры или "ПК".

Существовало непреложное правило: вся без исключения международная корреспонденция проходит контроль в международном отделении. Письма для этой группы отбирались все той же группой "Списки", клались в специальный ящик и передавались в международное отделение. Там уполномоченный Мурина вскрывала их, после чего они поступали на "обработку".

Деятельность этого отделения считалась настолько засекреченной, что даже нам, цензорам "ПК", вход туда был строго воспрещен. Возглавлял отделение старший лейтенант Пуликов Александр Матвеевич, подчинявшийся только начальнику отдела "В". По известным уже нам причинам глубокой конспирации, решено было в международном отделении даже телефона не ставить. Связь отделения с внешним миром поддерживалась самая необходимая, тем более что мир этот был сужен до областного управления МГБ и горкома партии. Больше начальник отделения Пуликов ни с кем не имел права общаться. Он пользовался в этих целях телефоном нашего "ПК", номер которого, кстати, знало всего несколько человек.

Все международные письма не только вскрывались, регистрировались, тщательно проверялись, но также подвергались химической обработке. Считалось, что здесь наиболее вероятно прохождение всякого рода тайнописи и шифровок. Их химическую обработку проводили инженер-химик Валентина Николаевна Гладких, фотограф Лева Солодухин и оперуполномоченный лейтенант Макиенко. Для международных писем не существовало принципа выборочного контроля — вскрывалось и проверялось все, что должно было уйти за границу, а также все, что поступало из-за границы в Читинскую область.

Я уже говорил, что языки никогда не служили преградой в проверке писем. В международном отделе также имелся список цензоров, владеющих иностранными языками и языками народов СССР, с указанием их места работы и фамилии, имени, отчества начальника отдела "В", в адрес которого эти письма, вместе с сопроводиловкой, следовало направлять. Вообще, ничто не могло, не должно было помешать вскрытию и проверке писем. Даже сургучная печать. Однажды я видел такое письмо в руках у Пуликова. Судя по всему, с сургучными печатями ему еще не приходилось иметь дело. Он сказал, что срочно отправляется в областное управление МГБ, чтобы заказать в тамошних мастерских такую печать. Попутно хочу заметить, что моя именная сургучная печать тоже была заказана Пуликовым и изготовлена в тех же мастерских МГБ. Но я не уверен, знал ли он сам, где расположены те мастерские. В одном лишь я убедился: там работали опытнейшие мастера. Про них даже легенды сочиняли — если, мол, потребуется для МГБ подковать блоху, то и с такой работой они справятся. Ясно, что изготовить по образцу сургучную печать для этих умельцев было плевое дело.

Мне приходилось проверять письма международного отделения. Обычно их было немного. Но я считался переводчиком в этом отделении, и иногда делал для него переводы с польского или немецкого текста. Нередко, по просьбе начальника отделения, я также принимал участие в составлении его спецдонесений в управление МГБ.

Все без исключения лица, ведшие переписку с заграницей, были взяты на учет в международном отделении. На каждого заводилось наблюдательное дело тотчас же по получении первого заграничного письма. С тех пор каждый из них становился объектом наблюдения. В наблюдательном деле содержались также все анкетные данные автора и получателя писем. Эти сведения добывались агентами секретных служб второго, международного отдела. Отдельно заводились наблюдательные дела на тех, кто вел переписку с так называемыми "странами народной демократии", отдельно — на лиц, поддерживающих связь с капиталистическими странами. Конечно, не все письма конфисковывались, но прохождение каждого письма с указанием даты, новых связей, степени родства и некоторых других сведений обязательно отмечалось в тех сверхсекретных досье.

Существовал обширный перечень требований к корреспонденции, пересылаемой гражданами СССР своим заграничным родственникам или друзьям. В одной из бесчисленных секретных инструкций было прямо указано на то, что письма, идущие за рубеж, не должны содержать сведений, прямо или косвенно подрывающих авторитет СССР в глазах граждан иностранных государств, что нельзя пропускать сообщения, которые могли бы быть использованы врагами во вред нашей стране. И наоборот: из-за границы запрещалось допускать проникновение чужих, нежелательных взглядов. Можно себе представить, насколько привольно, широко, как говорится, в меру своей испорченности, каждый цензор мог толковать подобные указания!

Но несмотря на то, что инструкции жесточайшим образом регламентировали международную переписку, в них невозможно было предусмотреть все случаи жизни. Цензору вменялось поэтому в обязанность прежде всего давать политическую оценку каждого письма, а при малейшем сомнении дело следовало решать в пользу конфискации письма. Вот почему изымались не только послания с так называемым "антисоветским содержанием", не только весточки, где авторы, пусть осторожно, но все-таки пытались рассказать правду о своей

жизни, но и совершенно невинные письма сугубо частного, личного содержания. Советский гражданин, например, просил своего заграничного корреспондента прислать ему икону. Разве можно было поощрять поступление в атеистическую страну предметов религиозного культа? Конечно же, такое письмо конфисковывалось. Другой просил американского или канадского родственника помочь ему материально. Разве это не свидетельство низкого уровня жизни, бедности в стране победившего социализма? И такое письмо, естественно, изымалось. Не пропускались даже письма с фотографиями. Почему? Так ведь на фотографиях были запечатлены советские люди, а по их внешнему облику — по одежде, по выражению лиц совсем нетрудно было догадаться, как им живется в Советском Союзе. Хорошо помню: любая фотография, на которой были запечатлены граждане с грустными физиономиями, рабочие в старой спецодежде, в фуфайках, подлежала конфискации.

Одновременно цензоры обязаны были следить за тем, чтобы в страну не просачивались сведения о жизни рабочих и служащих за рубежом. Незачем советским людям знать, что там делается, за кордоном, и, не приведи Господь, начать еще сравнивать свое существование с тамошним. А, значит, цензоры вели непримиримую борьбу с любым восхвалением западного образа жизни, опять же испытанным методом конфискации "вражеской пропаганды". Независимо от содержания, конфисковывались все письма за границу, написанные репрессированными, ссыльными, заключенными, спецпереселенцами. Согласно инструкции все указанные категории лиц были лишены права на переписку с заграницей, хотя им-то самим об этом, понятно, не сообщали.

Нет сомнения в том, что многие из тех, кто вел переписку с заграницей, догадывались о существовании суровой цензуры. Вот почему, описывая свое житье-бытье, они стремились проявить максимум находчивости, изобретательности, изворотливости. Цензору вроде бы и придраться к их письмам невозможно было: жилось им прекрасно, буквально всем были довольны, до небес превозносили советскую власть, давшую им счастье свободного труда... И он обязан был угадать тайные замыслы авторов этих писем. И действительно, в самом конце письмеца — ложкой дегтя — содержалась скромная-прескромная просьба: прислать на память посылочку. Ах так, посылочку? Конфисковать! Чтоб знали впредь, что не к лицу советскому человеку клянчить подачки у граждан, проживающих в охваченных гниением капиталистических странах.

Многие граждане СССР трепетали перед лицом произвола властей, поэтому вести личную переписку с заграничными родственниками опасались. Они прибегали к услугам посредников, третьих лиц, чаще всего пожилых людей, пенсионеров, которым уже нечего было терять. Переписка с Израилем, к примеру, в те годы была попросту невозможна. Письма с адресом вновь созданного еврейского государства изымались, а сведения об их авторах отправлялись во второй, международный отдел областного управления МГБ.

Так вот, чтобы обойти цензуру, обвести ее вокруг пальца, советские евреи прибегали к помощи посредников, проживавших в Польше. Один такой случай мне хорошо запомнился. Мой знакомый Иосиф Росбергер уехал из СССР в Польшу и поддерживал переписку со своим соседом и другом детства. Но, прожив в Польше несколько месяцев, Росбергер выехал в Израиль. Он во что бы то ни стало желал продолжать переписку с другом, состоявшим в рядах КПСС и успешно продвигавшимся по служебной лестнице. Хитрый Рос-

бергер, перед выездом из Польши в Израиль, оставил брату, проживавшему в Польше, определенное число конвертов с написанными на них его, Росбергера, рукой адресами: друга в Советском Союзе и своего, обратного, уже на имя брата. Брат получал из Израиля письма, вынимал из них листки, адресованные далекому советскому другу, вкладывал их в надписанные конверты и опускал в почтовый ящик. Таким вот путем переписка между двумя друзьями продолжалась больше года, причем советский друг нового израильтянина даже не подозревал, что получает весточки от человека, примкнувшего к злейшим врагам социализма и советского государства — сионистам.

Подобных случаев было немало. Причина их возникновения — животный страх перед властью, которая считала преступлением даже самую невинную связь с гражданами капиталистических государств, независимо от их национальности или социального происхождения. Ведь в те времена (да и сейчас тоже) в анкетах имелся такой дьявольский пункт: "Имеются ли родственники за границей?" Тот, кто честно признавался в наличии таких ужасных родственных связей, непременно брался на заметку органами. Еще хуже приходилось тому, кто утаивал родство, если тайное каким-либо образом становилось явным. "За сокрытие биографических данных" людей исключали из рядов КПСС, увольняли с работы, а в особо "тяжелых" случаях даже репрессировали.

Неудивительно поэтому, что подавляющее большинство граждан СССР, у которых "не было" родственников за границей, и связей с ними не поддерживали. Но находились смельчаки, открыто признававшие наличие родства и открыто переписывавшиеся, а также хитрецы, скрывавшие родство, но поддерживавшие переписку указанным выше способом или другими методами, о которых мне не известно. Ухищрения бывали разные. Нет сомнения в том, что во многих случаях находчивым людям удавалось обхитрить цензуру и благополучно пересылать свои послания. С другой стороны, однако, можно с уверенностью сказать, что в тех посланиях не содержалось никаких сведений, заслуживавших внимания органов, что, как правило, каждое такое послание являлось гимном советской власти и коммунистической партии Советского Союза.

И еще: мне известно немало случаев, когда в конце концов органам все же становилось известно об использовании посредников в переписке советских граждан с заграницей. При этом далеко не всегда, не сразу ими принимались крутые меры. Объясняется это тем, что чекистам важно было поиграть в кошки-мышки с "хитрецами": проследить за их связями, за дальнейшей циркуляцией писем... Только наивные люди могут полагать, что их ухищрения долго останутся тайной для советской тайной полиции.

Комично выглядели потуги граждан, имевших заграничных корреспондентов, во что бы то ни стало выглядеть великими патриотами своей родины. Вот несколько из панегириков, которыми были густо пересыпаны буквально все письма: "У нас сейчас идет большое строительство, мы строим уже коммунизм...", "Живется нам прекрасно, все работаем, ни в чем не нуждаемся...", "Наша партия и правительство проявляют о нас огромную заботу...", "Благодаря родной партии мы, пенсионеры, получаем прекрасную пенсию и всем обеспечены..."

Не правда ли, искренность потрясающая! Интересно, что сами цензоры, прекрасно зная цену таких заявлений, потешались, читая их. Но пропускали. От людей требовали лжи, люди лгали,

цензура пропускала ложь в расчете на заграничных простачков. Как мы теперь доподлинно знаем, то не был ошибочный расчет: простаков в свободном мире — хоть отбавляй!

Но далеко не все умели лгать так, как того хотелось коммунистам. Вам о чем-нибудь говорят такие строки: "У нас прибавление в семье, Наточка благополучно родила дочурку. Я стал дедушкой. Сейчас нас в семье уже семеро. Как хорошо, что у нас большая, прекрасная комната в двадцать пять квадратных метров! Мы в ней все помещаемся..."?

Да, многие простые люди старались самым искренним образом жить в мире с властями, с чекистами и писали хвалебные письма заграничным родичам. Но надо же было обладать очень изощренным умом, чтобы скрыть все теневые стороны жизни. Не всем был дан такой талант, а потому ослиные уши режима нет-нет да и выпирали из писем. Как в приведенном выше отрывке. Любой цензор отлично знал: как бы человек ни хвастался своей замечательной жизнью в стране Советов, — один только факт, что семья из семи человек проживает в одной комнате, крест-накрест перечеркивает его дифирамбы и во всей неприглядности показывает истинное лицо советского режима-прижима.

Еще курьез: "Получили вашу посылку и очень вам благодарны, что не забываете нас. Однако я должен вам сказать, что мы ничем не нуждаемся, у нас всего вдоволь. Поэтому большинство ваших вещей нам не понадобились и мы их сдали в комиссионный магазин. Представьте себе, мы этого даже не ожидали, на следующий день этих вещей не стало, и я получил деньги. Ну а деньги, они всегда нужны, у нас семья большая и расходы большие..." Комментарии, как говорят журналисты, излишни.

Смешно, не правда ли? Так давайте же смеяться. Над тем, что несчастные люди доведены до такой степени страха. Над тем, что их заставляют так бессовестно лгать. Над тем, что из людей они превращаются в трясущийся кисель... Нет, не до смеха тут! Не смеяться над авторами таких писем надо, даже не жалеть их — судить следует тех, кто наводит такой страх на "свободных" граждан, издеваясь не только над ними, но и над законами собственной страны. Может, такое время наступит?

Путем тщательного отсеивания "нежелательных" писем за рубежи Советского Союза попадали исключительно только светлые, оптимистические сообщения, вызывающие и ныне такие примерно суждения у западных обывателей: "Наши газеты ругают Советский Союз: нет, мол, там ничего, только очереди есть, голод есть, нищета... А посмотрите, как они сами пишут о себе, о своей жизни..." Что можно сказать по их поводу?

У людей, не знакомых с советским образом жизни, не знающих советских порядков, практика переписки с применением лжи может вызвать только недоумение. Им трудно понять причину такой практики. В совершенно секретной инструкции "международного отделения" содержалось следующее предписание: "Заграничный житель, получающий письма из Советского Союза, должен быть уверен, что в СССР прекрасная жизнь, люди всем довольны, всем обеспечены, ни в чем не нуждаются и ничего не просят..." И, как уже было сказано, обыкновенный советский человек знает, что полагается писать и как реагировать на события. Если он хочет, чтобы его письмо дошло до получателя, у него не может быть иного пути, кроме беспардонного вранья. И по сей день этот "закон лжи" остается в силе. И сегодня советский гражданин знает, что любое его письмо может попасть в руки КГБ, которое сделает из него соот-

ветствующие выводы. В свою очередь, советские органы делают все от них зависящее, чтобы письма рядовых граждан были постоянным источником дезинформации и дезориентации иностранных граждан. И, представьте, преуспевают в этом! Я лично имел возможность неоднократно наблюдать за тем, как на Западе некоторые наивные прекраснодушные люди верят такой липовой писанине. Официальные органы пропаганды Советского Союза могут лгать, рассуждают они, — но граждане — зачем им писать неправду в частных письмах? Вот так создается ложное представление о положении в стране победившего социализма. Насильственно навязываемый оптимизм — одна из функций МГБ — КГБ.

Доверчивые граждане Запада, которые, возможно, не поверят и мне, пускай подумают над простой задачкой: а видели они или хотя бы слышали, чтобы из Союза поступали "плохие" письма? Если нет — то нормальное ли это явление?

Даже в настоящее время в зарубежной русской печати нередко появляются противоречивые высказывания о деятельности советской цензуры. Например, Александр Скачинский в журнале "Круг" № 230 (стр. 37) пишет: "У всех нас есть либо родственники, либо друзья и знакомые там, где мы родились и жили. Необходимо не только посылки им посылать, но и писать больше откровенных писем, рассказать о настоящей демократии, о фактах советской дезинформации, вкладывать в конверты интересные вырезки из журналов и газет (не бойтесь, 85 процентов корреспонденции в Союз доходит-таки непроверенной) ".

Я не знаю, откуда взяты, на чем основываются эти данные, но больно уж разит от них духом дезинформации КГБ. Разумеется, я не обвиняю автора в связях с этой организацией, а хочу лишь сказать, что он стал ее жертвой.

В том же "Круге" (№ 242) его редактор г-н Мордель пишет: "Почта СССР получила указание (почему именно почта, почему не органы?) усилить цензуру и не пропускать письма эмигрантов, расписывающих сытость Запада..."

Второе высказывание противоречит первому. Я сопоставил их, чтобы доказать, что людям на Западе неизвестна система работы "Черного кабинета", что по данной причине мои мемуары представляют несомненную ценность для западной общественности.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Обычно в конце каждого месяца отделение "ПК", а также международное отделение направляли спецсообщения в Москву, в МГБ. Они составлялись на основании проверенных писем, согласно следующим темам:

1. Международное положение СССР.
2. Внутреннее положение СССР (то есть высказывания людей о работе промышленности, сельского хозяйства, транспорта, торговли, учебных заведений и т. д.).
3. Высказывания, порочащие советский общественный и государственный строй.
4. Анонимные письма, листовки, лозунги.
5. Религиозная пропаганда и т. п.

В этой информации отражалось недовольство советских людей различными аспектами, явлениями советской жизни. Сюда относились разнообразные критические замечания, несогласие с генеральной линией партии и политикой советского правительства. Здесь же отражались и разнообразные частные мнения людей относительно проводимых в стране кампаний, таких, например, как подписка на заем, солидарность с братским народом Северной Кореи. Фиксировалось и другое

— жалобы на низкий уровень жизни, на несостоятельность колхозного строя, на продовольственные и иные затруднения.

Кроме отдела "В", спецсообщения в МГБ СССР отправляли также и другие отделы областного управления МГБ, в частности такие, которые секретные сведения добывали агентурным путем. Вся отправляемая информация была в высшей степени достоверна, здесь исключались очковтирательство, приукрашивание фактов или дутые цифры. Работники органов все должны были видеть, слышать, знать. Не производились никакие анализы, выводы также не делались. По всей вероятности, тут преследовались далеко идущие цели: чтобы кроме лживой устной и письменной пропаганды, кроме официальных заявлений и статистических сообщений, была еще правдивая информация, резко отличающаяся от той, что появлялась в печати "для народного потребления". Но то была сугубо секретная информация, доступная лишь работникам МГБ, может быть, еще и высшим партийным бонзам.

Полученная таким путем информация правдиво, объективно отражала настроение разных слоев населения страны. По ней партия, если б она того хотела, могла бы принять меры для исправления тех страшных перегибов, которые допускались и продолжают допускаться во всех областях экономики, культуры, науки Советского Союза. Но собиралась она вовсе не для этой благородной цели. Совсем наоборот! Весь накопленный "материал" служил для подавления, уничтожения тех, кто противился искривлениям или хотя бы устно выражал свое несогласие с ними. Такова политика КПСС, единственной партии тоталитарной страны социализма. Без постоянного, непрекращающегося насилия она бы уже давно потеряла власть.

Знание — сила! — любят говорить коммунисты.

Да, возразить трудно. Знание органами настроений народа подсказывает им, против какой группы прежде всего бросить свои силы, кого разгромить в первую очередь, кого в бараний рог согнуть, а кого, для начала, отечески пожурить. На том держалась и долго еще держаться будет "родная" советская власть.

ЦЕНЗУРА ПИСЕМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Из сказанного выше ясно, что много писем до адресатов не доходило, что в СССР существовал подлинный почтовый разбой, что корреспонденция становилась предметом ни на миг не прекращающегося сыска. Населению все очевиднее становилось вследствие этого, что в стране в массовом масштабе осуществляется проверка писем. Не было ясно только, кем, как и где производится перлюстрация, на каком основании задерживаются, пардон, "пропадают", "теряются" письма.

Существует элементарная логика: если письма отправляются почтой, почта и должна нести полную ответственность за их пропажу. Не находя другого выхода из положения, граждане к почтовикам и обращались с жалобами, претензиями на исчезновение писем.

Что тут скажешь? МГБ — КГБ выгодно, когда в утере писем обвиняют почту, когда от почтового ведомства требуют выяснения обстоятельств, принятия мер, наказания виновников и прочее тому подобное... Такое положение дел уводит общественность в сторону от существа дела, создает ложное впечатление о непричастности органов к свистопляске с письмами. Я — не я, и хата не моя!

Самое удивительное, однако, заключается в том, что почта-таки всерьез занимается всеми этими делами, к которым не имеет ни малейшего отношения. Принимаются любые жалобы на про-

пажу писем, однако никто и никогда еще не получил вразумительного ответа: что сделано по его жалобе, кто виновен, кто наказан...

А дело тут в том, что почтовики, вернее, подставные лица органов ловко разыгрывают комедию успокоения общественного мнения. Расследованием жалоб трудящихся они занимаются лишь формально, для отвода глаз, на самом же деле ничего не расследуют, а по истечении определенного промежутка времени передают жалобщикам ответы, полученные от оперативных работников или от начальника "ПК" — в зависимости от того, в чьих руках находится личное дело отправителя этих писем. Больше им ничего не известно. Более того, им просто-напросто запрещено вступать в дебаты на данную скользкую тему.

Вот так почта прикрывает незаконные действия советских чекистов, не по желанию, разумеется, не по призванию, не по обязанности, а все по тем же законам всеобщего страха, который сумели внушить своим гражданам руководящая партия и правительство через преданных им до гроба эсэсовцев из МГБ — КГБ.

Описываемая мною работа тайной письменной цензуры относится к прошлому. Возможно, сейчас многие названия изменены, наверняка взяты на вооружение новые методы и формы работы. Но суть дела, я убежден, осталась прежней. Более того, мне кажется, что сегодня "черные" кабинеты действуют куда изощреннее, жестче, чем прежде. Искусство перлюстрации доведено до совершенства, "охват" стал всеобъемлющим, а кадры... В конце сороковых, начале пятидесятых годов редко можно было найти среди цензоров человека с высшим образованием, сейчас, вероятно, не найдешь в этом сословии работника без вузовского диплома.

Вопрос в том, что и как могло измениться, за неимением документов, остается открытым. Но есть некоторые данные, которые позволяют делать любопытные выводы.

В те времена, когда я работал в тайной цензуре, ее цель заключалась в том, чтобы помочь оперативным работникам органов в тайной слежке за мыслями и чувствами советских граждан, информировать министерство государственной безопасности, не идут ли высказывания людей вразрез с официальной политикой коммунистической партии, выведывать их отношение к различным событиям, фактам, мероприятиям... Тем самым можно смело утверждать, что отделение "ПК" исполняло чисто полицейские функции. На то оно и существовало!

А поскольку нет сомнений, что оно (под тем же или другим названием) существует и ныне, то и работа у него соответствующая, полицейская.

Какие же изменения могли произойти в ее деятельности? Если рассуждать логически, то, в основном, лишь технические, технологические, но отнюдь не структуральные. Если "черные кабинеты" продолжают существовать, а они, вне всякого сомнения существуют, в чем у нас будет возможность убедиться ниже, то им не обойтись без "секретных списков" людей, находящихся под неустанным наблюдением органов. Думается лишь, что, в отличие от времен минувших, сейчас в эти "проскрипционные списки" занесены фамилии людей, действительно проявляющих недовольство, несогласие с мероприятиями партии и правительства, с нарушением законов, прав человека. Нет оснований думать, что эти списки "короткометражны". Много, очень много сейчас в Советском Союзе несогласных, инакомыслящих, даже бунтующих. Еще больше сочувствующих им. Так что, надо думать, значительно увеличился по сравнению с былыми временами поток подлежащих перлюст-

рации писем, а, значит, возрос и штат проверяющих, то есть тайных цензоров нынешнего "ПК", или как бишь его. Соответственно должна была быть произведена реформа и в других группах отделения, в "Списках", например, в группе химической обработки, в группе "Вскрытие".

Неизмеримо возросло количество писем, отправляемых за границу, поступающих из-за границы, а, значит, больше работников должно корпеть над ними в международном отделении...

Нет, абсолютно никаких опасений, что цензоры в СССР в ближайшие десятилетия останутся без работы, не существует. Напротив, можно с огромной долей уверенности утверждать, что их число растет не по дням, а по часам. Как богатырь в народных сказаниях. Ибо органам приходится нынче туговато: уж больно много развелось врагов у режима, причем не воображаемых, а действительных — образованных, умных, честных, бескомпромиссных, сильных. С ними побольше возни, чем с теми несчастными "врагами народа", которыми когда-то кишели советские тюрьмы, лагеря, места отдаленные и не столь отдаленные. А тоталитарный советский режим свои позиции не собирается сдавать. Стало быть, борьба продолжается. На новом этапе. В новых условиях. На более высоком уровне. Более ожесточенно и бескомпромиссно.

Нет сомнения в том, что в Советском Союзе проводится тотальная перлюстрация писем. Прежде всего, это касается международной корреспонденции. Мне хорошо известны волчьи повадки советских органов госбезопасности, я знаю их подозрительность, которую, без преувеличений, можно назвать маньякальной. Я помню все бесчисленные инструктажи, посвященные все тому же вопросу о повышении бдительности — непременного продукта подозрительности... Нет, сдай

они хоть на год завоеванные "высоты" насилия, террора, нагнетания страха, — и прощай сладостная власть, дающая столько привилегий тем, в чьих руках она находится!

Нет, сомнений быть не может. Жив курилка! До тех пор, пока стоит величественное здание на Лубянке, осеняющее памятник основателю ЧК — ГПУ — МГБ — КГБ "железному Феликсу", стоит и стоять будет институт тайной цензуры, сиречь "черный кабинет".

Здесь уместно напомнить, что на существование практики перлюстрации писем в наше время указывают в своих работах многие деятели науки и культуры, писатели и журналисты, эмигрировавшие на Запад: Солженицын, Ж. Медведев, Григоренко, Чуковская, Авторханов, Глазов, Фест и другие. Но основным доказательством существования в настоящее время в СССР тайной цензуры почтовой корреспонденции продолжают оставаться жалобы и заявления граждан страны на пропажу их писем, а также проводимые эксперименты или судебные процессы. Прошу прощения за длинные цитаты, но они заслуживают внимания в качестве так называемых вещественных доказательств.

Но сначала приведу пример из практики работы читинского "ПК". Житель Читы, некий Иванов, хотел убедиться в том, что его письма проходят через нескромные руки. Поставленный им эксперимент был прост: он вложил в один конверт пять конвертов разной величины, заклеил его обычным, легко поддающимся действию пара клеем и надписал свой адрес. После чего опустил конверт в почтовый ящик ближайшего к Чите города.

Вот в чем состояла его хитрость: в одном из пяти конвертов находился, легонько подклеенный, короткий волосок. С этим-то волоском и не сладила цензура. Получив свое собственное пись-

мо, Иванов, не шибко удивившись, обнаружил, что волоска в конверте нет.

Как мы узнали, что Иванов испытывал нас? Он — отправитель и получатель одновременно — написал жалобу на работников почты, обвиняя их в незаконной проверке его корреспонденции. Начальник "ПК" Новицкий, проверявший его жалобу, в разговоре "по душам" сумел выпытать у хитроумного читинского Улисса правду. Он заверил Иванова, что постарается тщательно проверить "вопиющее нарушение" и даже примерно наказать виновных. После чего немедленно доложил о случившемся "куда следует". За Иванова взялись по-настоящему. В СССР бытует поговорка: "был бы человек, а дело найдется". И действительно, нашлись какие-то улики против незадачливого правдоискателя, он был арестован, а вскоре бесследно исчез. Такова в СССР судьба человека, осмеливающегося разоблачать ведомство сыска, которому, единственному в стране, принадлежит прерогатива всех и всяческих разоблачений. Разве не сюжет это для рассказа под соблазнительным названием "Разоблачение разоблачителя"? Ну а что касается правдоискательства, то, ей-Богу, это не уважаемая профессия в стране лжи...

Известный ученый Жорес Александрович Медведев тоже сделал попытку доказать наличие тайной цензуры писем в СССР. Он был возмущен тем, что его письма не доходили до адресата, уведомления не возвращались, а на жалобы по данному поводу никто не реагировал. Проведя несколько экспериментов, Медведев добился своего — доказал существование негласной цензуры писем. (Лично от себя хочу добавить, что его опытный глаз видел многое. Он замечал то, на что другой вообще не обратил бы никакого внимания, и интуиция его не подводила. В этом

отношении его книга "Тайна переписки охраняется законом" представляет несомненный интерес). Его письма, как уже сказано, где-то терялись, однако пропажа писем сама по себе еще не является доказательством их проверки или конфискации. Вот почему он хотел лично убедиться в том, что после перлюстрации его письма выглядят несколько по-иному, чем до нее. Эксперимент заслуживает внимания, поэтому я позволяю себе прибегнуть к солидной цитате:

"...В Англию с небольшим интервалом я отправил два заказных письма с уведомлением о вручении... Вложение в каждый конверт было безобидным — оттиск моей короткой статьи из журнала "Цитология"... Но несмотря на такое безобидное вложение, оба конверта были заклеены синтетическим водонепроницаемым клеем, как по верхнему, так и по нижнему клапанам. Открыть такие конверты без повреждений было невозможно. Но поскольку в них нельзя было обнаружить ничего запретного, то, как я полагал, они и после повреждения будут отправлены дальше, так как "черный кабинет" уже знал, что Ж. А. Медведев подает рекламации на каждое пропавшее письмо и уже подготовил дело до суда по вопросу о компенсации... Но главная хитрость отныне заключалась в следующем: оба письма были посланы несуществующим адресатам, и британская почта должна была вернуть их мне "за ненахождением адресата"... Готовя опыт, я допускал, что почта не решится отправлять за границу сильно поврежденные цензурой конверты и переложит в новые конверты содержимое писем. Поэтому я на всякий случай сфотографировал подготовленные к отправке письма, чтобы иметь образцы для сравнения... Британская почта, не обнаружив по указанному адресу нужного адресата, отправила письмо обрат-

но, и оно вернулось в Обнинск. Увидев его, я был потрясен от удивления. По всему верхнему и боковому сгибам конверт был заклеен полосками коричневой бумаги явно не британского происхождения. Тщательный осмотр письма выявил следующее: не справившись с вскрытием клапанов, цензор просто вскрыл письмо по верхнему сгибу тупым орудием, чтобы придать видимость спонтанного повреждения, а потом заклеил бумажной полоской. Но на обратном пути письмо было снова вскрыто, так как боковая бумажная полоска наклеена поверх британского штампа, закрывая его край... Московское письмо также вскрывалось дважды, сверху и сбоку, но разрезы заклеивались прозрачной липкой лентой... Конечно, почта всегда будет оправдываться и уверять, что письмо на сгибах стерлось из-за длительной доставки и тряски в мешках, и вид у писем действительно был затрепанный, особенно по краям. Но я учитывал возможность таких оправданий. Поэтому я послал в Англию еще одно, третье письмо, практически не заклеивая его, лишь слегка увлажнив конец верхнего клапана. Это письмо, отправленное 15 февраля, вернулось 7 марта в отличном состоянии". ("Тайна переписки охраняется законом", стр. 583).

Всем известно, каким жестоким преследованиям подвергался мужественный генерал Петр Григорьевич Григоренко. Для него тоже не являлось секретом, что он взят под постоянное наблюдение КГБ вообще и что вся его переписка проходит через тайную цензуру. Так вот, в связи с изъятием его писем он обращался непосредственно к генеральному прокурору СССР Руденко. Он писал, что не признает за КГБ права действовать вразрез с конституцией, нарушать международные обязательства СССР, вмешиваться в частную переписку граждан. Тогдашнему председателю КГБ Андропову он писал: "...Невероятно обнаглели и те, которые занимаются перлюстрацией моей корреспонденции и подслушиванием телефонных разговоров. Некоторые из моих корреспондентов по моей просьбе начали фиксировать места заклейки чернильными крестиками. Совместить перекрест при повторном запечатывании затруднительно, и перлюстраторы, видимо желая показать, что им наплевать на то, знаю я о вскрытии корреспонденции или нет, начали оставлять конверты незапечатанными и даже надорванными. Многие же письма, в том числе заказные и с уведомлением о вручении, исчезают бесследно". ("Мысли сумасшедшего", стр. 196).

Можно не сомневаться: если бы эти факты не соответствовали действительности, Григоренко был бы привлечен к ответственности за клевету на советский общественный строй. Молчание генерального прокурора Руденко и председателя КГБ Андропова является только красноречивым признанием обоснованности обвинения мятежного генерала. С другой же стороны — и это тоже весьма характерно — поступок генерала наглядно свидетельствует о том, что кое у кого в СССР исчез, испарился животный страх перед всемогущим комитетом государственной безопасности, который в мои времена такую "дерзость" не оставил бы ненаказанной.

В "мое" время, да и теперь тоже, даже дипломатическая почта перлюстрируется. Бывший глава советской делегации в ООН Аркадий Шевченко, который в 1978 году стал "невозвращенцем", в интервью журналу "Континент" (№ 35) сказал: "...Но даже в частных письмах, посылаемых дипломатической почтой, обычно почти никто не пишет правды, потому что эти письма вскрываются и прочитываются цензурой..."

Цитирование можно продолжить. Ограничусь

лишь еще одной выдержкой — из книги Лидии Корнеевны Чуковской. Вот что она пишет:

"...Но самые большие хлопоты доставляет властям моя переписка. Ее перлюстрируют, читают, фотографируют, обдумывая, какое письмо доставить, какое нет. Заграничная моя переписка перекрыта наглухо. Так, из 11 писем, посланных мне в 1975 году из Рима, — я получила одно. Из четырех писем, посланных мне из Иерусалима, — ни одного. Письма моих соотечественников тоже получаю с отбором.

Вмешательство производится открыто и грубо. 17 октября 1975 года моя дочь Елена получила два письма: судя по штемпелю на конверте и знакомому почерку, одно от нашего старого ленинградского друга, второе — тоже судя по штемпелю и почерку, от приятельницы с Кавказа. Вскрыв кавказский конверт, она, к своему удивлению, вынула оттуда письмо нашего ленинградского друга, вскрыв ленинградский (это уже при официальных свидетелях) — извлекла письмо от кавказской приятельницы. Прокуратура, куда она обратилась с жалобой о нарушении закона, гарантирующего гражданам тайну переписки, передала дело следователю, следователь вызвал мою дочь и посоветовал ей поменьше интересоваться законами. Письма вернул, даже не потрудившись исправить ошибку перлюстратора".

Забавный случай, не правда ли? И разве не говорит он о перегруженности бедных тайных цензоров? В "мое" время, помнится, таких казусов не случалось.

Все приведенные выше цитаты, взятые из книг весьма авторитетных людей, обойдены молчанием представителями советских властей, никто даже не попытался их опровергнуть. А ведь коммунисты-ленинцы ой как любят опровергать клевету!

Демагогическими, лицемерными до тошноты являются приведенные ниже заверения советских официальных лиц относительно отсутствия в СССР тайной письменной цензуры. Об этом пишет Рой Александрович Медведев в своей книге "О социалистической демократии" (стр. 263):

"...Некоторые из официальных лиц в беседе с автором настоящей книги решительно отрицали наличие у нас в стране какой-либо почтовой цензуры. Все утверждения о существовании такой цензуры решительно отвергались как клевета..."

И действительно, за все годы существования советской власти ни в одном печатном издании не промелькнуло даже намека о негласной проверке писем. Когда заходит речь о цензуре в СССР, ответственные чиновники высоких советских учреждений немедленно ссылаются на конституцию страны, словно не знают, что с этой филькиной грамотой никто не считается.

С чего бы это вдруг талантливый советский бард Владимир Высоцкий запел:

Я не люблю, когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо!

У кого-то возникает вопрос — кто именно тот "чужой"?

А если все сказанное сомнений не вызывает, то скажите мне, что же изменилось в СССР с того памятного дня 1953-го года, когда "меня ушли" из МГБ?

"ЧИСТАЯ СОВЕСТЬ" ЧЕКИСТОВ

По учебникам уголовного права и уголовного процесса, которые изучались и изучаются в советских юридических вузах, для того чтобы осудить человека, требуется состав преступления, то есть доказательства вины, показания свидетелей, заключения экспертов и т. д. Советские органы государст-

венной безопасности в своей деятельности руководствовались совершенно другими принципами. Крамолу искали не столько в действиях, сколько в умонастроениях людей. Преступной считалась сама мысль, не совпадающая с линией партии, даже если линия была преступной. Но поскольку по советским законам за мысль судить не дозволялось, изымаемая нами переписка, наши "меморандумы" и спецсообщения никогда не фигурировали ни на предварительном следствии, ни в судах и приговорах. О них вообще не вспоминали, на них запрещалось опираться как на доказательства, хотя они-то и являлись основным доказательством преступления и прямым, непосредственным поводом для ареста. Частные письма людей, высокопарно утверждали законники, не являются формальным материалом для судебного преследования. МГБ — КГБ не имеет права оперировать на суде подобными письмами, приводить их в качестве доказательства своего обвинения, так как это обвинительный материал, добытый негласным путем, отчего ни в коем случае его нельзя обнародовать. Об этих письмах вообще не следует вспоминать. Однако, основываясь на них, оперативные работники комитета госбезопасности в любое время дня и ночи могли бросить человека за решетку — просто как подозреваемого, социально опасного, "не нашего", а потом уж искать формальные доказательства его вины. Подходящую статью всегда можно было подыскать, чтобы предать его суду и добиться "справедливого" приговора.

Обнаружение формальных доказательств "вины" любого неугодного не представляло ни малейших трудностей для многоопытных сотрудников МГБ. Имелись статьи, которые годились буквально на все случаи жизни, по которым "виновных" можно было судить открытым судом, не опасаясь обвинений в незаконных действиях. Имелась, например, специальная статья, карающая за невоздержанность на язык, то есть за антисоветские высказывания, за анекдоты, другая статья предусматривала суровое наказание "социально опасных элементов" и т. д. В общем, советская власть предусмотрела буквально все, чтобы обезопасить себя от миллионов "врагов". Разумеется, никакой законности при рассмотрении дел не соблюдалось. Правовые критерии никого не интересовали. Суд обязан был руководствоваться лишь "классовыми интересами" и "революционным провосознанием" даже при полной несостоятельности обвинения.

Говоря о вопросах нарушений законности в СССР, создается впечатление, что коммунистическая партия Советского Союза сознательно скрывает от народа правду. После XX съезда она правонарушения уже не отрицает, но почему-то всегда связывает их появление с именем Сталина и обвиняет его в создании условий для многочисленных нарушений. Это не соответствует действительности. С самого начала существования советской власти ЧК не только нарушала, но вообще не признавала законности. Уже в первый день создания ЧК ее первый председатель Феликс Дзержинский в докладе на заседании Совнаркома сказал совсем недвусмысленно: "Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции, юстиция нам не к лицу. У нас не должно быть долгих разговоров. И я требую одного — "организации революционной расправы". Для этого и были созданы "военно-революционные трибуналы", "карательные отряды", "чрезвычайные штабы", которые привели в ужас всю страну.

Ленин в феврале 1922 года писал наркому юстиции Курскому, что следует руководствоваться "нашим революционным правосознанием". А что такое "наше революционное правосознание"? Все, что угодно, только не законность, не правопоря-

док. Так что все попытки обелить Ленина, показать его человеком гуманным — бесполезны. Он является отцом всего того, что впоследствии до абсурда развил Сталин.

Нас, цензоров, не должна была интересовать судьба людей, брошенных в тюрьму по нашим доносам. Машина тайно перемалывала им кости, а мы, по существу, главные виновники их беды, доносчики и сексоты, продолжали спокойно ходить на работу, тщательно мыть (умывать?) руки, чтобы на проверяемых письмах не оставалось следов нашей честной, столь нужной партии и государству работы; класть затем по 200—250 писем по левую сторону от себя и приступать к своей внешне совершенно невинной канцелярской деятельности.

По декларациям коммунистов, "самым ценным капиталом" для них является человек. А вот нам, коммунистам-цензорам, не полагалось интересоваться жизнью, судьбой людей, репрессированных на основании наших доносов. Впрочем, о них мы узнавали из специальных справок, присылаемых оперативными отделами областного управления МГБ. Ежеквартально эти отделы направляли в отделение "ПК" справки с перечислением количества людей — арестованных, осужденных, подвергнутых "оперативной разработке" на основании наших "меморандумов". Все это — без упоминания фамилий, одни лишь голые цифры, так сказать — справка о действенности нашей работы, о выполнении или перевыполнении заданий, если говорить языком производственников. Нам, однако, нетрудно было догадаться, о ком идет речь, чьи фамилии скрыты за сухими, молчаливыми цифрами. Ведь мы писали "меморандумы", и знали на кого писали, а кроме того, фамилии людей, попавших в чекистскую мясорубку, в наших "списках" никогда больше не появлялись, и письма от них переставали поступать.

Раз запрещено, значит, запрещено. Мы и не интересовались судьбами исчезнувших. Такое занятие, как всякому ясно, было бесполезным и опасным. Но вряд ли был цензор, который хотя бы на миг не призадумался, не пропустил бы через сито совести своей такую примерно мыслишку: "Люди исчезают только потому, что осмеливаются подвергать сомнению действия партийных или советских чиновников, отчего считаются опасными для советской власти". От таких мыслей, однако, не то что до каких-либо действий, даже до "оргвыводов" было еще очень далеко.

Главным направлением в работе МГБ считалась контрразведка, борьба с вражеской агентурой внутри страны. Так значилось в теории, в уставах, положениях, инструкциях, так утверждалось в печати, в кинофильмах. Конечно, отчасти они этим занимались, но на самом деле славные "рыцари революции" прежде и прежде всего преследовали невинных людей. Подтверждением сказанного может служить работа нашего отделения "ПК", всего отдела "В". То был один из самых громоздких отделов нашего управления, но он вообще не занимался разведывательной или контрразведывательной деятельностью. За семь лет моей работы в этом отделе не было обнаружено ни одного письма с тайнописью, кодами, шифрами, симпатическими чернилами или ультрафиолетовыми лучами. Не встречалось и писем с наколотыми буквами, которые можно обнаружить при помощи лупы. Не было даже самых примитивных писем, написанных молоком, какие в свое время Ленин в тюрьме писал на промокашке... При современном уровне развития науки и техники смешно даже подумать об использовании письменной переписки в шпионских целях. Значит, не за шпионами охотились наши оперативники, а вместе с ними и мы. Тайная советская цензура занималась слежкой за мыс-

лями и чувствами своих сограждан. Выражаясь на нелепом жаргоне чекистов, даже мысли людей должны быть "оцензурированы". Исходя из такой прозрачной установки, отделение "ПК" способствовало оперативным работникам в выявлении инакомыслящих. Мы действовали в русле основополагающей установки социалистического реализма: репрессиями, конфискацией писем, всеми возможными иными мерами старались заставить упрямых, непонятливых советских граждан согласовывать свои высказывания в частных письмах с политикой партии, то есть отражать действительность не такой, какая она есть на самом деле, а такой, какой она предстает в фантастических снах оторвавшихся от земли большевиков-ленинцев.

То было время тотального террора. Народы Советского Союза трепетали при одном упоминании грозной фирмы МГБ. Никто не мог быть уверенным в завтрашнем дне. Каждому общественному строю присущи недостатки. Так вот, даже ужасы рабовладельчества бледнеют в сравнении с произволом, насилием, издевательствами, чинимыми чекистами в "стране победившего социализма". В этом царстве тьмы невозможно было найти хотя бы слабого лучика света. Мысли следовало прятать так глубоко, чтобы никто о них не догадался, чувства подавлять без пощады, что же касается действий, то они должны были ежедневно, ежечасно подтверждать твою готовность служить партии, отдать жизнь ради торжества ее справедливого дела. Я пользуюсь словечками из лексикона разнузданной советской пропаганды — это для того, чтобы читатель глубже проникся атмосферой, отравленными парами которой годами, десятилетиями дышет простой советской человек. Чекисты руководствовались одним лишь волчьим законом в своей деятельности: "Был бы человек, а дело найдется".

За показным урапатриотизмом чекистов скрывались, разумеется, чисто личные, вполне земные, корыстные цели: любой ценой удержаться на должности, при случае — подняться на ступеньку выше. Средствами для достижения цели здесь не брезговали. Чтобы завоевать славу опытных следователей, избивали, истязали арестованных, силком вырывая у них признания в несовершенных преступлениях. Чтобы получить повышение по службе, предавали коллег, которые, чаще всего, ничего лучшего и не заслуживали, ибо сами стояли на тех же этических позициях. Словом, настоящий клубок змей, гадюшник, осиное гнездо, где, в полном соответствии с законами животного мира, выживал сильнейший. Простите, в данном контексте правильнее будет сказать — подлейший, наиболее изворотливый, хитрый, жестокий.

Мысленно возвращаясь сейчас к тем далеким дням, вспоминая людей и события, я обнаруживаю следующее: хотя сотрудники МГБ решали судьбы миллионов людей, "безошибочно" определяли, кто есть "враг народа", смело выступали от имени партии и народа, — ни у одного из них не было высшего образования, специальной юридической подготовки. Вообще не было у них никакой профессии. Да и зачем она им нужна была? Само звание чекиста — разве это не профессия? Они даже гордились этим своим званием, свысока взирали на всяких там токаришек или ковырявшихся в навозе крестьян, а интеллигенцию вообще за людей не признавали. Тут, надо признать, они были верными последователями всех советских вождей во главе с Лениным, всегда считавших интеллигенцию корнем всех зол. Но как можно было практически невежественным людям доверять решение человеческих судеб? Трудный вопрос, на

который однозначного ответа не найти. Вероятно, партия знала, что они — при всех их недостатках — единственная ее опора. Классовый инстинкт заменял таким людям знание, интеллект, разум, сердце. Туманный, опасный критерий, но не было у партии, насильственно захватившей власть и желавшей ее удержать вопреки воле подавляющего большинства народа, другого выхода. Только убийцы, палачи могли стать ее надежной опорой.

И опора действительно оказалась надежной. Партия закрывала глаза на некоторые "проделки" своих рыцарей, зато получала стражу, сравнимую разве что со средневековой опричниной. Чекисты рьяно выполняли все инструкции, приказы, подобно эсэсовцам, не задумывались над тем, преступны ли их действия, а преступными они были в подавляющем большинстве случаев. Они не считались со временем, "трудились в поте лица" и днем, и ночью, и в будни, и в праздники...

Я был в одном логове с волками, вместе с ними присутствовал на партийных собраниях, торжественных заседаниях; по вечерам, прячась от нескромных глаз, заглядывал к ним по служебным делам; в редкие свободные часы с ними вместе опрокидывал рюмку-другую водки. Все они были со мной вполне откровенны, считая меня "своим". Сейчас мне самому не верится, что они были моими друзьями, товарищами, что кроме них в Чите у меня не было добрых знакомых. С ужасом, содроганием вспоминаю, с какой гордостью они носили чекистские знаки отличия, форму, манеру их поведения — высокомерную, презрительную в общении с арестованными, подозреваемыми, просто гражданами, угодливо-подхалимскую перед вышестоящим начальством... Этот тип чекиста формировался со времени ЧК — МВД — МГБ — КГБ. И я тогда еще гордился принадлежностью к их "клану"...

Смешно подумать, представить, но... Иногда я на считанные секунды как бы забываюсь, впадаю в дрему. И вдруг память, услужливо-жестокая память бывшего чекиста возвращает меня в далекое прошлое. Соблюдая все правила строжайшей конспирации, я пытаюсь войти в здание читинского управления МГБ, куда меня вроде бы срочно вызвали... Туда-сюда снуют знакомые товарищи по работе... И вдруг мне становится страшно. Я переживаю мгновение испуга, ведь это уже не то МГБ, где я служил, а КГБ, которому известно, что я уже давно не тот, прежний, а другой, совсем-совсем другой, предатель их "святого дела", "отщепенец", лютый враг... Какими уничтожающими взглядами они на меня смотрят!..

Но нет, это коротенький кошмарчик, я открываю глаза, и он исчезает. Ну и слава Господу! Я — здесь, они — там.

Хочется хотя бы вкратце обрисовать некоторых "замечательных" чекистов, работавших в те годы в читинском управлении МГБ. Четче других почему-то запечатлелся в памяти образ начальника следственного отделения майора Иванова-Михайлова. Может, потому, что видом своим и повадками он больше других подходил к тому идеальному типу чекиста, который соответствовал представлениям советских людей. Не знаю, почему у него была двойная фамилия. Выглядел он как боксер-тяжеловес. Взгляд его наверняка внушал страх и ужас тем, с кем он соприкасался в процессе, так сказать, исполнения своих непосредственных служебных обязанностей. Когда доблестный майор дружески пожимал мне руку, я морщился от боли. Нет, не случайно этот молодой еще человек занимал столь высокое положение — своими внешними данными, физической силой, бездуховностью он наверняка заслужил особое расположение высокого начальства, знавшего толк в подборе чекист-

ских кадров. Иванов-Михайлов оправдывал высокое доверие, трудился не считаясь со временем, преуспевал, удостаивался всяческих похвал и наград, а в МГБ награды, как известно, выдаются за вполне определенные заслуги. Нетрудно догадаться, каковы именно были заслуги Иванова-Михайлова. Мы с ним трудились на разных участках, но судьба-индейка столкнула нас, заставила даже стать приятелями.

Так как Иванов-Михайлов занимал весьма ответственный пост, от него требовали "политической зрелости" (отнюдь не юридического образования), а политически зрелым можно было стать, лишь посещая, вместе с другими руководящими сотрудниками МГБ, вечерний университет марксизма-ленинизма. Там-то мы с ним и познакомились.

Как всякий новый сотрудник, я прилежно занимался, принимал активное участие в семинарских занятиях, в общем, выделялся из общей серой массы "студентов". Он заметил мое рвение, мои способности и однажды попросил зайти к нему в кабинет. Там, с глазу на глаз, он начал жаловаться на перегруженность работой, на недостаток времени для подготовки к занятиям. Затем откровенно заявил, что рассчитывает на мою помощь. Дело, собственно, заключалось вот в чем: зачеты по сочинениям классиков марксизма принимались только при наличии хорошего конспекта, а чтобы составить конспект, надо было прежде довольно основательно проштудировать означенные сочинения. Туповатый Иванов-Михайлов, разумеется, в науках, в отличие от товарища Сталина, никакого толка не знал. Классики, конспекты — все это являлось для него смертной мукой, ибо резко отличалось от той работы, которую он с удовольствием повседневно выполнял на своем высоком посту. Так

вот, не соглашусь ли я составить для него конспекты? Разумеется, наш уговор надо хранить в глубокой тайне, ибо есть у него завистники, да и вообще...

Вот так в течение двух лет учебы мой новый "друг" использовал мои конспекты. В награду за услуги он, бывало, приглашал меня в ресторан. Не одну рюмку выпили мы за дружеской беседой. Конечно, со мной он был вежлив, любезен, расточал мне улыбки, хлопал по плечу. Глядя на него со стороны, никто бы не подумал, что этот рубаха-парень, этот душа-человек со своими подчиненными ведет себя как барин, а с подследственными...

От людей весьма компетентных мне не раз доводилось слышать, что СССР добился одного несомненного успеха: отодвинул предел выносливости человека, увеличив его многократно. На этот счет у советских органов имелось свое особое мнение. Я нахожу уместным воспроизвести здесь слова Иванова-Михайлова, сказанные им в связи с данной темой, потому что считаю его несомненным экспертом в указанной области человеческого творчества. Он сказал примерно следующее: "Если кто-нибудь станет утверждать, что не мог выдержать "этого", потому что "это" оказалось выше его сил, не верьте ему: человеку дается сил ровно на столько, сколько он в состоянии вынести". Сказано несколько туманно, но вместе с тем достаточно ясно.

Вот когда я предельно четко представил себе, чем занимается уважаемый товарищ майор, возглавляющий целую группу таких же рьяных шакалов, как он сам. И еще я понял: не из идейных побуждений они "работают", а исключительно из карьеристских, шкурных. После разоблачения грязных, преступных деяний советских органов МГБ (частичного, конечно, я бы сказал даже, мизерно-

го) у меня уже не осталось и тени сомнения в том, что "парни" типа моего "друга" Иванова-Михайлова как раз и были теми мастерами пыток, которые пребывали в непоколебимом убеждении, что за свои незаконные действия не понесут никакой ответственности, ибо выполняли приказ начальства... И действительно, партия, посылавшая, вдохновлявшая их на "подвиг", полностью оправдала все их действия, свалив всю вину за случившееся на "культ личности". Что тут скажешь? Остается лишь вспомнить, с каким пылом требовала та же партия наказания нацистских военных преступников, тоже ведь подпавших под влияние культа, только другой, с исторической точки зрения, не столь счастливой личности.

Органы ЧК — МГБ — КГБ всегда козыряли тем, что им все обо всех известно, иными словами говоря, — что они всевидящи и вездесущи. Определенная доля истины в этой легенде есть. Не все, но очень многое они действительно знают. А объясняется это тем, что весь запуганный насмерть народ состоит практически в тайных осведомителях у этого милого учреждения. Кто из нас, простых смертных, в состоянии с точностью "до миллимикрона" сказать, сколько их, сексотов, в СССР? Каждый третий гражданин? А может каждый второй? Или просто каждый, без исключений?

В связи со сказанным выше вспоминаются появляющиеся в последнее время в иностранной печати сообщения о том, что каждый третий сотрудник такого-то посольства СССР (ГДР, НРБ, ЧССР...) — советский шпион. Ох, уж эта неистребимая западная наивность! Откройте шире глаза, дорогие господа! Можно еще сомневаться, что внутри страны победившего социализма все поголовно сексоты, но в том, что все без исключения сотрудники советских посольств за границей выполняют прямые задания КГБ, сомнений быть не

может. Более того, все сотрудники советских торговых представительств, Аэрофлота, других учреждений — тоже шпионы. Даже невинные туристы, получающие визы, скажем, для посещения родственников, живущих в странах свободного мира, имеют вполне конкретные задания от КГБ, в которых по приезде на родину должны отчитаться письменно.

Мне думается, не будет преувеличением, если я скажу, что каждый третий гражданин СССР — сексот. Сексоты прежде всего вербуются среди беспартийных. Почему? Все очень просто. Члены КПСС, выполняя свой партийный долг, и без специальной вербовки выполнят любое задание, ответят на любой вопрос чекистов. Они практически готовые сексоты. Но за ними ведь тоже нужен глаз да глаз. Понятно, что бдительнее всех будут следить за коммунистами именно беспартийные, которые ненавидят партийцев за их привилегии, за их готовность ради карьеры поступиться своими убеждениями, ибо все меньше и меньше чудаков, вступающих в КПСС по глубокому внутреннему убеждению в правоте ее "бессмертного дела".

Так была создана сеть беспримерной слежки — всеобщей, всеохватывающей, одним словом, — тотальной. А поскольку ее существование отнюдь не держалось в глубокой тайне — вероятно, у МГБ были на то свои соображения, о которых не так уж и трудно догадаться, — атмосфера всеобщего страха, подозрительности, недоверия стала привычной в стране, где когда-то Тарас Шевченко написал свои знаменитые строки, не подозревая, как жестоко он оскорблял николаевский режим, бывший раем в сравнении со сталинским. Помните:

От молдаванина до финна
На всех языках все молчит?

Это сказано о временах, когда во весь голос

гремели стихи Пушкина, Лермонтова, повести Гоголя, первые произведения Толстого, романы Тургенева...

Что ж, иные времена, иные нравы. Ни царю Николаю Первому, прозванному Палкиным, ни его главному "чекисту", начальнику Третьего отделения тайной полиции графу Александру Бенкендорфу никогда даже в голову не приходила такая, к примеру, фразочка, произнесенная главным борцом с самодержавием, главным борцом за свободу трудового народа В. И. Лениным: "Хороший коммунист должен быть хорошим чекистом". Или лозунг партии "Будьте бдительны, отцу родному не верьте"! Ни один царь или граф не возвел бы в ранг героя сына, предавшего отца своего, как это сделал И. В. Сталин, повелевший советской молодежи, всем советским гражданам следовать "патриотическому" подвигу доблестного пионера Павлика Морозова.

Важнейшим достижением чекистов внутри страны следует считать "изобретение" нового, особого вида страха, страха советского, социалистического. Это страх ни в чем не повинных людей перед органами, перед их многочисленными помощниками "из народа". Даже доносчики трепетали перед доносчиками. Практически вся культурная жизнь страны была парализована: писатели, журналисты, художники, композиторы создавали только то, что требовалось в постановлениях партии, то есть агитки, не имевшие никакой художественной ценности, наподобие известной картины "Утро нашей родины", где в образе утра выведен усатый Коба. Низкопоклонство, подхалимаж, пресмыкательство — вот единственные черты искусства социалистического реализма. Простые люди "горячо одобряли политику партии и правительства", то есть везде, всегда, неизменно голосовали "за", демонстрируя преданность коммунистическим идеалам,

"родной коммунистической партии". Недавно еще в газетных статьях мелькали такие фразы: "Как указывает Леонид Ильич Брежнев...", "Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев...", "Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев учит нас..." Затем точно в таких же выражениях превозносился "гений" Ю. В. Андропова. Ныне "учит" Горбачев. Ничего не меняется. Культ личности процветает, несмотря на "решительное разоблачение" любого культа личности на XX съезде КПСС. Без культа личности в тоталитарном государстве не обойтись. Гениальная личность, возглавляющая непогрешимую партию — вот религия, насаждаемая в Советском Союзе. А ее насаждением как раз и занимается МГБ — КГБ. Нагнетанием страха перед возмездием еретикам.

Что ж, в той же мере, в какой партия обманывает народ, внушая ему веру в его счастливое настоящее и еще более счастливое будущее, народ обманывает родную партию, притворяясь любящим, преданным ее идеалам сыном, слугой, Бог знает кем еще. Ложь, лицемерие искренности породить не в состоянии. По семени — и урожай. Партия и ее органы это знают. И не шибко кручинятся. Притворная любовь вместо искренней — это все же лучше, чем откровенная ненависть, полагают высшие руководители КПСС и непрестанно укрепляют ряды органов государственной безопасности, призванные прежде и прежде всего обеспечивать безопасность правящей партии от любых возможных посягательств на нее со стороны собственного народа.

Страх был и остается всеобъемлющим. Не только обыкновенные граждане объяты им, но и весьма высокопоставленные партийные чины. Стоит им только увидеть удостоверение личности сотрудника органов, как немедленно всякая спесь спа-

дает с них, и они готовы выполнить любую "просьбу" чекиста. Даже одно только магическое слово КГБ мигом меняет их внешний облик и настроение. Рефлекс, выработавшийся за несколько десятков лет борьбы за выживание в обстановке массовых чисток, репрессий, расстрелов, ссылок, арестов...

Лгать, так уж до конца. Животный страх, породивший всенародную готовность к секретному сотрудничеству с органами, эти последние выдают за подлинную любовь к ним всего советского народа.

Мне не раз приходилось наблюдать разнообразные проявления страха перед МГБ. Помнятся какие-то очередные выборы в Верховный Совет СССР. Наша партийная организация, как это принято всюду в стране, направила меня на избирательный участок для агитационной работы среди избирателей. Во время одной беседы двое пенсионеров попросили меня выяснить причину задержки полагающейся им пенсии, которой вот уже несколько месяцев они тщетно добиваются. А председателем избирательного участка был подполковник Волков, начальник отдела "Р" (глушение заграничных радиопередач) читинского управления МГБ. Он-то и посоветовал мне проверить эти жалобы. На прощание, как бы между прочим, посоветовал: "Вы только при разговоре обязательно покажите свое удостоверение личности". Я немедленно смекнул, что у Волкова имелся огромный опыт в обращении с разными людьми и он отлично знал, каково действие нашего удостоверения на них. Действительно, хотя с тех пор прошло много времени, я прекрасно помню, какое, в полном смысле слова, ошеломляющее действие произвело мое удостоверение на деятеля, повинного в задержке пенсий. На его лице мигом появилось выражение страха и растерянности, и голос его заметно вибрировал, когда он стал оправдываться, сваливая всю вину за случившееся на своих якобы сильно перегруженных работников. Он тут же пообещал, что лично займется этим вопросом и чуть ли не клятвенно меня заверил, что в течение одного дня старичкам будет начислена и полностью выплачена полагающаяся пенсия. И действительно, на следующий же день двое пенсионеров явились к председателю избирательного участка подполковнику Волкову, чтобы горячо поблагодарить его за чуткость, заботу и внимание.

Как видите, и КГБ занималось филантропией. Но такое случалось редко, лишь в таких вот обстоятельствах, когда надо было "умаслить" людей, чтобы они охотнее опускали бюллетени "за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных". Вообще же, как совершенно правильно отмечают сами чекисты, МГБ — КГБ — "не благотворительное учреждение".

Кстати о Волкове. Этот человек умел делать карьеру. Он быстро продвигался по служебной лестнице благодаря собачьему своему нюху на конъюнктуру. О случае с пенсионерами он, например, немедленно сообщил в редакцию областной газеты "Забайкальский рабочий". Через несколько дней появилась обширная статья о связи партии с избирателями, о ее заботе о благе народа, о передовой роли коммунистов в организации масс и т. д. и т. п. Неудивительно, что избирательный участок подполковника Волкова был объявлен лучшим в области и поставлен в пример остальным. При этом, разумеется, мало кто знал место работы Волкова. Будь это широко известно, неизбежно возник бы неприятный вопрос: что это за "свободные" выборы под эгидой офицера МГБ?

В упомянутой газетной статье фигурировала и моя фамилия. Разумеется, не упоминалось в ней, что я проверял жалобу избирателей с помощью

удостоверения личности МГБ. Что ж, все было правильно. Я ведь только как бы случайно показал удостоверение, а об органах даже словом не заикнулся. Вот каким образом и я стал соучастником нагнетания страха перед МГБ. Правда, вскоре после описанного случая я потерял "связь с народом"; став негласным сотрудником органов, я тем самым остался без удостоверения личности всемогущего учреждения.

Работая в военной цензуре, я считал себя вправе поддерживать приятные для меня знакомства. Так, я сблизился с некоторыми ведущими актерами Читинского областного драматического театра, в частности, с заслуженными артистами РСФСР Яковлевым и Агафоновым. Нередко мы вместе проводили время за "пулечкой" в партии преферанса. Почти все артисты проживали в одном коммунальном доме (если кто-нибудь из них переезжал работать в другой город, его жилплощадь доставалась новоприбывшему). Казалось бы, в такой дружбе ничего преступного не может быть. Но вот я стал негласным сотрудником "ПК". И тут начальник отдела подполковник Макаров немедленно предупредил меня, чтоб я старался избегать встреч с артистами, так как эти люди находятся под постоянным наблюдением органов и мое присутствие среди них не только нежелательно, но и недопустимо.

Высокое доверие, которым были облечены органы МГБ, в общем-то, не влияло на их внутреннюю жизнь. Как в любом другом "простом" советском учреждении, там тоже культивировалась привычка побаиваться начальства, вспыхивали разные конфликты, процветало интриганство, взаимное подсиживание, нетерпимость, зависть, вражда, не исключались даже такие ЧП, как казнокрадство. Создавались группы, между которыми шла тихая грызня или открытая борьба, в которой,

как всюду и везде, побеждали сильнейшие. Вся эта крысиная возня прикрывалась красивыми словами о легендарных советских чекистах, о их уме, смекалке, героизме, об их беспримерных подвигах.

Побежденных ждала плачевная участь: их, как правило, исключали из партии и увольняли из органов. Нередки были и случаи, когда их постигала участь тех, над кем они сами измывались.

Мне запомнились некоторые внутренние чекистские конфликты — я присутствовал на партийных собраниях, где обсуждались персональные дела проштрафившихся. Вот, к примеру, "дело подполковника Сазонова", заместителя начальника отдела "В". Все его несчастье, собственно, заключалось в том, что он не поладил с новым начальником отдела подполковником Семаковым. Тот и воспользовался маленькой оплошностью своего заместителя. Суть дела сводилась к тому, что Сазонов посылал посылки своим родным через почту МГБ. Об этом было известно всем, потому что все практиковались в недозволенном методе помощи матерям или женам, что было удобно и выгодно. Когда подполковник Семаков вступил в должность, он на почве каких-то мелких недоразумений со своим заместителем, возможно даже, — из желания избавиться от опасного конкурента, поднял вопрос об использовании им почты МГБ в личных целях на партийном собрании. А коль скоро вопрос уже поднят, уклониться от его обсуждения нельзя. И вот вчерашний "гордый, честный и неподкупный чекист", бледный, смирный, покорный, внутренне уже примирившийся со своей участью, стоит перед "товарищами", которые, подобно стае волков, только и норовят вцепиться зубами в него, больнее укусить, прикончить. Бедный Сазонов подавленно лепетал что-то о своей верности пар-

тии, о своем рвении на работе, о заслугах, стаже... Куда там! Участь его ведь была решена заранее, в кабинетах высшего начальства, в парткоме... Просьба Сазонова о снисхождении была отклонена, карающий меч обрушился на него. Его исключили из КПСС и уволили из органов.

Весьма показательной в этом смысле была также история полковника Протасенко, начальника второго отдела. Всюду и везде он проявлял активность, чаще других выступал на партсобраниях, высокопарно говорил о высоких требованиях, которые партия предъявляет советским чекистам. Протасенко любил щегольнуть знанием трудом классиков и, понятно, отца-основателя ЧК Феликса Дзержинского. Вслед за нашим общим шефом, правда, не без малозаметных искажений, он обожал повторять: "Чекист должен иметь горячее сердце, чистые руки и чистую совесть". Если бы он так назойливо не выскакивал где нужно и не нужно, я бы наверняка не запомнил, как кончилась его карьера.

Полковник Протасенко был обвинен не более, не менее как... в присвоении государственных средств. Во время обсуждения его персонального дела на партийном собрании выявились любопытные детали. Всем сотрудникам органов госбезопасности известно: их всемогущее министерство располагает солидными суммами так называемых "неподотчетных средств". Эти деньги чекисты распределяют как они считают нужным, никого не ставя в известность, на что они истрачены, кому именно вручены. Что ж, не секрет, куда они шли, эти иудины серебреники: прежде всего их получали за известные услуги тайные осведомители МГБ — КГБ. Кроме того, их употребляли на всякого рода непредвиденные расходы своих сотрудников, водивших в рестораны "нужных" людей, разъезжавших на такси и т. п. Вот эти-то неподотчетные

деньги как раз и присваивал верный чекист, рыцарь без страха и упрека полковник Протасенко. Нет сомнения в том, что и другие ответственные работники органов грели руки на подобных махинациях и что поэтому делишки бравого полковника никогда бы не были раскрыты, если бы под него не начал подкапываться сам начальник областного управления МГБ. По его указанию провели тайную ревизию неподотчетных средств, в результате которой и были вскрыты злоупотребления Протасенко.

На партийном собрании, главным "героем" которого он оказался, Протасенко даже не пытался сохранить подобие чувства собственного достоинства. Он увиливал от ответов, скрытничал, подличал, ссылался на секретность своей работы, вспоминал старые заслуги, взывал к чувству справедливости товарищей. Его поведение еще больше восстановило "честных" чекистов против него. Один за другим выступали они и в один голос клеймили лгуна. Впрочем, весь пафос их речей прежде и прежде всего объяснялся древним, как мир, инстинктом, повелевавшим пнуть ногой лежачего: в МГБ этот фашистско-чекистский инстинкт был развит, как нигде.

Подобные расправы с неугодными проходили в порядке так называемой партийной критики. Вроде бы честно, открыто, благопристойно. Между тем, они являлись ничем иным как жестокой борьбой за безбедное существование, за карьеру, за личное благополучие. Характерно: сам начальник МГБ на том собрании не проронил ни слова, хотя все знали, что именно он единственный его инициатор и вдохновитель. Словом, Протасенко был исключен из партии, уволен из органов, но, несмотря на присвоение огромных сумм, под суд его не отдали. Объясняется это просто: судить чекиста-казнокрада — значит запятнать честь мундира

советских органов. Кстати, точно такая же практика принята в высших кругах правящей коммунистической партии Советского Союза: достаточно вспомнить бравшего взятки крупными бриллиантами Мжаванадзе, бывшего первого секретаря ЦК компартии Грузии. Его с почетом проводили на пенсию, предоставили дачу под Москвой, подальше от глаз родного народа, которому многое, очень многое он мог бы поведать...

Чем больше думаю о былых временах, тем отчетливей понимаю: мы, сотрудники МГБ, жили какой-то призрачной, потусторонней жизнью. Мы не могли себе позволить иметь друзей, говорить, что в голову взбредет, ездить куда хочется, даже случайных любовниц заводить или просто флиртовать.

В конце сороковых сотрудники "ПК", как правило, вместе отмечали все праздники. В "складчине" принимало участие и начальство. Собирались мы на квартире нашей сотрудницы Гришиной, чей муж был негласным сотрудником пятого отдела. Наши жены все заранее приготовляли, столы ломились от яств и напитков. Конечно, вели мы себя тихо, соответственно занимаемому нами положению: веселились, танцевали, фотограф "ПК" Солодухин фотографировал всех на память... Словом, казалось бы, придраться не к чему.

Но вот в 1950 году, сразу же после встречи нового года, нас собрал у себя Новицкий. Он сказал, что о нашей новогодней пирушке стало известно в областном управлении МГБ, что за организацию этой встречи его крепко поругали и категорически запретили впредь проведение любых "сборищ". Начальник отдела и другие ответственные сотрудники из областного МГБ недоумевали, как это он, начальник отделения, который должен подавать пример в соблюдении правил конспирации, согласился участвовать в общих вечерах негласных сотрудников и даже допускал их фотографирование. Ему же должно быть хорошо известно, что массовые снимки тайных сотрудников делать ни в коем случае не разрешается.

На том наши веселые пирушки прекратились.

Само понятие "дружба" исключалось там начисто. Можно даже сказать определеннее: отношения между сотрудниками базировались не на верности и дружбе, а на пренебрежении к этим понятиям, идеалам. Дух непрекращающейся взаимной подозрительности властвовал в нашей среде самодержавно. И в нашей "буче боевой, кипучей" царил страх: каждый боялся слежки, подсиживания, доносов, процветавших, наверное, пышнее в нашем учреждении, чем в других, потому что у нас было за что "бороться". Чины, звания, путевки, премии, отпуска, командировки, оклады — все, решительно все у нас было выше, а потому завиднее, желаннее. Поэтому никто из нас не имел гарантии на неприкосновенность,и "дамоклов меч", который нами был занесен над головами других, мог поразить и любого из нас...

Как же "карающий меч революции" оборачивался против нас? Кое-какие примеры я привел выше. Но есть и примеры пострашнее. Они, в общем-то, описаны, в литературе. Вспомните судьбу многих "славных чекистов", уничтоженных своими же коллегами по приказу свыше или даже без оного — за "предательство", "шпионаж", за другие грешки или безо всякой вины вообще. Не о них речь. Я располагаю другими примерами, которые и приведу здесь в качестве доказательства бесчеловечности, жестокости, глупости и тупости органов госбезопасности Советского Союза.

Во время борьбы с "космополитизмом", когда от всех нас требовалось проявление высочайшей бдительности для выявления космополитов и

антипатриотов, из органов без всяких видимых оснований были уволены начальник второго отдела подполковник Ропский (его дальнейшая судьба мне неизвестна) и начальник отделения этого отдела майор Голуб. С майором Голубом я был хорошо знаком, и хотя мы работали на разных участках, иногда встречались и обменивались несколькими дружескими словами. Способствовало этому то обстоятельство, что он почти всегда носил штатскую одежду. Однажды мы вот так, случайно, вновь встретились на улице. Он очень обрадовался и, вроде бы шутя, сказал: "Вот и прекрасно, что я тебя вижу. Нам обязательно надо попрощаться". Ему было известно, где я работаю и почему избегаю появляться в общественных местах, вот почему он предложил занять в ресторане отдельный "кабинет", где можно будет свободно поговорить. Я заметил, что вид у него жалкий, подавленный. И все же его рассказ оказался для меня в высшей степени неожиданным. Но в его искренности сомневаться не приходилось. Выпив "для храбрости", Голуб со мной заговорил вполне откровенно и "под большим секретом" рассказал, что оба они, он и подполковник Ропский, уволены из органов и исключены из партии без всяких оснований, только за то, что "борцы против космополитизма" обязаны были и в своих рядах обнаружить и "обезвредить" хотя бы парочку врагов. Тут он произнес на идиш: "Вас кэн мэн махн?" (Что поделаешь?) и горестно пожал плечами, после чего добавил, что теперь с волчьим билетом должен возвращаться на родину, в Киев.

Вот такой был казус, и я тогда пожалел "беднягу". Очень скоро, однако, жалость испарилась: я понял, сколько дел состряпали эти двое на невинных людей за время своей работы в МГБ, сколько жизней искалечили. Жалеть их только

за то, что они были евреями? Дико ведь, неправда ли? Два еврея возглавляли деятельность самого оперативного отдела управления МГБ, откуда людей отправляли не в Киев, на родину, а прямехонько на острова архипелага ГУЛаг. Ведь им же еще сказочно повезло: не пытали их, не судили за совершенные беззакония, а простонапросто выгнали взашей — гуляй, делай что хочешь.

Помнится, вместе со мной в отделении "ПК" работали сестры-комсомолки Нина и Тамара Даниловы. Обе были активистками, хорошо занимались в сети партийного просвещения, с удовольствием посещали комсомольские собрания, выполняли какие-то общественные поручения. У обоих были идеально чистые анкеты. Мать жила вместе с ними, отец, как явствовало из документов, погиб в годы Отечественной войны в борьбе с немецкими фашистами. Мало ли было в те годы подобных судеб! Но вот в 1950 году в ясном небе грянул гром. Неожиданно на их имя из Западной Германии пришло письмо: отец, оказывается, жив, а не убит, был в плену, а после окончания войны оказался в ФРГ. Одолела его ностальгия, соскучился за детьми, вот и спрашивал у жены и дочерей совета, как ему быстрее вернуться к ним — в семью, домой.

Письмо, как положено, попало в международное отделение, в руки товарищей по работе сестер Даниловых, проверявших международную корреспонденцию в двух соседних комнатах. И что же? Верные воспитанницы комсомола, получив его, немедленно настрочили заявления о том, что отказываются от отца — предателя родины. Их мать даже в ЗАГС обратилась, требуя оформить ей развод с "таким" мужем.

Ничего, однако, не помогло. О чрезвычайном происшествии с сестрами Даниловыми тут же

было сообщено в отдел кадров, в тот же день их вызвали и без лишних сантиментов уволили из органов. Но это еще не все. Уже после увольнения их заставили написать отцу ответ следующего содержания: что живут они прекрасно, ни в чем нужды не испытывают; что вообще в стране уровень жизни сейчас гораздо выше довоенного; что рады весточке от отца, который, оказывается, жив-здоров и намерен к ним приехать; что огорчены его долгими страданиями вдали от них и надеются, ждут — не дождутся встречи с ним...

Только после того, как такое письмо было отправлено в Германию, сотрудники МГБ сочли вопрос временно исчерпанным, а свою миссию — выполненной: теперь они знали, что хотя их жертва еще далеко-далеко, но над ней уже навис карающий меч советских органов.

Впоследствии я не раз задумывался над этим трагическим случаем. Ведь речь шла о жизни и смерти наших товарищей по работе, ведь могло же случиться и так: поскольку в "ПК" у сестер Даниловых врагов не было, а были вроде бы одни только друзья, мог же кто-нибудь из группы "Списки" передать им в руки злополучное письмо, вместо того чтобы отправлять его в международное отделение. Были все шансы, что об этой маленькой хитрости никто не узнает. Никаких трудностей не составило бы также отправить без проверки ответное письмо отцу с просьбой прекратить всякие попытки списаться с ними, то есть не калечить жизнь жене и дочерям. Увы, утопические сны! Я ведь не раз уже говорил о том, что элементарные человеческие чувства сотрудники советских органов обязаны были жестоко подавлять прежде всего в самих себе. Нас воспитывали не на принципах любви, сострадания, верности, дружбы, а в пренебрежении этими идеалами, в презрении к ним. Вот почему рука сотрудника

группы "Списки" даже не дрогнула, передавая письмо, адресованное сестрам Даниловым, цензорам из международного отделения, хотя он наверняка догадывался о том, что его поступок предопределяет судьбу этих девушек.

Был в моей работе и такой случай. Однажды я получил из отдела "В" несколько писем на польском языке и на идиш, присланные, если память мне не изменяет, из Хабаровска. Соответствующий цензор находился в отпуску, а я его замещал. Я эти письма отправил адресатам, а в "меморандуме" по их поводу написал, как обычно принято в подобных случаях: "Документы семейного содержания, оперативной ценности не представляют, направлены по "А" (адресу) ".

На следующий день старший уполномоченный отдела капитан Р. В. Гольденберг во время случайной (или не случайной) встречи спросила меня, почему я не перевел несколько строк из письма на идиш. До тех пор я был уверен, что она ни читать, ни писать на этом языке не умеет. (Кстати, мы с ней состояли в дружбе — настолько, насколько это вообще возможно было в нашем милом учреждении). Она пристально посмотрела на меня, дав понять, что ей все известно, и тихо сказала: "Ты же знаешь, что я тебя уважаю, а поэтому прошу: будь осторожен и внимателен".

Да, в упомянутом ею письме содержалось несколько строк, к которым при желании очень даже легко можно было придраться. Я упоминаю об этом факте только потому, чтобы показать, что иногда можно было поступать не так, как положено по инструкции.

То не был единственный случай "умолчания" в моей цензорской работе. Когда я стал старшим группы (украинской), ко мне часто обращались коллеги, не знакомые с украинским. Таким образом, от меня зависела судьба многих писем, а,

стало быть, и их авторов. По долгу службы я был обязан руководствоваться исключительно требованиями инструкции в их оценке. Случалось, однако, что мне трудно было поступить против совести и я отправлял адресатам письма, подлежавшие изъятию. Я уже упоминал: то были письма спецпереселенцев, моих земляков, в глубине души я жалел этих несчастных и по мере сил старался им помочь. Если не помочь, то по крайней мере — не усугублять их и без того отчаянное положение. Я знал эту среду и никак не мог считать "вражеским" письмо старухи о их жизни, полной бедствий и страданий. Во многих случаях я стал даже сомневаться в правильности действий органов, мне казалось, что среди сосланных есть много ни в чем неповинных людей... и снова оговариваюсь, дабы никто не обвинил меня, что я корчу из себя героя: подобные "крамольные" письма я отсылал адресатам лишь в тех редких случаях, когда бывал стопроцентно уверен, что мое "преступление" не будет обнаружено. А такая опасность существовала почти ежеминутно. Впрочем, распространяться на этот счет не буду, дабы не получить сейчас, тридцать три года спустя, взыскание от КГБ.

Повторяю, все эти мои размышления вслух вызваны лишь трагической судьбой сестер Даниловых. Да, их можно было спасти, утаив то письмо. Вместе с тем, надо знать царившие нравы и не делать опрометчивых выводов. Существовало много подводных камней, о которых простой человек не может даже догадаться. Допустим, сотрудник группы "Списки" из жалости отдал бы сестрам письмо, попросив их сохранить его поступок в тайне. Была ли у него гарантия, что честные комсомолки сами не откроются начальству, что будет означать и конец его карьеры? А сестры Даниловы — могли они стопроцентно доверять товарищу, ведавшему списками? А если он провокатор? И потом, с какой стати тот сотрудник, в понятиях которого отец Даниловых был предателем родины, должен его покрывать и ставить под удар не только карьеру свою, но и жизнь?

Вот какие пироги, дорогой читатель!

Еще одна, не менее характерная история, разыгравшаяся на моих глазах. В областном управлении МГБ, в отделе "А" (архив) много лет работала Мария Николаевна Сергеева. В глазах начальства у нее была безупречная репутация, а до пенсии ей оставалось "трубить" не больше двух лет. К тому времени у нее подрос сын, получил аттестат зрелости и по окончании школы был принят в органы. Таким путем молодые сотрудники органов избегают призыва в армию.

Словом, все шло как по накатанной колее. Трагедия разразилась совершенно неожиданно. Внезапно выяснилось, что сын Сергеевой уже долгое время встречается с девушкой, живет с ней, и та ждет от него ребенка. Сергеева решила по возможности быстрее устроить свадьбу, но поскольку сын к тому времени уже работал в органах, анкетные данные его будущей жены подлежали проверке. Тут-то и заварилась каша. В ходе проверки выяснилось, что невеста происходит из семьи репрессированных. Причем репрессированы были не ее родители, а дед, которого сразу же после революции выслали в Читинскую область. Все равно скандал!

Мать и сын были приглашены к секретарю партийной организации и в отдел кадров, где им недвусмысленно было сказано: если сын женится, то и он сам, и мать будут уволены из органов.

Насколько я помню, парень был привязан к девушке и ни за что не соглашался расстаться с ней. Он готов был даже на величайшую жертву

ради нее — уход из МГБ. Но как быть с матерью, для которой увольнение было сопряжено с потерей пенсии? Вот перед какой дикой дилеммой оказались двое честных людей. И что же? Мать и сын остались служить в органах, а бедная невеста, не без помощи читинского МГБ, превратилась в мать-одиночку, судьба которой (вследствие ее "подмоченного" прошлого) мало кого волновала.

Это только один из бесчисленных примеров того, как органы МГБ беспардонно вмешивались в личную жизнь своих сотрудников, не считаясь ни с привязанностью, ни с любовью, ни с семейным или человеческим долгом. Кстати, ниже будет сказано и о том, как это бесцеремонное вторжение испытал на себе автор этих строк.

Припоминается мне и такой случай. Цензором военной цензуры № 10 работал некий лейтенант Калашников. Однажды на партийном собрании он покритиковал действия старшего уполномоченного капитана Черныш. Критика была справедливой, Черныш обещала учесть замечания и исправить свои ошибки. Но злобу на "критикана" затаила. И как только появилась возможность отомстить "коллеге", она не остановилась перед тем, чтобы исковеркать ему всю жизнь. Дело было пустячное, его могло бы и не быть: все "преступление" Калашникова заключалось в том, что он явился на работу из отпуска с трехдневным опозданием. В те времена единственным средством передвижения с Запада страны на Дальний Восток была железная дорога, а она,я уже упоминал, работала из рук вон плохо. Поэтому ничего удивительного в опоздании Калашникова не было. Многие опаздывали, и начальство в таких случаях лишь требовало объяснительную записку о причинах, на чем дело обычно и кончалось. Более того, за те дни "вынужденного прогула" нам даже платили зарплату.

Но такие и подобные им случаи могли стать и

предлогом для сведения личных счетов. Капитан Черныш не упустила шанса отомстить Калашникову, который не сомневался, что никакого преступления не совершил. По ее настоянию на него завели "дело". Он не только был уволен с работы, исключен из партии, но за "грубое нарушение" трудовой дисциплины получил еще пять лет ссылки. Впоследствии, как вольнонаемный, работал мастером на шахте Кадала, там, куда были сосланы западные украинцы. Поскольку он не являлся "социально-чуждым элементом", его назначили их начальником. Нет сомнения в том, что там он выполнял всевозможные задания своих бывших товарищей по работе.

Вспоминается свадьба сестры моей жены Клавдии Шмаковой. Она выходила замуж за старшего лейтенанта авиации Николая Петрушенко, и на этот брак ею было получено специальное разрешение, конечно, не письменное, а устное, от отдела кадров МГБ.

Свадьба проходила с большой помпой, пригласили нового начальника отдела "В" подполковника Семакова. Подняв тост за здоровье и счастье новобрачных, он сказал следующее:

— И жених, и невеста нами проверены, мы рады, что они входят в нашу офицерскую семью, и убеждены, что они станут достойными членами этой славной семьи.

Когда-то в царской России закон не разрешал офицеру жениться без согласия командования. Тот же закон, по существу, действовал и в МГБ, под пристальным оком которого каждый из чекистов находился до последнего своего вздоха.

Еще с дореволюционных времен Читинская область была местом ссылки политических заключенных. Эту славную традицию царского самодержавного правительства продолжала советская власть. Я уже рассказывал, что сюда, на вечное по-

селение, были отправлены десятки тысяч людей из Западной Украины. Среди ссыльных было также много грузин и армян, высланных в Забайкалье после второй мировой войны. Они вели широкую переписку с родными, все их письма, естественно, проверялись, и для негласной работы над этими письмами из Армении в читинское отделение "ПК" был направлен коммунист Живокьян, в прошлом в течение многих лет находившийся на партийной работе. Хорошо помню: то был образованный, интеллигентный человек, и этой своей интеллигентностью он выделялся из среды работников цензуры.

И вот однажды меня приглашают на закрытое партийное собрание, где разбирается персональное дело коммуниста Живокьяна. Последовало обычное в таких случаях решение: исключить из партии и уволить из органов МГБ.

В чем же состояло его преступление?

При негласной проверке исходящей из Читы корреспонденции было обнаружено письмо, посланное семьей репрессированных армян. В конверте лежала фотография Живокьяна, снятого рядом с репрессированным. Вот, собственно, и все. На партийном собрании выяснилось, что незнакомец был другом детства Живокьяна. Они не виделись много лет, и когда случайно встретились на одной из улиц Читы, тот пригласил Живокьяна к себе в гости. По словам Живокьяна, он и не подозревал, что его друг репрессирован, а потому не отказался от приглашения. Приняли его очень хорошо, как водится во всем Союзе, изрядно выпили, после чего решили сфотографироваться.

Между прочим, многие не любили Живокьяна. Скорее всего, именно потому, что он выделялся своей культурой и образованностью. Мне кажется, что и начальство не благоволило к нему, даже не очень ему доверяло, как бы опасаясь подвоха с его

стороны. Действительно, интеллектуал (настоящий, конечно) едва ли в состоянии долго терпеть варварские гэбистские законы — антигуманные, невежественные, грубые по форме своей и по содержанию. Кстати, я уже говорил о том, что в МГБ в те годы интеллектуалов не брали. Сейчас времена изменились, в КГБ работают только выпускники высших учебных заведений. Но, странное дело, они не интеллектуалы. Я говорю вполне серьезно. Приняв дух и букву внутренних законов КГБ, человек, будь у него хоть три вузовских диплома, перестает быть интеллектуалом. Ибо допросы, обыски, конфискация рукописей у писателей, слежка за умонастроением людей не только формально, но и по существу превращают людей, занимающихся подобными делами, в примитивные механизмы, в роботов. Вот почему бывшим советским людям показались столь нелепыми наивные надежды западных политиков и журналистов на то, что бывший шеф КГБ Андропов — "интеллигентный", да еще сверх того и "либеральный" политический деятель. К счастью, покойный Юрий Владимирович сам постарался побыстрее рассеять эти иллюзии.

Случай с Живокьяном запал в мою память. Я часто думал о его беде, но лишь после ухода из органов меня осенило: а не была ли вся его история ловкой провокацией? Если нет, то каким образом фотография могла оказаться у работников КГБ? Опыт в устройстве всяких провокационных дел у органов огромнейший, почему же им было не подложить маленькую свинку неугодному человечку, одним своим присутствием в рядах "славных рыцарей революции" вносящий диссонанс в их хорошо спевшемся хоре? Никакими фактами я, понятно, не располагаю, но уж больно было шито белыми нитками то давнее "персональное дело".

Если я неправ, то как объяснить другой случай, приключившийся лично со мной? Было это в начале моей карьеры, перед выездом в отпуск на родину, в Дрогобыч. Однажды я получил пачку писем, направленных специально для меня в отдельном конверте. То были письма на польском языке и на идиш. Проверяя их, я обратил внимание на то, что в одном из этих писем фамилия получателя идентична моей. Должен сказать, что фамилия у меня редкая, ни разу прежде мне не приходилось слышать ее в других местах. И вот, пожалуйста! Объявился однофамилец, да где бы вы думали? В городе Черновцы, совсем недалеко от Дрогобыча, куда мне в скором времени предстояло отправиться в отпуск.

По-видимому, органам любопытно было проследить за моей реакцией на данное письмо. Узнать, запишу ли я в блокнотик интригующий адрес, сделаю ли попытку письменно связаться с однофамильцем или во время отпуска постараюсь навестить его, чтобы узнать, не состоит ли он со мной в родстве. Дело ведь происходило в первые послевоенные годы, когда евреи с ожесточением в сердцах искали уцелевших родственников. Словом, начальство хотело меня прощупать — заслуживаю ли я доверия. Безусловно, за мной следили во время читки упомянутого письма. Не исключено, что получатель его был сотрудником органов, принявшим на время мою фамилию. Если бы я к нему явился в Черновцах, быть бы и мне, подобно Живокьяну, героем персонального дела. Увы, я обманул надежды моих начальников, в Черновцы не поехал...

Есть все основания думать, что меня провоцировали. Если я ошибаюсь, то почему позднее никогда больше не поступало ко мне писем на имя черновицкого Авзегера?

В наше сверхзасекреченное учреждение, как

было уже сказано, посторонние не заходили. Мы в него имели доступ лишь в рабочее время да в дни проведения партийных собраний или занятий по повышению нашего идейно-политического уровня. Все работники "ПК" обязаны были заниматься в разных кружках, согласно партийного графика. По мысли великих теоретиков марксизма-ленинизма, сидевших в Москве и оттуда "спускавших" всяческие указания в низы, кружки партийной учебы должны были формировать коммунистическое мировоззрение у советских людей, стало быть, и у нас, сотрудников "ПК". А коммунистическое мировоззрение само по себе подразумевало преданность партии и советской власти. Кроме того, в рабочее время, в минуты перерывов, практиковались читки центральных газет, политинформации. Все указанные мероприятия проводились исключительно силами коммунистов нашей организации. Посторонние инструкторы, лекторы, партийные работники нас не посещали. Считалось, что политическая цензура облечена высоким доверием, поэтому незачем другим партийным или советским организациям вмешиваться в ее дела. На самом же деле, видимо, такое положение было принято, исходя все из тех же соображений сверхконспирации.

В Советском Союзе обычно говорят: "Все мы ходим под горкомом или райкомом". А вот работники "ПК" не ходили ни под одной из названных организаций. Партийная организация "ПК" стояла на спецучете у первого секретаря горкома партии Пахомова. Лишь он и его заместитель, второй секретарь Орлов, знали о существовании нашего тайного учреждения.

Однажды Пахомов изъявил желание присутствовать на нашем отчетно-выборном партийном собрании. Даже на такой невинный шаг высокопоставленного лица необходимо было получить разреше-

ние областного управления МГБ. Соблюдая правила конспирации, привезли его вечером к нам, так что он даже не смог как следует разглядеть закуток, в который вошел. Пожаловал он в сопровождении начальника отделения Новицкого. Можно сказать, — под конвоем. Замаскированным кодовым звонком Новицкий при высочайшем госте не воспользовался. Условленным стуком он поскребся в дверь, которую и отворил вахтер. К приходу гостя внутри все было приведено в полный боевой порядок: "орудия производства" убраны, столы и шкафы опечатаны, помещение группы "Списки" заперто изнутри. То был единственный случай за все годы моей работы, когда "посторонний" переступил порог нашего святилища. Посторонним был первый секретарь читинского горкома партии.

Помнится, как, войдя в помещение, секретарь Пахомов взглянул на незнакомые серьезные лица присутствовавших, что-то такое, должно быть, на них прочел, потому что мгновенно утратил свой хозяйский начальственный вид, стал каким-то робким и неуверенным в себе. Это особенно проявилось во время его выступления. Говорил он медленно, часто делал паузы, тщательно подбирал каждое слово для построения тех фраз, из которых состояла его бледная казенная речь. Он поминутно оговаривался, что не знает специфики нашей работы, поэтому считает себя не вправе в нее вмешиваться, что хочет лишь коснуться деятельности сети партийного просвещения. Кстати, на том собрании никто из выступающих не обмолвился о негласной цензорской работе. Если бы после собрания кто-либо спросил бы секретаря горкома партии, чем конкретно занимаются коммунисты, работающие в этом учреждении, он очутился бы в затруднительном положении, не зная, что ответить. Но кто посмел бы задать такой

вопрос? У меня даже создалось впечатление — и у других наших коммунистов тоже, — что во время собрания бедный Пахомов об одном только и мечтал — как бы побыстрее покинуть наше столь секретное помещение и вновь очутиться на вольном воздухе.

Обычно на наших партийных собраниях много говорилось о неполадках в работе, о мерах по их устранению. Но такие высказывания никогда не заносились в протокол. В протоколах в разных вариантах лишь повторялись штампы о преданности родной коммунистической партии, о готовности выполнить все ее задания. При этом всегда подчеркивалась роль и значение органов в борьбе с врагами советского народа, упоминалось, что МГБ — это карающая сила, щит и меч революции, обезвредившая множество шпионов и диверсантов, а также врагов народа. Трескотня ужасающая, без конкретных фактов, без единой фамилии. Кончались собрания тем, что присутствующие, разумеется, единогласно, одобряли правильную линию партии, после чего бесшумно покидали конспиративное помещение.

НЕТ, МНЕ НЕ БОЛЬНО!

Помнится, незадолго до начала войны мне пришлось писать сочинение на тему крылатого изречения писателя Николая Островского: "Жизнь дается человеку только один раз, и ее надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы..."

Считать ли мне "бесцельно прожитыми" годы, проведенные на цензорских должностях в МГБ?

Конечно, сейчас, на склоне лет, я отлично понимаю, какой оценки заслуживает моя тогдашняя патриотическая деятельность на благо социалистической отчизны. Конечно, если бы можно было

время повернуть вспять, да снова начать жизнь, да с теперешним умом, — я бы постарался прожить ее по-другому. Но, с другой стороны, не было бы тогда на свете бывшего цензора Авзегера, которому, единственному, наверное, в мире, посчастливилось вырваться из коммунистического "рая". Не было бы, стало быть, и этих мемуаров, по которым любой желающий может себе составить представление о жизни в СССР, о такой ее неотъемлемой части, как тайная перлюстрация писем граждан "свободной" страны.

А теперь — риторический вопрос покойному Николаю Островскому, человеку, в чьей честности не может быть ни малейшего сомнения:

— Уважаемый Николай! В двадцать лет я прочитал Вашу искреннюю, честную, горячую книгу "Как закалялась сталь". Она произвела на меня неизгладимое впечатление, благодаря ей я, подобно Вам, стал убежденным коммунистом и делал все от меня зависящее, чтобы приблизить светлое будущее, о котором так светло мечтали Вы, во имя которого отдали свою молодую жизнь. Скажите же мне, Николай, скажите со всей присущей Вам прямотой: доживи Вы до середины пятидесятых годов, до годов семидесятых, не пришлось бы Вам с горечью сознаться, что годы отчаянной борьбы в гражданскую войну с белякам, с поляками и прочими врагами советской власти, годы индустриализации, коллективизации, годы ликвидации бухаринско-троцкистских и прочих оппозиций, словом, все годы Вашей длинной жизни прожиты напрасно? А, Николай? Честно, а? Ведь коммунистическая партия большевиков полностью обанкротилась — духовно, морально, выродилась в партию фашистского типа, какой она, впрочем, была с момента своего рождения, только ни Вы, ни я, ни миллионы других идеалистов не в состоянии были это разглядеть за дымовой завесой прекрасных лозунгов. Да и дожили бы Вы, Николай, до преклонных лет? С вашей честностью, прямотой — не стали бы Вы одной из первых жертв сталинского террора? Не поставили бы Вас к стенке наши доблестные чекисты? О, я знаю, Вы наверняка умерли бы с возгласом: "Да здравствует товарищ Сталин!" Только что бы это доказало? Что Вы патриот, не напрасно проживший свои годы? Нет, извините, Николай! Свой гимн коммунизму Вы писали, будучи слепым не только в прямом смысле этого слова, но и в переносном. Человек, проживший жизнь и умерший слепым, напрасно прожил свои годы. Человек, бывший слепцом, но прозревший, понявший, постигший и признавшийся в своих заблуждениях, не может быть обвинен в напрасно прожитой жизни.

Такова нынче философия бытия, Николай!

Вот что я сказал бы Николаю Островскому, будь он жив. Но его давно нет, а оголтелая советская пропаганда продолжает спекулировать на его книгах, похваляясь тем, что в рядах партии коммунистов были такие люди. Полноте, господа-товарищи! Да был ли он одним из вас? Этот честный парень, принявший смертную муку за идеалы, противоположные тем, которые вы воплощаете в жизнь, был не вашим, а нашим. Диссидентом! Инакомыслящим! Борцом за жизнь, за счастье, за свободу, а не фашиствующим хулиганом типа нынешних коммунистов-ленинцев. Если я ошибаюсь, если все-таки он навсегда связал бы свой долгий век с вами, палачами собственного народа, то грош ему цена во веки вечные!

Нет, не больно мне за прожитые годы. Я многое видел, многое понял, честно признаюсь в своих заблуждениях и счастлив, что мне дано довести мои ошибки до сознания других людей. "Там" это было совершенно немыслимо. Надо было вырваться "оттуда", чтобы такое стало возможным.

Что ж, приближаясь к концу своей исповеди, я хочу подвести кое-какие итоги. Мне кажется, одним из таких итогов будет попытка обрисовать обобщенный тип советского цензора.

За время официального существования советской цензуры тип этот оформился полностью, как некий вид животных, причем отнюдь не редких, отнюдь не исчезающих. Сколько же их насчитывается сегодня в стране победившего социализма, людей, зарабатывающих на хлеб исключительно проверкой чужих писем?

Точный ответ могло бы дать Политбюро ЦК КПСС. Впрочем, едва ли. КГБ знает больше, но, конечно же, будет молчать. Нам остается только сделать весьма приблизительный подсчет: если в Чите в 1953 году числилось не менее трехсот цензоров, то в масштабах страны Советов, с учетом увеличения "поголовья" данного вида, их никак не меньше двухсот тысяч. Целая социальная прослойка, ничего не производящая, но хорошо оплачиваемая и весьма уважаемая, куда более авторитетная и могучая, нежели класс-гегемон, якобы властвующий в стране.

Военная цензура. Тайная цензура. Международная цензура. И еще одна, о которой я не упоминал: вполне легальная, открытая цензура печати, радио, телевидения, так называемый "лит", официально — Государственный комитет совета министров СССР по охране государственных тайн в печати".

О "лите" стоит сказать несколько слов. Хоть он и существует в виде отдельной организации, его подчиненная связь с МГБ — КГБ никогда не составляла тайны. Чем же занимается это разветвленное, имеющее филиалы во всех городах и в большинстве райцентров страны учреждение? Да все тем же! Слежкой за мыслями людей, разоблачением инакомыслящих, сокрытием правды о советском строе и коммунистической партии.

Только не в письмах трудящихся, а на страницах сотен, тысяч газет, журналов, брошюр, книг, издающихся в СССР, в передачах радио, телевидения, в кино, театре, в живописи и музыке. Все это прочитывается работниками "лита" от корки до корки, все просматривается, прослушивается и без соответствующего разрешения в свет не будет выпущено. Даже пригласительные билеты на свадьбы или дни рождения, заказываемые в типографиях, проходят через "лит". Даже плакаты обществ по охране природы. Даже театральные афиши. Каждое слово рецензируется. Ни одна типография не выпустит ни одной строки без разрешения цензора из Главлита... а для такой работы, как нетрудно догадаться, требуются легионы трудолюбивых, знающих свое дело шакалов. Конечно же, это коммунисты!

Итак, первая заповедь: цензор обязательно должен быть коммунистом. Беспартийному даже мечтать нечего попасть в число цензорских легионов.

Вторая заповедь: ни в коем случае не брать в цензоры интеллигентных людей. По ходу повествования я тут и там обрисовывал штришками образ советского цензора. Теперь, обобщая, скажу, что подлинный интеллигент не может быть цензором не только по причине неприятия им этой нечистой работы, но также, пожалуй, даже прежде всего, по причине его неприятия органами. Зрелый читатель помнит, как во времена Сталина, да и Хрущева тоже, честили "интеллектуалов". Так вот, это норма советского образа жизни: не доверять интеллектуалам, по возможности "давить" их, ибо от них исходят все беды коммунистического режима: инакомыслие, диссидентство, эмиграция, антисоветские "пасквили"... В стерильных цензорских рядах таким людям места нет!

Отсутствие чувства юмора — третья заповедь. Цензор обязан быть "серьезным" человеком, внешним видом своим он должен производить впечатление солидности, надежности, какой-то даже тяжеловесности и неповоротливости, то есть носить во внешнем облике и во внутреннем мире своем те же черты, которые отличают советский общественный и политический строй. И в большинстве своем они именно такие, наши советские цензоры. Анекдотами они не увлекаются, по мере возможности стараются даже не слушать их, ибо для цензора — это несолидно. Не гоже для цензора выпивать в компании, чересчур веселиться, танцевать модные танцы. Он — представитель режима — и этим все сказано!

Четвертая заповедь — туповатость. Если человек и приходит в цензуру с живым, пытливым умом, то исполняемая работа через несколько лет непременно должна превратить его в этакое послушное животное, в высшей мере исполнительное, живущее согласно инструкции, не задумывающееся над противоречиями эпохи, не интересующееся передовыми веяниями, вернее, интересующееся ими только с точки зрения своего ремесла, которое диктует ему одну-единственную норму поведения, в свое время удачно выраженную М. Е. Салтыковым-Щедриным: "Не пущать!" Таким образом, цензор, как и режим, охраняемый им, — ретроград, враг прогресса.

И еще одна, пятая заповедь, — безжалостность. Может, по натуре своей, цензор — человек неплохой, даже мягкосердечный, добрый, отзывчивый. Если его отличают такие качества, он обязан их скрывать так, чтобы никто из начальства о них не пронюхал, ибо доброта несовместима с деятельностью советского цензора, более того, в корне противоречит ей. Никаких чувств, когда речь идет о "государственных интересах"! Отца родного не жалеть, если обнаружится, что он пишет враждебные режиму письма или листовки.

Во многих эпизодах, описанных мною на предыдущих страницах, читатель мог видеть, каковы они, цензоры военной цензуры, "ПК", международного отдела, то есть, те люди, которые осуществляют контроль за письмами "трудящихся". Сейчас, несколькими штрихами, я попытаюсь обрисовать обычного гражданского цензора, сотрудника "лита". Была у меня знакомая, долгие годы проработавшая в данном учреждении, а, стало быть, отмеченная всеми пятью заповедями, перечисленными мною выше. Однажды мы столкнулись на улице, разговорились. Разумеется, она стала болтать о своей работе. И вдруг, как обухом по голове, хватила меня такой фразой:

— А знаете, Леопольд Ионасович, позавчера я предотвратила стихотворение...

Я стоял, слушал, улыбался. А про себя думал: "Боже мой! Вот он, во всей красе, наш лексикон, выражающий всю суть нашей деятельности! Мы предотвращаем мысли, чувства, мы предотвращаем произведения литературы и искусства... Был когда-то, лет сто пятьдесят назад, такой "свирепый" царский цензор — А. Никитенко. Он тоже был обязан "предотвращать", а что на самом деле делал, гад? Пропускал, почти все пропускал, в том числе и явно враждебные самодержавию произведения великих русских писателей. И ничего! Никто его за это не покарал. Умер в своей постели, в кругу родных и друзей, и на похоронах за его гробом шли многие прославленные ныне классики... И имя его вошло в историю русской литературы, где он фигурирует отнюдь не как цензор, а как друг, советчик, помощник пишущей братии. А среди нас, советских цензоров, есть хоть один, кто войдет в историю? Черта с два! Цензуры-то ведь в СССР нет, есть только всякие

там невинные "ПК", "международные отделения", "литы", которые существуют и вроде бы не существуют. А цензоры — разве есть у них свое лицо? Нет, великих людей среди нас нет и никогда не будет!"

НЕИЗБЕЖНЫЙ ФИНАЛ

Первая грозная вспышка государственного антисемитизма в СССР, борьба с "безродными космополитами", казалось бы, должна была насторожить нас, евреев. Да, насторожила. Но как? Мы еще ревностнее выполняли свои обязанности, стремясь доказать советской власти свою верность, свою приверженность идеалам коммунизма. "Гляди, родная партия, какие мы хорошие, верные твои сыновья, как стараемся тебе угодить! Пойми свою ошибку и не повторяй ее!" — что-то в этом роде, наверное, бродило в те грозные дни в еврейских сердцах и умах.

И действительно, грозная волна накатилась и вроде бы отхлынула. Все мы облегченно вздохнули: партия поняла, партия никогда не ошибается, а если и допускает перегибы, то тут же немедленно исправляет их. Да здравствует партия!

Но вот наступил 1952 год. Вновь распоясались антисемиты на страницах газет и журналов, вновь запахло жареным! Что ж, думали мы, и эту волну пронесет, уж партия нас в обиду не даст!

Лично я так верил партии, чувствовал себя настолько твердо и уверенно, что летом 1952 года вместе с женой поехал отдыхать на черноморское побережье, в санаторий "Евпатория". С благословенного запада страны, такого уютного, теплого, культурного, мне никогда не хотелось возвращаться на восток — дикий, холодный, неприветливый, в Читу, где уже в сентябре приходилось облачаться в полушубок, валенки и шапку-ушанку, а в течение трех летних месяцев глотать носящиеся в воздухе пыль и песок. Давно уже лелеял я в душе дерзкую мыслишку попытать счастье, попросить перевод в одну из областей Западной Украины, поближе к родным местам.

Вернувшись домой, я решил действовать. У меня были все основания рассчитывать на поддержку отдела кадров и лично его начальника подполковника Бугая. Мы с ним были друзья, насколько возможна дружба в условиях нашего ведомства: частенько с женой бывали у него дома, куда нас приглашала его жена, работавшая вместе со мной в "украинской группе" "ПК".

И вот деловая встреча у него дома (кстати, последняя в истории нашей "дружбы"). Принял он меня дружелюбно, надавал массу полезных советов — как написать заявление, как оформить все документы, необходимые для получения перевода по собственному желанию.

Понятно, мы выпили за успех моего предприятия и, будучи под градусом, Вера Галицкая, жена Бугая, даже сказала: "Когда будем на западе в отпуску, обязательно заедем к вам".

С обещанной поддержкой начальника отдела кадров, следуя его мудрым советам, я обратился к своему непосредственному начальству, начальнику отдела "В" подполковнику Семакову с просьбой выдать мне характеристику вместе с согласием на перевод. Я рассуждал так: семь лет самоотверженной работы в отдаленных местах дают мне полное право для перевода, а, стало быть, и для разговора с начальником. И вот я сижу напротив него в его кабинете и "убалтываю" его. Я прочувствованно говорил о своей тоске по родным местам, о своем желании находиться рядом с оставшимися в живых родными и близкими мне людьми, о вреде забайкальского климата для моего пошатнувшегося здоровья и

прочее, что принято говорить в подобных случаях. Что же ответил мне подполковник Семаков?

— Вы прежде всего коммунист, товарищ Авзегер, поэтому не имеете право ставить личные интересы выше государственных. Мало ли где я хотел бы работать! Возможно, мне хочется жить в Москве. Но интересы государства и партии требуют, чтобы я находился здесь, и я нахожусь здесь. И вы... именно здесь вы приносите больше пользы органам, чем сможете принести в каком-либо другом месте, и я лично вашей работой доволен. Конечно, незаменимых людей у нас нет, но как начальник отдела я должен сказать, что в данный момент не вижу человека, который мог бы руководить "украинской группой" вместо вас. Кроме того, вы переводчик в "международном отделении", ваша помощь бывает необходима и областному управлению. Скажите сами, где я в Чите найду сейчас такого человека, как вы? Если вы настаиваете, я характеристику вам дам, конечно, хорошую. А вот согласия на перевод дать не могу. Вы мне нужны.

Двойственное чувство владело мной, когда я выходил из кабинета Семакова: с одной стороны, было ужасно обидно, что после семи лет работы в органах начальство отказывается удовлетворить мою, в общем-то, вполне понятную, законную просьбу; с другой же стороны, меня прямо-таки распирало от гордости, что меня так высоко ценят, что без меня не могут обойтись. Вот как высоко я взлетел в глазах начальства! Ай да я!

Пыжась, как индюк, я вернулся домой и рассказал, не без гордости, разумеется, о состоявшемся разговоре жене, которая мудро решила, что первый блин всегда бывает комом. Мог ли я тогда предвидеть, что произойдет со мной и такими, как я, несколько месяцев спустя, когда буквально в один день все мы взашей были выброшены

на улицу без всяких мотивировок и объяснений. А все из-за пятого пункта...

Во все время моей работы в органах госбезопасности жизнь как-то странно ограждала меня от столкновений с национальным вопросом, и прежде всего — с антисемитизмом. Можно сказать, я был почти ассимилированным евреем, образцовым продуктом ленинской национальной политики. Еврейскими делами я почти не интересовался, и только редко-редко, как в сорок девятом, какие-то смутные предчувствия, урызения совести на минуту-другую отравляли мне бездумное существование. Моей ассимиляции способствовали мой смешанный брак, партийная принадлежность, окружение.

Когда в послевоенные годы началась борьба с космополитами, я воспринял ее как обычную кампанию против проникновения чуждых нашему обществу идеалов, как борьбу с безыдейностью, формализмом, низкопоклонством перед гнилым Западом. Помню, нам был зачитан специальный "совершенно секретный" приказ МГБ. Смысл его сводился к тому, что органы МГБ обязаны повысить бдительность, ибо космополиты обманным путем пробрались в партию, причем на руководящие должности, чтобы успешнее разлагать ее изнутри. В общем, обычная комдребедень. А я, вместе с миллионами других, верил тогда в правдивость этой лжи и в необходимость всевозможных предупредительных мер для спасения советской демократии, социализма от посягательств извне при помощи подлых пособников внутри страны. Только где-то в самых-самых глубоких глубинах... Но сомнения, вернее, тени сомнения я героически отгонял прочь...

Сегодня всему миру известно, что кампания против "космополитов" была острием своим направлена исключительно против евреев, обви-

ненных в антипатриотизме, в еврейском буржуазном национализме, в попытках подрыва советской власти... Именно в то время были ликвидированы все учреждения еврейской культуры и искусства, начались дикие преследования еврейской интеллигенции, писателей. Практически эта кампания уже не прекращалась вплоть до провокационного дела "убийц в белых халатах".

Хотя много времени прошло с тех пор, тогдашние события, помнится, явились для меня полной неожиданностью. Не хотелось верить. А продуманность акции прямо-таки вопила о себе. Невозможно ж было поверить, что без санкции политбюро ЦК КПСС центральные, а вслед за ними и местные газеты развяжут разнузданную антисемитскую кампанию против евреев вообще и "врачей-убийц" в частности. Хотя еврейское население Читы было крайне малочисленным, на улицах, в общественных местах города можно было услышать враждебные, злобные антисемитские высказывания. Оскорбление евреев перестало считаться преступлением, как записано в той же пресловутой конституции, которая гарантирует и тайну переписки граждан. Под руководством партийных руководителей организованно проходили многочисленные собрания и митинги протеста против происков сионизма, империализма и реакции. Заранее заготовленные письма протеста, осуждающие "проклятых убийц", бездумно, с каким-то даже удовольствием подписывали десятки, сотни тысяч советских людей, "воспитанных в духе интернационализма и дружбы народов". Искусственно вызванный "народный гнев" грозил перерасти в откровенный погром. Искусственно ли? Не дремал ли зверь антисемитизма в душах советских людей испокон веков? Ему не давали рычать, показывать когти, поэтому до поры, до времени он молчал. Но вот сняли с

него цепи, спустили с цепи, и он заговорил во весь свой отвратительный голос...

Советский народ призывали к бдительности его вожди, откровенно разлагольствовавшие о выводах, которые необходимо сделать из потрясающего разоблачения "убийц в белых халатах". Так велась психологическая подготовка к "окончательному решению еврейского вопроса". Лавры Гитлера и Гиммлера не давали покоя Сталину и Берии. Но, замышляя свое черное дело, они упустили из виду конец нацистской авантюры...

Конечно, все это нам известно сейчас. Тогда же никто или почти никто не догадывался, что вся кампания, развязанная партией против евреев, должна была увенчаться их принудительной высылкой в Сибирь, в Биробиджан и другие глухие места для массовой ликвидации. Опыт в проведении подобных крупных операций у МГБ имелся немалый: вспомним высылки других народов и народностей, проведенные органами с блеском, которому наверняка бы позавидовали СС и гестапо.

Я обратил внимание на интересную деталь: в те мрачные дни ни в одной советской газете, ни в одном журнале не пережевывалась привычная советская жвачка о равноправии всех наций, о дружбе народов СССР, о пролетарском интернационализме. Когда нужно было, партия умела "забывать" свои самые боевые, самые привлекательные лозунги.

В потоке событий и информации о них мне вначале не удалось разобраться. Я мучительно старался постичь смысл происходящего. Невозможно было такому преданному коммунисту, как я, поверить в какие-то злодейские замыслы кумира, сидевшего в Кремле, "светоча коммунизма", "отца народов", "корифея всех наук". Нет, думал я, что-то тут не так, кто-то от Его имени мутит

воду, но Он-то ведь все видит и слышит. Он, конечно же, хочет посмотреть, кто именно занимается черными делами, чтобы взять его за жабры и казнить позорной смертью Амана.

Я уже слышал грохот рушившихся стен веры в партию, в Сталина в моей смятенной душе. Но нужен был еще один, решительный толчок...

Кстати, интересно, как реагировали на те события советские люди, письма которых проходили через мои руки. Последние чужие письма, проштудированные мною.

Надо отдать должное подавляющему большинству моих милых сограждан. Дружно выражая недовольство многими мероприятиями партии и правительства, не соглашаясь с генеральной линией и со многими линиями, далекими от генеральности, ругая коммунистов, облаивая колхозы, матеря начальство, охаивая торговлю и т. д. и т. п., в еврейском вопросе они проявили удивительное единодушие с партийными установками. Оказалось, что даже кровные враги могут стать братьями, когда речь заходит о преследовании евреев.

Не было почти письма, в котором не упоминалось бы о деле еврейских врачей и их преступных диагнозах в лечении "дорогих" вождей. Поток оскорблений в адрес евреев вообще лился обильно, как вешние воды. Злорадство, наигранный гнев, возмущение, злопыхательство — разнообразный букет низменных чувств и мыслей — все это посвящалось нам, евреям, имевшим несчастье вызвать гнев усатого вождя. Как бы угадывая Его сокровенные желания, намерения, авторы многих писем призывали сослать всех без исключения "жидов" в Биробиджан, "где им всем место". Многие прямо призывали к физической расправе с евреями — "доделать то, что не успел завершить Гитлер". Более "гуманные" ограничивались требованиями отказать евреям в доверии,

не назначать их на ответственные должности, ибо "все они мошенники, спекулянты, воры". Понятно, что в годы войны евреи воевали "на пятом украинском фронте" (то есть, отсиживались в благополучных городах и селах Средней Азии), в то время как русские, украинцы и другие "кровь за них проливали". Наиболее полное отношение "народа" к презренному иудиному племени выражено в сочиненной в годы войны или сразу же после войны частушке, запомнившейся мне потому, что она приводилась не в одном письме. Вот этот шедевр:

Чайнички!...
Все евреи — начальнички,
Русские на войне,
А цыгане в стороне...

Что ж, спасибо за компанионов-цыган, хотя последние, как отчетливо явствует из текста частушки, все-таки не столь одиозные людишки, как евреи.

Справедливости ради, должен сказать, что изредка попадались иного сорта послания. Их авторы к евреям, в общем-то, никаких претензий не предъявляли, хотя, впрочем, и симпатий не выражали, может быть, чувствуя, что всякое солидаризирование с "убийцами" чревато опасностью. Зато о их подлинных настроениях говорили строки, где выражалось недовольство тем, что после рабочего дня их насильно гонят на собрания и митинги, где они должны, вместе со всем коллективом, выражать возмущение наглыми действиями сионистов, клеймить позором "зарвавшихся евреев".

Писем, выражающих сочувствие опальному еврейскому народу, было не так много.

Но это еще что! Нам ли, евреям, удивляться или возмущаться антисемитизмом?! Страшнее оказалось другое. К моему величайшему удивлению, для "оперативной разработки" нам было велено

отправлять не "меморандумы" откровенных антисемитов, а как раз тех немногочисленных "протестантов", которые проявляли недовольство или сомнение в целесообразности проводимой кампании. Как нам было сказано, антиеврейские письма, выражавшие точку зрения партии и правительства, следует считать патриотическими.

Времени на горестные размышления о том, что бы все это могло означать, мне не дали.

Выше я неоднократно подчеркивал, что мое политическое лицо, с точки зрения начальства, было безупречным. Прочность занимаемого мною положения в "ПК" казалась незыблемой, начальство относилось более чем благожелательно, кроме того, у меня имелись солидные родственные связи в "дружной чекистской семье". Все оказалось липой. Все мои "заслуги", как выяснилось, не стоили ломаного гроша, как и моя верность партии и коммунистическим идеалам.

Неожиданно, 25 февраля 1953-го года (за восемь дней до смерти Сталина) мне позвонили и попросили в семь часов вечера явиться в отдел кадров. Ничего не подозревая, я, старый служака, явился на вызов точно в назначенное время.

В отделе кадров разговор длился не более минуты. Тот же инспектор Иванов, всегда встречавший меня с дружеской улыбкой на устах, сейчас посмотрел на меня холодно и равнодушно. Без тени приветливости он несколько секунд как бы изучал меня, затем, уставившись мне прямо в глаза, твердым голосом сообщил, что с 23 февраля меня увольняют с работы "на основании сокращения штатов". Тут же мне было предложено в течение одного дня сдать все дела и явиться за расчетом. И все.

Работая в "ПК", я всегда находился в курсе событий, происходящих в городе и области. Из перлюстрированных писем я знал, что многих

евреев увольняют с работы только на основании пятого пункта. Вот почему я не мог не почувствовать, что меня постигла та же судьба, то есть, что я уволен в рамках все той же кампании расправы с евреями. Вот тут-то я и понял, каково им, тем, которых выгнали раньше меня, вне всякого сомнения, столь же невинных, как я. Боль, обида, протест — Господи, да о чем тут говорить, всем известно, что испытывает человек в подобной ситуации, особенно когда знает, что истинную причину увольнения от него скрывают. Как никогда я был убежден, что Иванов лгал, говоря об увольнении по "сокращении штатов". Я тогда еще не подозревал, что не одного меня "обидели", что такова участь всех евреев, работавших в МГБ.

Узнал я это наутро. Всех выгнали. До единого. Как последних негодяев. Как преступников. Ни с чем не считаясь — ни с заслугами, ни с опытом работы, ни со стажем. Всех. Под гребенку. За одну-единственную вину — за еврейство. Не пощадили даже вернейшую, трудолюбивейшую старшего оперуполномоченного отдела "В" капитана Риву Львовну Гольденберг, проработавшую в органах 22 года. До пенсии ей оставалось "трубить" всего три года, а ее вымели, как мусор...

Спустя несколько дней стали выясняться обстоятельства. Так мы, уволенные, узнали, что наши предположения верны, что не по сокращению штатов, а совсем по другой причине с нами разделались вчистую: пришел, оказывается, совершенно секретный приказ № 17, который и предписывал органам избавиться от всех сотрудников еврейской национальности, независимо от их звания, возраста, заслуг. Так в моей трудовой книжке и появилась запись о том, что я освобожден от занимаемой должности на основании "с/с № 17". К русским женам опальных евреев в соответствии

с пунктом приказа № 17 была проявлена снисходительность: они были чистой крови и их не тронули. Так, помимо моей супруги, в органах продолжали трудиться жены уволенных капитана Барзиловского, старшего лейтенанта Кислова и других. Моя жена вскоре уволилась по собственному желанию в связи с нашим выездом из Читы.

Вот когда я окончательно проснулся от летаргического сна, в который был погружен столько лет! Вот когда, не без помощи товарища Сталина и его органов, я почувствовал себя евреем! Ну конечно, если это не мой дом, не моя Родина, если я лишний за их столом, то почему бы мне не осознать свое истинное место на земле, то место, которое мне указано пресловутым секретным приказом № 17?

Как-то вмиг погасла яркая звезда, манившая меня прежде. Мне отказывают в доме, в праве на работу, в равноправии, во всем том, что привело меня в ряды КПСС, в органы. Что ж, я буду евреем! Точно так же, как я беззаветно служил своей бывшей партии, я отныне постараюсь беззаветно служить своему народу. Никаких половинчатых решений! Никаких компромиссов! Отрезано! Раз и навсегда!

Я никогда не был сионистом, не мечтал об Израиле. Моя коммунистическая партия помогла мне пересмотреть все прежние убеждения. Своими действиями она способствовала в прозрении многих евреев, даже ассимилированных, каким в это время был и я. Спасибо тебе, партия, что просветила меня, незрячего!

Здесь хочется повторить слова Михаила Хейфеца:

"Спасибо, большое спасибо коммунистам за это — они сняли с нашего народа не только тяжелое моральное бремя, но и способствовали его национальному самопознанию" ("Место и время", стр. 61).

Коротко и ясно. Лучше не скажешь.

Итак, бесповоротное решение покинуть страну я принял еще там, в Чите. Оставалось его осуществить, что было совсем не просто.

Прежде всего следовало выбраться из Читы — куда-нибудь поближе к западным границам страны. Таков был первый этап задуманного предприятия. Привести в исполнение эту задумку не составляло трудности, в пределах Союза я мог передвигаться куда угодно.

Любой порядочный человек перед отъездом старается проститься с друзьями, товарищами по работе. Поскольку я себя считал таковым, я и решил пожать им всем на прощание руку.

И еще одно страшное разочарование! Те самые люди, которые вчера еще улыбались мне, хлопали по плечу, советовались, брали взаймы десятку или просили рекомендацию для вступления в партию, — сегодня смотрели на меня как на пустое место. Я видел: никакого восторга от встречи со мной они не испытывают, напротив, она им крайне неприятна, что они и демонстрируют своим подчеркнуто официальным ко мне отношением, нескрываемым желанием удалиться побыстрее, ни слова не сказав по существу моего несправедливого увольнения из органов. В этот день я увидел безразличие, низость, трусость, отсутствие чести или человеческого достоинства. Вот так коммунисты! Все ж они отлично знали, что евреев увольняют исключительно за то, что они евреи, почему же никто из них не сказал хотя бы слова утешения? Не на партийном собрании, нет, а наедине, с глазу на глаз! Никто! Что, ничего человеческого партия не разрешала своим членам хранить в сердцах? Именно так! Это было мне известно, вот почему я и не осуждаю их. Генеральная линия партии не дает возможности коммунистам отклоняться от нее. Тот, кто нарушит это основополагающее пра-

вило, дорого заплатит за самовольство. Вот что в Советском Союзе означает понятие "единодушие" "полное единство взглядов!" или "железная партийная дисциплина".

Больше всего я искал встречи для разговора с глазу на глаз с Верой Галицкой, женой начальника отдела кадров подполковника Бугая. Она работала в "украинской группе" и, как я уже говорил, дружила со мной и моей женой. Наконец встреча состоялась. Вера держала себя сдержанно, осторожно, волновалась. Чувствовалось, что она боится проронить лишнее слово. Зная, разумеется, всю правду, она, тем не менее, избегала о ней говорить. Я тоже не напрашивался на "лишние" разговоры. Зачем доставлять людям неприятности? Под конец она все-таки не выдержала. Провожая меня, как-то жалобно, негромко проговорила: "Леопольд Ионасович, вы знаете, что я вас уважаю, поэтому не думайте о нас плохо. К вашему увольнению муж непричастен, предотвратить его он тоже был не в состоянии. Прошу вас ни о чем меня не спрашивать, даже того, что я сказала, я не должна была говорить..."

Мне кажется, комментарии к этому искреннему признанию излишни.

Не мог я уехать из Читы, не попрощавшись также с начальником отдела "В" подполковником Семаковым, тем самым, который так меня ценил. Мне нетрудно было заметить, что мой бывший начальник старается избежать встречи: то он ссылался на срочное совещание, то на отсутствие свободного времени. Ясно, что разговор со мной ему — что нож в сердце. В конце концов он вынужден был сдаться. Однако встретиться со мной наедине почему-то не захотел, пригласил еще и мою жену, продолжавшую работать в его отделе.

Когда мы вошли в его кабинет, он вежливо поднялся нам навстречу. Вид у него был приветливый, он старался шутить, хотя видно было, что вся его приветливость наигранна. Семаков расспрашивал нас о наших планах на будущее, что-то еще лепетал, но так как ясно видел мое настроение, вдруг, опустив глаза, попросил не задавать ему "лишних" вопросов, заметив при этом, что я сам должен понимать обстановку и причину увольнения. Спустя некоторое время все же произнес то, что я хотел от него услышать: "Вы с Ривой Львовной уезжаете, а я остался без двух лучших сотрудников и вряд ли найду соответствующую замену".

Нет, не все мои бывшие коллеги были законченными мерзавцами. Подлецами их делала партия, довершали воспитание органы, требовавшие подавления любого человеческого чувства, теплящегося в сердце их сотрудника.

Чем меньше человек был связан с этими "высокими сферами", тем свободнее проявлялись его человеческие качества. Доказательством могут служить наши уборщицы.

Несмотря на почтенный возраст, их не величали по имени-отчеству, а просто — Шура, Маруся и т. д. Так вот, Шура, уборщица военной цензуры № 115, приютила у себя человека, находившегося в ссылке после отбытия срока заключения. Она кормила его, приодела, словом, вернула к жизни. Конечно, органам об этом стало известно, и от нее потребовали прекратить всякие связи с "врагом народа". Шура стала уверять, что ее подопечный — хороший человек, но обижен судьбой, и она не может, не имеет права выгнать его как собаку. Тогда было решено ее уволить. Уходя с работы и прощаясь со мной, она шутя бросила: "У меня дома тоже Абраша, и я его не брошу. Он хороший человек и, думаю, тоже меня не обидит..."

Уборщицу из "ПК" звали Марусей. После войны она приехала из колхоза к родным в Читу и

ее приняли на работу уборщицей в военную цензуру № 115, а после ликвидации этого отделения перевели в "ПК". Когда потребовался плотник для сооружения стены, отделяющей "ПК" от почтамта, она порекомендовала начальству человека из своего бывшего колхоза. И действительно, тот плотник отлично справился с порученным делом. Вот почему его оставили в "ПК" в должности вахтера. Вскоре он женился на Марусе, и оба продолжали исполнять свои обязанности в "ПК". Когда я, уходя с работы, прощался с ними, я заметил в глазах Маруси слезы. Она их не стеснялась. Утираясь платком, пожелала мне всего хорошего:

— Не поминайте лихом!

Вот и поминаю я добром добрых людей, нашедших в тяжкое для меня время хотя бы слово утешения.

После завершения всех дел уволилась с работы моя жена. Наступил день отъезда. Я был рад прощанию с Читой. Нет худа без добра, как говорят в народе. Я потерял "хорошую работу?" Черт с ней вместе со всеми собачьими обязанностями, которые она на меня накладывала! Найду другую. Зато я приобрел свободу. Не будет больше надобности прятаться, таиться, лгать, изворачиваться. Больше у меня не будет двойной жизни. Я могу ехать куда глаза глядят, и никто не вправе мне указывать, что делать, а что не делать. В выигрыше оказался я, а милые органы — в явном проигрыше. Пусть еще поищут таких дураков, как я, готовых трудиться день и ночь, не пьянствующих, не бегающих за бабами. А в перспективе у меня нечто такое... Дай только Бог, чтоб все задуманное исполнилось!

Родной Дрогобыч встретил меня с прохладцей. Конечно же, антисемитизм разгуливал и здесь, и потребовалось два месяца, пока горком партии направил меня как коммуниста на работу — заместителем председателя артели "Шкиряник". "Шкиряник" так "Шкиряник"! Почему нет? В начальстве хожу. Ведь вот какую оплошность допустили органы: с работы меня турнули, а из партии нет. Стало быть, я еще в привилегированных, устраиваюсь с помощью горкома — скрежеща зубами, он обязан меня, еврея, пристроить. Не волнуйтесь, товарищи большевики, недолго я вам еще буду мозолить глаза!

Теперь я был совершенно другим человеком. Уроки, преподанные партией и органами, пошли мне впрок: к работе я относился без малейшего энтузиазма, никакой инициативы не проявлял, копил силы и деньги для "последнего и решительного боя".

Многие задавали мне вопрос: как это меня, бывшего негласного сотрудника советских органов государственной безопасности, выпустили за рубеж страны социализма? Как это посчастливилось мне получить разрешение на выезд? Ведь таких, слишком много знающих, они не выпускают!

Все верно. Мне и самому порой кажется, что только Божий промысел помог мне. Впрочем, существует еще и такое понятие, как еврейская хитрость, которая, ей-Богу же, переборит знаменитую русскую смекалку. Но все это софизмы. На деле же бывают моменты, когда решаются самые, казалось бы, неразрешимые вопросы. Надо лишь уметь выбрать момент, знать ходы и выходы.

Так вот, советским людям должно быть хорошо известно, что в политике первого в мире социалистического государства, благодаря "мудрости" вождей, подобных недоброй памяти И. В. Сталину, случались виражи, которые ни один здравомыслящий человек не в состоянии был бы предугадать. Вот пример. Кто мог знать в 1939 году, что вождь мирового пролетариата заключит

позорную сделку со своим злейшим врагом — вождем мирового фашизма, что два хищника растерзают лакомую добычу — Польшу, а потом насмерть передерутся?

Кратко проанализируем положение в СССР в 1956 году. Период хрущевской либерализации в стране. Одновременно — советская интервенция в Венгрию, где было жестоко подавлено вооруженное восстание маленького, но гордого и свободолюбивого народа. А тут еще волнения в вечно неспокойной Польше, вследствие которых к власти пришел Гомулка. Стремясь успокоить разбушевавшихся "братьев", Советский Союз торопливо и необдуманно (думаю, впоследствии советские вожди не раз кусали себе локти за этот опрометчивый шаг) подписал соглашение с Польшей. Один из пунктов этого соглашения говорил о репатриации в Польшу всех ее бывших граждан польской и еврейской национальности (слава тебе, Гомулка!), проживавших до 1939 года в Речи Посполитой, которым по разным причинам не разрешали до тех пор вернуться на родину или у которых возможности для этого не имелось. Советский Союз брал на себя торжественное обязательство облегчить и ускорить репатриацию всех желающих.

Ну конечно же, я — первый среди желающих принять прежнее польское подданство. Это ж первый шаг на пути к осуществлению моего заветного плана!

После предварительной информации в ОВИРе я официально подал все документы на выезд в "братскую Польшу" и довольно быстро получил заветное разрешение.

Должен сказать: когда я подавал свои документы, у меня не было ни малейшей гарантии, что и меня, бывшего тайного цензора, выпустят на основании соглашения о репатриации. Помните анекдотик: "Граждане, желающие выехать в Израиль, внимание! Поезд на Магадан отправляется через десять минут со второго пути!" Разве не могли родные органы и мне организовать поездочку не на Запад, а на Восток?

Для того, чтобы понять, почему этого не произошло, необходимо сказать еще несколько слов об обстановке, сложившейся в то время в СССР. Шел 1957 год. "Оттепель" была в разгаре. И хотя она не была такая, как ожидали, но все же без нее не было бы восстания в Венгрии, волнений в Польше. Да и в СССР КГБ потерял на время свою прежнюю силу, его сотрудники трепетали перед сыпавшимися на них обвинениями в беззаконьях и других преступлениях. В его рядах появилась неуверенность, даже растерянность, а это наложило печать на последующие события... Во избежание лишних осложнений, никто из них не решался брать на себя ответственность за нарушение такого важного документа, как соглашение с братской страной. Вот почему они сейчас старались быть только исполнителями приказов, и это соглашение добросовестно выполнялось. Конечно же, подписывая соглашение, советские руководители не предполагали, что среди желающих "репатриироваться" могут оказаться такие птички, как я. Вне всякого сомнения, КГБ знал о моей прошлой деятельности и не был заинтересован в моем выезде из СССР, ведь я знал все о "черных кабинетах", и нельзя было допустить, чтобы вместе со мной уплыли за рубеж и сведения об этом секретнейшем учреждении. Вся дальнейшая деятельность КГБ свидетельствует о том, что он понял свою ошибку и пытался ее исправить. Мне все же удалось обхитрить их. Есть же и подлинное еврейское счастье, а не только то, горькое, о котором столько сказано и написано...

Своим выездом за пределы СССР я не преследовал цель повышения своего жизненного уровня. В Союзе я жил в достатке как в годы моей службы в цензуре, так и в годы моего пребывания на ответственном посту в блаженной памяти артели "Шкиряник". Хо-хо-хо! В переводе с украинского это слово буквально означает "шкурник", хотя следует под ним подразумевать другое, более почетное понятие, а именно — "кожевенник". Нет, шкурником я никогда не был. Более того, подавая документы на выезд, я хорошо понимал, что нигде не буду жить в таком достатке, как в Советском Союзе. Но не хлебом же единым жив человек, черт возьми! Невозможно, нестерпимо жутко жить постоянно под микроскопом неких "высших сил", которым мало того, что они следят за твоими действиями, им еще и образ твоих мыслей важен. А чтобы изучить его, у них есть все возможности, уж это-то я прекрасно знал на своем собственном редчайшем опыте.

К тому же, я знал, что из Польши евреи могут свободно выехать в Израиль. А ну как повезет и мне! После всего пережитого очутиться в подлинно демократической стране, где без боязни можно делать и говорить все, что хочешь, не опасаясь никаких последствий. Да не в какой-нибудь, а в собственной, еврейской стране предков. Я не знаю ее языка, что ж, придется учиться. Может, Бог даст, дети будут, так пусть растут вдали от ужасов советского тоталитаризма, от всевидящего ока КГБ.

Забегая вперед, скажу, что мои надежды полностью оправдались. Более двух десятков лет прожил я в этой стране, и никто ни разу не спросил меня о том, где я раньше работал, чем занимался, каковы мои политические взгляды. Никогда и нигде я не заполнял унизительных анкет, не писал униженных заявлений, не ждал разре-

шения на прописку... Вот когда я понял, в каком кошмаре провел семнадцать лет жизни в СССР!

После получения разрешения на выезд, в соответствии с установленным порядком я явился в горком партии, где сдал свой партийный билет. Тогда-то секретарь горкома и прочитал мне свою глуповатую лекцию о необходимости говорить правду, только правду о Советском Союзе. Надеюсь, никто не упрекнет меня в том, что я отнесся без должного внимания к его наказу.

Теперь мой отъезд ни для кого уже не являлся секретом. Тут-то и начались события, которые я, наверное, обязан был заранее предусмотреть. Вмешались органы КГБ, те самые, которым я так честно и преданно ранее служил. Догадываясь о моих настроениях, о моей "симпатии" к ним, они не решились на личную встречу со мной, а стали действовать через мою жену. В мое отсутствие люди в штатском однажды пришли к нам и беседовали с ней. Потом эти посещения участились. Жена, понятно, рассказывала мне о них, и я все явственнее стал ощущать, как над моей жизнью нависает опасность. По свидетельству жены, один из непрошенных визитеров сказал: "Конечно, у вас имеются все документы на выезд, и вы имеете право уехать вместе с мужем. Но подумали ли вы о том, что будет с вашими родственниками? Вы ж прекрасно понимаете, что мы не сможем больше оказывать им доверие. К тому же, вы русская, член партии, бывший сотрудник органов. Что может связывать вас с Израилем?"

То, что из Польши я уеду в Израиль, ни у кого из них не вызывало сомнения. Они "по-дружески" советовали моей жене повлиять на меня и предотвратить мой отъезд из СССР. Мне был обещан возврат партбилета и соответствующая руководящая должность.

Мы с женой прожили вместе долгие годы, жили

душа в душу, поэтому все ухищрения гебешников не могли оказать на нее влияния, настроить ее против меня. Но оба мы хорошо знали, какими последствиями грозит ее эмиграция остающимся родственникам. Ведь почти все они занимали ответственные посты. На них-то и обрушится месть сотрудников комитета госбезопасности. Жена колебалась, переживала, мучилась, ей не хотелось расставаться со мной. Она понимала, что мне уже ни в коем случае нельзя оставаться в стране, что никаким обещаниям органов верить нельзя, их уступки носят исключительно временный характер, для них я уже изменник родины и поэтому мне надо уезжать, причем по возможности быстрее...

А я тем временем скрытничал, осторожничал как только мог. Знакомые в городе часто останавливали, расспрашивали меня о времени выезда. Зная, что любой мой ответ становится достоянием КГБ, я отвечал уклончиво: "Не знаю еще" или "Сам не знаю, выеду ли вообще". И чтобы такие ответы звучали правдоподобно, никаких приготовлений к выезду я не делал. Все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы не давать КГБ поводов для решительных действий, создать у ищеек впечатление, что в конце концов я все же поддамся уговорам и останусь в стране. События ускорил неожиданный приезд в Дрогобыч сестры моей жены, упомянутой уже Клавдии Петрушенко, работавшей прежде вместе с нами в читинской цензуре. В то время она вместе с мужем проживала в Мелитополе. О нашем предполагаемом отъезде в Польшу мы ей не писали, поэтому были немало удивлены ее неожиданным появлением — без мужа, с ребенком. Еще более удивились тому, что ей уже все известно о наших намерениях. Правда, всем своим видом она старалась подчеркнуть, что ничегошеньки не знает, но так было только вначале. Потом она открылась. Заметно волнуясь, не

зная, с чего начать, заговорила, обращаясь одновременно ко мне и к жене: "Скажите, чего вам не хватает? — Тут она взялась непосредственно за меня. — Леня, дорогой, скажи мне, чего ты хочешь? Квартира у вас хорошая, обстановка тоже, вы неплохо зарабатываете, всем обеспечены... Я тебя, Леня, просто не узнаю. Что с тобой приключилось? Что ты надумал? Ведь ты прекрасно знаешь, что будет с нами, если только вы уедете..."

Она умоляла меня опомниться, никуда не двигаться, при этом все била на то, что станется с ними, моими родичами. О том, что со мной сделали, она как-то позабыла. Ничего определенного я ей не сказал, понимая, что приехала она не по собственному почину. Но про себя решил: надо ускорить события, пока не поздно.

Я понимал, каково приходится моей жене от подобных разговоров. Она переживала за своих родственников, я — глядя на нее. Наверное, в те дни я постарел на несколько лет... Но обратного пути не было.

Мука кончилась трагически. Долг победил любовь. Не выдержав, моя жена решила остаться — ценой развода со мной. Я — той же ценой — принял решение ехать в одиночку.

Понимая, что органы КГБ способны на любые пакости, я решил уехать тайно, не попрощавшись ни с товарищами, ни с соседями, ни даже с сестрой жены. После полуночи, когда город давно уже был погружен в глубокий сон, чуть ли не по-воровски я вышел из дому с небольшим чемоданом в руках. Недалеко, в условленном месте, меня ждало такси. Жена провожала меня до самой границы. Почти всю дорогу она плакала. Я ехал молча, крепко стиснув зубы. Настроение было поганое. Даже говорить не хотелось. Да и о чем говорить, когда все было ясно без слов!? В ту ночь, по дороге

к государственной границе СССР, мы оба — я и моя жена, столько лет прожившие в мире и согласии, как бы перестали существовать друг для друга. Стена отчуждения выросла между нами, а возвел ее все тот же мастер — строитель и разрушитель — КГБ. Будь он проклят ныне и присно и во веки веков!

И все же какие-то ниточки еще связывали нас, что-то теплилось в окаменевших сердцах. Когда поезд тронулся, я высунулся в окошко и в последний раз взглянул на женщину, которую любил. Она шла за вагоном, утирая обильно струившиеся слезы. Сердце сжалось от боли. "Прощай и прости!" — крикнул я ей, но она, конечно, моих слов не расслышала.

Никогда больше я ее не увижу. Даже туристом я не смогу поехать в Советский Союз! Границы этой прекрасной и чудовищной страны для таких, как я, — на замке...

x x x

В Польше я рассчитывал немедленно оформить документы на выезд в Израиль, ведь "народная, социалистическая" Польша мало чем отличалась от антинародного, тоталитарного великого соседа своего. Однако, к моему удивлению, в выезде мне было отказано. Что ж, решил я, надо переждать, дождаться подходящего момента. Чтоб зря не терять времени, я, несмотря на то, что никогда физически не работал, поступил на завод. Такой шаг имел еще одну положительную сторону: я как бы уходил из поля зрения народной польской "дефензивы", несомненно связанной с советской госбезопасностью. Какое-то время тихо, мирно трудился, осваивая благородное токарное ремесло, потом сделал очередной "заход" в польский ОВИР. И опять отказ.

И так каждые шесть месяцев я писал заявления с просьбой о разрешении на выезд в Израиль. На все мои ходатайства следовали отказы. Бюро польского министерства внутренних дел сообщало, что на основании статьи 4 (пункт 2) 5 закона от 17.У1. 1959 года принято решение отказать в моей просьбе. Упомянутая статья предусматривает отказ в разрешении на выезд за границу "по государственным соображениям".

На моих глазах уезжали крупные ученые, писатели, деятели кино, а мне, рядовому токаришке, разрешения на выезд не давали! Мои новые польские друзья и знакомые терялись в догадках: что, как, почему?

А я помалкивал. Уж чему-чему, но искусству молчания за годы своей позорной службы в тайной цензуре МГБ я научился. Было предельно ясно: причина отказа — это моя прошлая деятельность в МГБ. Мои "кумовья" держали меня в поле зрения, а их польские коллеги не могли им отказать в такой пустяковой услуге, как задержка одного-единственного хитро...пого "жидека" в пределах обнесенного колючей проволокой "социалистического лагеря".

Нередко товарищи по работе приглашали меня в ресторан, расспрашивали о моем житье-бытье в Советском Союзе, о моих дальнейших планах. Некоторые слишком уж назойливо стремились поближе со мной сойтись, поговорить "по душам", щедро потчевали меня водкой... Ничего плохого не могу о них сказать, может быть, их простонапросто интересовал человек, покинувший враждебную Польше советскую страну. А если нет? Если они действовали "по заданию"? Системка-то ведь здесь и там одинаковая, и польские чекисты наверняка осваивали "передовой опыт" своих российских коллег. Но я уже был не тот, каким начинал свою службу в советских орга-

нах. Опасаясь зайти в разговоре слишком далеко, я всегда избегал беседовать на эту тему, на прямые вопросы отвечал уклончиво, зачастую спешил переменить тему. Вообще-то говорил, даже много, но все больше о своей хорошей жизни в Союзе, о прекрасной русской природе, о замечательных русских женщинах... О самом сокровенном молчал. Как рыба. Водка для меня была не внове. За годы работы в МГБ я бочку водки выпил с друзьями-чекистами, так что пить мог сколько угодно, не пьянея. Словом, стреляный воробей!

А время шло. Отказ следовал за отказом. Отчаявшись, я надумал было пойти на хитрость: купить туристическую путевку куда-нибудь в Австрию или Италию и, выехав, попросить политическое убежище. Записался, стал ждать, наконец сообщили мне, чтоб я готовился к отъезду. И вдруг, буквально в последнюю минуту, позвонили из туристического бюро и сообщили, что в выезде мне отказано, а деньги я в любой момент могу получить обратно. О, родной почерк МГБ — КГБ!

Вот таким образом милые органы целых девять лет крепко держали меня в своих лапах. Помог мне... антисемитизм. Кончилось бесславное царствование Гомулки, началось бесславное правление Герека, а с ним большая волна антисемитизма в народной Польше. В ход пошли испытанные методы черносотенцев всех времен и народов: евреи — шпионы, евреи — пятая колонна сионизма и империализма... И я, наконец, получил долгожданное разрешение на выезд в Израиль!

Что случилось? Почему теперь — да, а девять лет — нет? Не знаю. Не исключено, что даже польским властям не была известна истинная причина необходимости "не пущать" меня. Советские коллеги просили, верно, но ведь всех "жидеков" сейчас вытуривают коленкой под зад, отчего же и этого не выпихнуть? Меньше чесночной вони в стране останется!

О неразумное, но вечное, как мир, племя антисемитов! Только в евреях вы видите корень всех зол. Что ж, взгляните на сегодняшнюю Польшу, чистенькую, стерильную, на 99,99 процента свободную от "жидеков". Обрела ли она свое счастье? Рада бы теперь "Солидарность" солидаризироваться с евреями, да где они? Впрочем, почти полное отсутствие евреев нисколько не смущает наполеончика Ярузельского и его прокоммунистическую гомкомпанию: все равно евреи виноваты! Оставшиеся и их пособники из Соединенных Штатов, Израиля и других стран Запада. Тоже ведь родной почерк неутомимого по части подлостей МГБ — КГБ...

x x x

Возможно, мои мемуары кое-кому покажутся не особенно интересными, не особенно сенсационными: еще одна исповедь, скажут, еще один "винтик" советской политической машины, вырвавшийся из нее и свидетельствующий против нее. Все верно. Я никогда не стремился быть и не был большим человеком, не имел отношения к так называемой большой политике. Но "винтиком" был. Из тех, на которых держится эта чудовищная машина. Я находился внутри нее и лучше, чем кто бы то ни было, знаю ей цену. Мои записки — тому свидетельство. То, что до сих пор оставалось предметом догадок, сегодня предано мною широкой гласности — структура, методы и формы деятельности советского "черного кабинета".

Я уверен, придет день, народы СССР свергнут своих угнетателей, сведут счеты с главными преступниками страны, убийцами миллионов, и обретут ту свободу, которой пользуюсь в Израиле я, бывший тайный цензор МГБ, ныне простой, скромный токарь-пенсионер Леопольд Авзегер. Посколь-

ку до того великого дня я не доживу, — оставляю для будущих судей коммунистического тоталитаризма вот эти мои записки, которые и прошу приобщить к делу в качестве неоспоримых вещественных доказательств.